МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Татьяна СТАВИЦКАЯ

АЛМАЗ. АПОКРИФ ОТ МОСКОВСКИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман повествует о каверзе, устроенной сообществом Вечных Москвичей лондонскому сообществу. История самого крупного из когда-либо добытых человечеством алмазов «Куллинан» в отличие от других известных камней кажется абсолютно прозрачной. Но это не так. Посудите сами: разве могли бессмертные московские эстеты позволить лондонским так варварски расправиться с уникальным камнем, как о том пишут в энциклопедиях? Немыслимо! Судьба алмаза становится очевидной, если оценить масштаб и своеобразие личностей, взявшихся за его спасение, и принять во внимание исторический фон короткого с точки зрения Вечности периода пребывания камня на поверхности Земли.

Итак, московская нетрадиционная версия развития событий.

- Татьяна Ставицкая
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
  - Часть вторая

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Часть третья

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

Татьяна Ставицкая
Алмаз. Апокриф от московских

События воссозданы по материалам прессы, поэтому история представляется автору сомнительной.

Автор за достоверность не ручается, зуб не даст.

Все лица и учреждения вымышлены, совпадения случайны.

В прошлом всегда есть что-то абсурдное.

Макс Бирбом

Часть первая
Москва воровская

Глава 1
Поберегись!

Быть может, в каких-нибудь других краях и удалось наладить жизнь лучшую, преодолев влияние ландшафта и обычая, но не такова Москва.

Хроникер криминальной жизни Первопрестольной Арсений Адаманский, трудившийся в газете «Московское время», проснулся поздно. Казус сей был следствием ночной товарищеской попойки по случаю так бездарно проигранной войны с Японией и позорно сданного Порт-Артура. Ведь каждому мыслящему человеку, а именно к таковым относил себя репортер, было ясно как божий день, что военный бюджет попросту расхищен. А воевать малыми средствами на другом конце света означает обрекать себя на заведомое поражение. Каждая военная кампания, подозревал сугубо штатский репортер, есть война средств. Впрочем, чем бы ни окончилась любая война, в которую суждено вляпаться России, она непременно выйдет из нее обессиленной и истощенной, обремененной многомиллиардным государственным долгом, с обесцененным рублем, разрушенной промышленностью и разоренным сельским хозяйством. Отчего так? Неужели государь не видит, что вокруг него воры?

Бой часов за стеной, гулко отозвавшийся в нездоровой голове, напомнил репортеру о назначенной на полдень важной встрече с осведомителем. Надобно было торопиться. Испросив у хозяйки капустного рассолу и осадив одним махом ночное недоумение, Адаманский поискал рубаху почище, влез в выглаженные хозяйской прислугой брюки, надел пальто, шапку и, подняв барашковый воротник, вышел в студеную Москву. Огляделся вокруг, и престранная мысль посетила вдруг его: как ни стараются застройщики сгладить впечатление от зубастости Первопрестольной, зубья сами собой прорастают из земли московской: то островерхая башенка со шпилем – не с фасада, так со двора, то доходный дом, то фабричка, то особнячок, то усадебка, а то и целый магазин высотный. И все – кверху зубьями! Как оно так получается? Сие никому не ведомо. Само из земли лезет. Но пока, по счастью, зуб на зуб не попадает. А как выстроятся друг против друга, так челюсти и сомкнутся, отчего-то подумал репортер.

Квартировал Адаманский в «малодушном» вдовьем доме под ярко-зеленой железной крышей, украшенной прихотливыми башенками и шпилями; просторный двор был обустроен

службами: кухней, ныне пустующими конюшней и людской, поскольку лошади были давно распроданы, а дворня распущена по домам. Барский особняк, знававший лучшие времена, теперь ветшал и поддерживался лишь средствами от сдачи комнат в наем.

По Садовой-Черногрязской навстречу репортеру неслась поземка, производя завихрения вокруг его особы. Да только невдомек ему было, что те завихрения влекли к нему, словно затягивали в воронку, персон, с которыми затейницей-судьбой ему в тот день уже была предначертана встреча. Случаются дни, когда клубок встреч становится судьбоносным и определяет всю последующую жизнь.

Зима в тот год ничем не отличалась от всех предшествующих московских зим – лютовала и проказила. В сочельник, накануне Рождества, по случаю мороза, утром доходившего до тридцати градусов, в гимназиях и городских училищах занятия отменились, хотя мороз отнюдь не мешал гимназистам, не охочим до сидячей жизни, кататься на салазках и швырять в прохожих снежки. Снаряды, по причине сухости снега, выходили некрепки и ударяли не больно.

У церкви Трех Святителей хроникер, отряхивая с пальто следы снежного необидного обстрела, сел в случившийся кстати вагон конки, имея намерение собраться по дороге с мыслями. Но не довелось. Собираться пришлось с силами, и притом очень быстро, поскольку неожиданно в вагон вскочил злобный расхристанный субъект и одним своим появлением словно столкнул с пологого холма снежный ком, и тот покатился неспешно по Москве, разрастаясь налипающими на него людьми и событиями, и не было, казалось, тому снежному кому остановки.

Начало событий репортер, еще не подозревая своей будущей роли в них, изложил в вечернем номере своего издания:

«Сегодня в полдень мещ. Исидор Лангфельд, желая сесть в следовавший у Красных Ворот вагон конно-железной дороги за № 126, вскочил на переднюю площадку, куда вход воспрещен. Кучер, бляха № 43, не пускал пассажира. Лангфельд, войдя в азарт, нанес кучеру побои…»

Далее следовало красочное описание собственной удали репортера в поимке легендарного московского вора. Тем утром удача отвернулась от Исидора Лангфельда, поэтому похмельный патриот Адаманский и рассердившийся кучер скрутили его в четыре крепких руки и сдали в участок.

Приступ буйства случился с Лангфельдом вследствие внезапного нарушения душевного равновесия. Накануне, около

четырех часов пополуночи, в номерах «Ливерпуль», что в Столешниковом переулке, разыгралась целая драма. Исидор зашел с амурными намерениями к своей новой пассии – мещанке Прибытковой, спасенной им третьего дня от хулиганов в Солодовниковском пассаже, и застал у нее средь пуховых перин разжиревшую за время войны интендантскую крысу в исподнем. Крысы те в последний год японской кампании, уже не скрываясь, разъезжали на моторах по московским ресторанам и гуляли там с удивительным бесстыдством. О суммах, кои возили с собой господа интенданты в карманах и портфелях, вору было известно отнюдь не понаслышке.

Спустив крысу с лестницы и швырнув вослед позорный интендантский мундир, Лангфельд призвал девицу Прибыткову к ответу.

– Позвольте, – пыталась объясниться та, – вы ведь даже не спросили, одна ли я на белом свете. И на что живу!

– А-а-а! Так вы, сударыня, содержанка! И много ли у вас, позвольте спросить, содержателей?

– А как вы думали? Должен же кто-то даму содержать! Что-то я не припомню, чтобы вы мне предложение делали. Да и я вам, сударь, ничего не обещала.

Исидор никак не мог взять в толк, чем, собственно, содержанка лучше порицаемой обществом честной шлюхи. Разве что – обходится дороже. Но тут Лангфельда, склонного к внезапным озарениям, посетила еще одна неудобная мысль. Выходило, что интенданты делились награбленным из казны с дамами – добровольно и с ворами – принудительно. То есть содержали на ворованные средства часть общества, из чего следовало, что Лангфельд – краса и гордость московского воровского мира – тоже был до некоторой степени содержантом. От этой оскорбительной мысли Исидор пришел в буйство и после шумной сцены ревности в пылу взбаламученных чувств нанес пассии рану выше колена. Переулок огласился душераздирающими криками, сбежалась прислуга. Перепуганный содержатель «Ливерпуля» вызвал врача. Лангфельд под кудахтанье прислуги скрылся, а полицейский врач вызванной кареты «Скорой медицинской помощи» оказал истекавшей кровью даме первую помощь. Положение больной было признано не очень опасным. Но имени своего обидчика Прибыткова скрывать от полиции не стала. И вот вам результат: в полдень взволнованный неуловимый вор – король московских карманников и знатный медвежатник по совместительству, что само по себе – редчайший случай, доставлен репортером в участок. А у полиции имеется к нему документально

оформленное заявление мещанки Прибытковой о покушении злодея Лангфельда на ее, мещанкину, жизнь.

Полиция не чаяла такой удачи. По распоряжению начальника сыскного ведомства накануне производилась облава. Задержали четыре десятка воров, но без главаря, что несколько омрачало торжество. Поэтому, заполучив Лангфельда, притом без особых к тому усилий, обер-полицмейстер обещал Адаманскому не только благодарность, но и денежное вознаграждение, чем репортер был несказанно обрадован. В последнее время, ощущая острый недостаток средств, он собрался было засесть за роман, но дальше описания натуры – подмосковной деревеньки Трудолюбовки – дело не шло. Уж очень мрачные нравы царили в том идиллическом пейзаже: ущербные пейзане, худые коровы, пьянство и разор. Свобода, подаренная государем-мучеником, впрок крестьянам не пошла. Никакой пасторали не выходило. В результате из-под пера Адаманского вызревал не роман, а социальная драма – тяжелая, смердящая и безысходная. Кто ж такое читать станет? Так устроена была голова Адаманского: он и в городе видел не героев любовного романа, а сплошь чиновников, ворующих за-ради поддержания семьи, пьющих мастеровых, грязных визгливых торговок – дрянную жизнь дрянных людей и повсеместный разбой. Собственно, ничего другого он и не мог увидеть – в другие круги допущен не был. Хотелось, конечно, пуститься в фантазии о проплывающих мимо в дорогих колясках и авто роскошных феминах. Но что он знал о небожительницах? Ни уклад, ни ценности их духовные и нравственные, ни чувства, ни манера их выражения не были ему ведомы. Разве что наняться в такое семейство учителем и лицезреть все воочию. Хотя, кажется, мсье Стендаль уже использовал этот ход. Да и не один только Стендаль. Адаманскому претило идти исхоженным путем. Он мечтал о головокружительных приключениях, в том числе и амурных, которые так обидно отсутствовали в его жизни. Что же до московских уголовных происшествий, то ни одно из них не тянуло на роман, а все они, вместе взятые, никак не хотели выстраиваться в единый сюжет. В силу совокупности сих огорчительных причин и оставался он заурядным хронистом заурядной жизни Москвы.

Газет теперь публика тоже не читала, желая отгородиться от революционных и уголовных ужасов. И если во время войны тиражи росли на патриотической почве – обыватель усердно вел счет потерь, – то теперь тиражи падали, а с ними и гонорары.

Покинув с высоко поднятой головой участок, хроникер решил, что спешить на встречу с осведомителем уже не имеет

смысла, а нужно срочно писать по горячим следам репортаж. Причем делать это следует непременно в каком-нибудь приятном месте. Вчера Адаманским были получены восемь рублей гонорара, часть которого он и собирался теперь употребить на восстановление пошатнувшегося за ночь здоровья. Отчего бы достойному человеку не вознаградить себя за труды и доблесть? Выбор его пал на дорогую кофейню Филиппова. Впрочем, что смертный человек может знать о своем выборе? Не исключено, что он был определен хроникеру свыше. Сам же Адаманский пребывал в уверенности, что в кофейню его загнала метель.

Сын знаменитого булочника Филиппова переустроил заведение на европейский манер, с целью привлечь публику состоятельную, с изысканным вкусом. Одни только зеркальные окна и мраморные столики влетели ему в о-го-го какую копеечку! Посетителей встречали лакеи в смокингах, резко контрастировавших с ярославскими лицами потомственных половых. Тем не менее это претенциозное заведение быстро обрело весьма сомнительную славу «вшивой биржи». Состоятельные москвичи не спешили менять свои привычки, поэтому в числе завсегдатаев кофейни случались комиссионеры, агенты игорных домов, которые устраивали здесь нечто вроде сходок, и сыщики, которые «пасли» сих господ. Здесь происходила вербовка азартных посетителей в игорные дома. И кому, как не Адаманскому, было знать, что тут обделывают свои темные дела благопристойные с виду наводчики? В дни бегов и скачек кофейня полнилась публикой разного чина и звания с беговыми и скаковыми афишами в руках. В этой респектабельной с виду кофейне они получали от «жучков» сведения, на какую лошадь следует ставить. Вот и теперь фартовые личности обсуждали вполголоса новость, которая для них никакой новостью как раз не была, а просто волею случая сделалась достоянием публики. Дело было в подмене лошадей с целью завладения призом. Вчера в покушении на такой подлог был изобличен один весьма почтенный господин, выведший на ипподром под видом назначенного в гандикап Почтителя другого своего рысака – Урагана, обладающего значительно большей резвостью, и один из судей – бывший владелец обоих названных рысаков – опознал их и указал на подмену. Вышел большой скандал. Нельзя было исключить вероятность, что дело перейдет в суд.

Адаманский решительно направился мимо «жучков» к столику у окна, но дорогу ему как бы случайно загородил лакей.

– В кредит не отпускаем-с, – не глядя в глаза, предупредил он Адаманского, окинув профессиональным взглядом клиента.

Подивившись такой встрече, корреспондент сунул руку в карман и обнаружил, что карман взрезан, а наличности и след простыл. То ли Лангфельд во время задержания явил чудеса профессиональной сноровки, то ли кто-то из пассажиров конки воспользовался подвернувшимся случаем, – что уж теперь гадать? Хроникер, проклиная всех жуликов Первопрестольной, собрался было пойти в знакомую лавку, отпускавшую ему в долг, и купить фунт жареной колбасы, чтобы позавтракать ею в редакции, но тут случилось неожиданное. Прилично и даже щегольски одетый молодой человек, сидевший спиной к «жучкам», по виду ровесник Адаманского, только до странности бледный лицом, откровенно скучал, хотя корреспондент поклясться мог, что при всем деланом равнодушии тот внимательно прислушивался к шепотку «вшивой биржи». А тут такая забавная сценка приключилась на его глазах: выпроваживают фраернувшегося клиента. Натешившись зрелищем, смертельно бледный господин предложил Адаманскому не уходить, а составить ему компанию к взаимной пользе: оный молодой человек угощает Адаманского, а тот рассказывает ему какую-нибудь интересную историю.

– Так вам повезло, сударь! Ведь я – корреспондент! У меня этих историй!.. У вас денег не хватит угощать! – обрадовался Адаманский.

– За это не беспокойтесь, – ответил щеголь.

Что-то в облике нежданного благодетеля показалось корреспонденту страшно знакомым и напомнило ему о событиях скорее печального характера. У Адаманского была профессиональная память на лица.

– А не мог ли я вас видеть в Угличе, на Дне памяти убиенного царевича Димитрия?

Несколько лет тому назад довелось корреспонденту присутствовать в упомянутом Угличе на ежегодном ритуале: 15-го мая все дети Углича и его окрестностей, до восьмилетнего возраста, собираются в кремле и здесь, после богослужения, совершаемого с особой торжественностью, участвуют в крестном ходе вокруг дворца, в котором некогда жил царевич Димитрий, злодейски убитый при так до конца и не выясненных обстоятельствах. А то был как раз юбилейный год – отмечали 310-ю годовщину злодейства. По окончании крестного хода Уар (а бледный господин в кофейне был конечно же он) раздавал детям гостинцы и игрушки. Посещение Углича было во всех смыслах тяжелым переживанием для царевича. Адаманский же, испытывая любопытство в отношении сего смертельно бледного благотворителя, имел намерение поинтересоваться его личностью, но тот как-то быстро исчез из виду. Говорили: уехал

на моторе, притом сильно спешил, а сам репортер был уведен кем-то из коллег в местный трактир.

Тут как раз принесли заказ. Уар не счел нужным отвечать на вопрос хроникера и всем видом своим выказывал готовность слушать историю. Адаманский, сделав несколько глотков ароматного горячего напитка, приступил.

– Я криминальной хроникой все больше занимаюсь. Интересно ли вам это? Что ни день, то грабежи, разбой, воровство, убийства. Да вы наверняка в газетах читали. А сегодня, представьте, мне самому довелось известного разбойника скрутить. Лично! Рассказать?

– Окажите любезность, – усмехнулся Уар.

И Адаманский поведал незнакомцу о своем подвиге, да приукрасил, как водится, и собственную удаль, и общественную опасность вора, связанную с его отменным мастерством и неуловимостью. Незнакомец не отличался живостью реакции и слушал, казалось, вполуха. Следующая порция элитного кофею со свежей выпечкой употреблена была корреспондентом под рассказы о буднях Москвы, насыщенных, по обыкновению, уголовщиной.

– А вчера презабавная история вышла: на Солянке сторожа задержали двух громил по сомнению в принадлежности им пишущей машины. И можно было бы предположить в них писателей или даже пиитов, хоть и рожи – откровенно разбойничьи, да вот незадача: при обыске сии служители муз оказались обмотанными шелковой материей.

Хроникер засмеялся, живо вспомнив картинку, при которой ему довелось присутствовать лично благодаря собственному, везде поспевавшему осведомителю. Но слушатель откровенно скучал, и Адаманский переключился на события культурной сферы.

– На днях, говорят, знаменитая босоногая танцовщица мисс Айседора Дункан предполагает дать в Москве два представления. Вот тут – хоть карманы зашивай!

Собеседник несколько оживился. Адаманский был доволен – наконец-то ему удалось растормошить этого изнывавшего от скуки субъекта, достучаться до мраморного Нарцисса. А что тот Нарцисс – московский репортер не сомневался ни минуты.

Уар же находил хроникера забавным и даже обаятельным. Тот мило, но не вульгарно жестикулировал, имел живые насмешливые глаза, которые, казалось, наблюдали за производимым его россказнями эффектом, и русые волосы, вольно распавшиеся на пробор из-под снятой шапки. Как жаль, подумал он, что репортеру недостает средств на хорошего

парикмахера! А впрочем, довольно и того, что тот, кажется, неглуп и хорошо информирован.

Заметив оживление в лице слушателя и приписав его интересу к артистизму дамского пола, Адаманский развил тему:

– Приходилось ли вам слышать о французской танцовщице-сомнамбуле Магдалине Гэ? В настоящее время она гастролирует в Германии, где, говорят, возбуждает интерес не меньший, чем Дункан. Она танцует под музыку Бетховена, Шопена, Баха, но делает это в состоянии гипнотического усыпления. Имеет колоссальный успех! А есть еще, я слышал, бодрствующая подражательница Дункан – мисс Мод Гвендолина Аллен, мимически комментирующая музыку.

Танцовщицы действительно интересовали смертельно бледного господина, особенно одна – московская. Этуаль только начинала карьеру, и к моменту знакомства с Уаром совсем не имела гардероба, что, впрочем, искупалось плещущим через край жизнелюбием и особой привлекательностью. Уар выкупил ее из полицейского участка, куда барышня доставлена была прямо из «Мехового магазина Хомякова», что на Ильинке. Пикантность момента состояла в том, что она намеревалась уйти из магазина в шубке, не заплатив за нее. Уар, столовавшийся об эту пору в меховых магазинах, полнившихся чистой, сытой московской плотью, стал свидетелем удручающей сцены задержания очаровательной мошенницы и передачи ее в руки околоточного. Он мог, конечно, договориться по дороге и с околоточным, но барышня еще не была достаточно напугана, чтобы преисполниться благодарностью к спасителю в должной мере. А потому он позволил страшно довольному полицейскому чину со свистком, висящим на металлической цепочке по правому борту шинели, сопроводить в участок, супя брови, миловидную особу, дрожавшую в плюшевом пальто.

Сам же околоточный в форменной одежде нового образца, точь-в-точь офицерского, представлял собой живую картину отеческой заботы государя о любимом ведомстве: поверх каракулевой шапки и каракулевого воротника шинели, перепоясанной лаковым кожаным поясом с никелированной пряжкой на один зубец, надет был верблюжий светло-коричневый с серебряным галуном башлык и черные суконные наушники. Черные шаровары с красным кантом уходили в сапоги на твердом футере, с лаковыми голенищами; поверх сапог околоточным дозволялись галоши. Задники галош имели специальные прорези для шпор, окованные медными пластинками. Одним словом, модисты потрудились на славу! Облеченный властью и на совесть обмундированный чин с исполненным верою в правое дело лицом

придерживал широкой дланью за нежное плечико верткую мамзель, имевшую наивное намерение утеплиться задаром.

В участке же перед присутствующими развернулось феерическое зрелище: этуаль в знак протеста принялась срывать с себя и без того немногочисленные покровы, поражая непривычных к созерцанию столь нежных красот полицейских, и угрожала, что она объявит холодовку. Так что Уару не пришлось долго уламывать участкового пристава: барышню выдали ему на поруки с готовностью, хоть и за солидные отступные.

Самыми популярными товарами зимой кроме дров и водки были, как водится, меха. И если кто-то довольствовался полупальто из шелкового плюша, то Уар повез вызволенную пленницу в «Сибирский торговый дом А. М. Михайлова» на Кузнецком Мосту, где меховые изделия были представлены во всех видах: палантины, этоли, горжетки, боа, дамские шляпы и муфты, дохи на разных мехах. Всю дорогу барышня щебетала, смешно морщила носик и принимала томные позы, как бы намекая на воспоследующую благодарность.

И благодарность воспоследовала. Он желал ее так страстно, что едва находил силы сдерживать себя. Из ресторана, где отмечалось знакомство, чудесное спасение и милый щедрый дар, молодые люди отправились в особняк Уара. Чутье не подвело его: в любовных утехах этуаль оказалась весьма артистична. Гораздо более, чем он мог представить. Она словно продолжала некий танец, зародившийся в ее голове: ухитрялась держать спину, тянуть носок, следить за выворотностью стопы. Утром Уар проснулся с ощущением, что она так и не досталась ему.

– Сударыня, вы этой ночью были со мной? Или на сцене Императорского театра?

– Ах, ну зачем вы спрашиваете? Я, вероятно, была в образе!

– В таком случае вам оставалось только раскланяться, а мне – наградить вас аплодисментами!..

Тем не менее Уар находил дело поправимым. Она еще привыкнет к нему и ринется с желанием и жаром, позабыв о хореографии. Ну что ж, он будет терпелив. Ведь у него в запасе – вечность. А пока радовало одно – это не выглядело деловитым расчетом за подаренную шубку и свободу.

Анастасия не стала звать царевича его родильным именем – Уар, да и крестильное – Димитрий – находила слишком холодным, поэтому именовала его Митей. И ему это неожиданно понравилось.

Тогда же он замыслил устроить ей ангажемент, но оказалось, что для Большого театра ее исполнительское искусство несколько вульгарно, хотя сам Уар находил его более эротическим, нежели

вульгарным.

– Подыщите для вашей канканерки какой-нибудь кафешантан, – посоветовал ему директор театра.

Уар и сам понимал, что классический балет мало подходит для его подопечной хотя бы даже по свойству ее натуры, не говоря уже о пышных статях: шанжман де пье в ее исполнении сопровождался излишне громким стуком при приземлении, да и антраша не хватало легкости. Но ни в какое варьете отдавать подопечную Уар не собирался, а думал создать для нее некий особый танцевальный жанр. Какой-нибудь балет-модерн, скажем. Pourquoi pas? Но теперь, по правде говоря, его несколько смущала манера танцовщицы при последнем па срывать с себя муаровый хитон, оставаясь при этом в трико телесного цвета. Пурпурный сценический костюм летел в партер. В публике неизменно разносился изумленный вздох, мужчины разражались овацией, а дамы – шиканьем. С супругой какого-нибудь почетного мирового судьи непременно делался припадок, и пострадавшую еще долго приводили в чувство.

– Зачем вы это делаете, сударыня? – спросил Уар танцовщицу после первого выступления.

– Я мщу им за отнятую шубку, которой я пыталась согреться в стужу, – ответила этуаль, – пусть подавятся. И потом, я же не в казармах для нижних чинов танцую. Публика облагораживает представление. То, что в глазах простолюдинов выглядит конфузом, состоятельная публика принимает за изыск.

Уар тогда не нашел, что возразить, полагая аргумент танцовщицы весьма разумным.

– И все же, я нахожу, что вы рискуете репутацией. Родителей ваших не боитесь ли огорчить? – с беспокойством поинтересовался Уар.

– Я – сирота, – отрезала этуаль.

Он вдруг отчетливо осознал, что жизнь вновь его балует. К тому же новая любовь случилась на исключительно благоприятном фоне: настроение биржи твердое, спрос на выигрышные займы и нефтяные ценности на должном уровне, с деньгами свободно; ожидается понижение дисконта со стороны государственного банка.

Относительно своего происхождения и родственных связей этуаль к тому времени не совсем еще определилась. Прислуга доносила Уару, что барышня сказываются то сербской княжной, а то и внебрачной дочерью государя. Он и не настаивал на разъяснениях, и вообще старательно избегал скользкого вопроса, поскольку самому представиться сыном Иоанна Грозного было бы еще большей диковинкой.

Тем временем на углу против кофейни Филиппова со ступенек крыльца парикмахерской Леона Эмбо сошел молодой человек с прической, тщательно уложенной петролем.

– А вот и мой… – Адаманский чуть не сказал «осведомитель», – приятель. Благодарю за угощение, сударь, надеюсь, я его отработал сполна, так что позвольте откланяться. А если вдруг понадоблюсь, ну мало ли: хандра нападет или сведениями разжиться к взаимной пользе, то вот вам моя карточка.

Уар повертел в руках дешевый прямоугольничек и вынул свою визитную карточку с золотым обрезом:

– Сообщайте мне, если вдруг что-то нетривиальное приключится в мире. К взаимной пользе, разумеется.

Адаманский счел это данью вежливости, но визитную карточку с золотым обрезом и надписью «Димитрий Иоаннович Углицкий», разумеется, взял. Мало ли?.. И тут произошла еще одна неожиданность: новый знакомец не только пожал хроникеру руку, но и слегка приложился к его шее, что выглядело, на вкус репортера, несколько богемно.

В этот момент у крыльца кофейни остановилась нарядная коляска, и выходящий Адаманский столкнулся в дверях с феминой в волнующем красном и в облаке умопомрачительных духов. Хроникер застыл, словно громом пораженный, а придя в себя под насмешливым взглядом этуали, посторонился и, проследив за ней, увидел, что навстречу райской диве поднялся его случайный собеседник.

Выйдя из кофейни и переведя дух, корреспондент обнаружил, что его информатор – Николай Трубницкий – уже скрылся в неизвестном направлении.

Осведомитель Адаманского ухитрялся всегда оказываться на месте преступления раньше полиции. А может, той зимой 1904–1905 года преступлений в Москве было столько, что, где ни окажись, обязательно станешь свидетелем, а если не повезет, то и жертвой преступления. Но бывшему ученику коммерческого училища Николеньке Трубницкому пока везло. Особое чутье вело его от одного места преступления к другому.

Москва той зимой словно оголодала до обморока. И дело было не просто в том, что вздорожали жизненно важные продукты, хотя цена супового мяса достигла восемнадцати копеек, да к тому ж необычайно вздорожала птица. Например, утка, расценивавшаяся раньше по рубль тридцать копеек пара, теперь шла по рублю штука. Дело было в чем-то другом. Любая война, чем бы она ни закончилась – победой или поражением, –

влечет за собой волну преступности. От мелкого воровства до крупных грабежей и убийств. По Москве бродили громилы, залезая в дома, магазины и мастерские, портя фон профессиональным ворам и приводя граждан в отчаяние, а полицейских – в уныние. Колонки криминальной хроники московских газет полнились уже никого не удивлявшими историями.

«В доме Трубина, в Стремянном пер., за Москвой-рекой, третьего дня, по взлому дверных замков, обокрадена квартира французской гражданки Брунс. Похищено носильное платье, золотые вещи и разные документы всего на 3506 рублей.

…Вчера в доме Соловьева на Крымском валу, в кладовую при квартире содержателя сапожного заведения Я. А. Седова, по взлому двух дверных замков, забралась шайка воров, которые похитили на значительную сумму сапожного товара. Производимый громилами шум был услышан жильцами. Воры, заметив, что они обнаружены, разбежались, но одного из воров удалось поймать. Громилу отправили в участок».

Никаких других занятий Трубницкий не имел по причине отсутствия интереса, в том числе и к торговому делу, к которому мечтал приспособить молодого человека его батюшка, а также по еще более веской причине – почти неограниченной платежеспособности родителя, любившего своего единственного чадушку. Николеньке же мечталось стать московским пинкертоном и зарабатывать частным сыском. Точнее, некоторое время Николенька выбирал, стать ли ему «джентльменом-грабителем», навроде блистательного любимца читающей публики Арсена Люпена, или же податься в лекоки-пинкертоны. Но для поприща грабителя ему не хватило духу и мотивации – все жизненные блага были Трубницкому доступны, да и изведать каторги ему не улыбалось. Каторгу он находил излишне суровой тяготой. Поэтому Николенька остановил свой выбор на сыщицкой деятельности.

Чтобы сделать себе имя, молодой человек не брал с Адаманского денег за свои филерские услуги, а требовал упоминания своей фамилии в репортаже. В результате им скоро заинтересовалась полиция, заподозрившая в молодом человеке главаря преступной шайки, который при срыве дела выдавал себя за свидетеля, обеспечивая себе алиби. Но заступничеством московского репортера и авторитетом батюшки самодеятельный сыщик был отбит у грозного неприятеля. Пристав тогда предложил ему поступить на государственную службу, но Трубницкий предпочел индивидуальную деятельность.

С утра Николенька в ожидании репортера, укрывшись за

старой липой, с интересом и не без удовольствия наблюдал, как у церкви Святого архидиакона Евпла, что на Мясницкой улице, двое воров при помощи крючка, изготовленного из проволоки, выуживали пожертвования из церковной кружки, вделанной в ограду.

Обычно московский пинкертон телефонировал в редакцию с ближайшего доступного аппарата или посылал с места преступления к Адаманскому мальчонку-вестоношу, случившегося под рукой, снабдив его деньгами на лихача. Но в этом случае овчинка выделки не стоила, и Трубницкий решил посетить парикмахерскую. Ах, если бы он только знал, какую каверзу затеяла судьба! Какой крепкой бечевой связала его, сидящего в кресле перед зеркалом, с кем-то, находящимся в кофейне напротив. Не заметил он, как, впрочем, и все другие москвичи, и снежного кома, что катился по Тверской. Не заметил и того, что налип на него.

Покинув парикмахерскую, Николенька отправился по магазинам, досадуя, что «Мюр и Мерилиз» еще не вполне возобновлен после пожара. Впрочем, для его целей годился и празднично украшенный к Рождеству пассаж почившего к тому времени миллионщика Солодовникова. Все проходы пассажа по обеим сторонам запружены были фланерами, хулиганами и ловеласами, и приличной даме без внушительного провожатого довольно рискованно было показаться в его галереях: там царила полная разнузданность нравов при возмутительном попустительстве управляющего.

Третьего дня Трубницкий даже стал свидетелем обморока чувствительной дамы, пришедшей в пассаж без провожатого, да еще и в суконных шальварах – последнем заграничном писке сезона. Николенька сразу подумал, что дама допустила тактическую ошибку и непременно поплатится за нее. Так оно и вышло. Точно стая ворон, хулиганы окружили беспечную особу, забегали вперед, отпускали остроты. А один выскочил, как черт из табакерки, и предложил поехать куда-нибудь развлечься вдвоем. От неожиданности дама слабо вскрикнула и готова была лишиться чувств, но упасть ей не дал некий хлюст – не мешкая, подхватил даму и, потребовав у приказчика кресло, усадил бедняжку. Но самое странное случилось потом: сей хлюст зыркнул исподлобья на хулиганов, и те враз смешались с толпой. Впрочем, странным это могло показаться только лицу несведущему. Трубницкий же без труда узнал в хлюсте легендарного московского вора – Исидора Лангфельда.

Рождество накатывало на Москву тусклое, совсем не чувствовалось праздника, хотя обыватели и ждали появления на

Чистых прудах обещанной в рекламе партии лаек и оленей, запряженных в салазки для катаний. Манеж, открытый к рождественским гуляниям, поражал голыми стенами и общим убожеством убранства. Последние печальные события в Порт-Артуре настолько повлияли на москвичей, что во многих гостиных московских домов виднелись записки, в которых большими буквами выражалось желание хозяев, чтобы гости не омрачали рождественских праздников разговорами о войне. Даже обычные места народного скопления – Толкучка, Сухаревский торг, Хитров рынок, Сенная площадь, Труба, Конная – представляли картину необычного малолюдства.

Рубрика газеты «Московский листок», обозначенная как МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ, сплошь состояла из криминальной хроники, будто все другое было случайным и для Москвы нехарактерным.

«В доме Кунина 1-го участка Пречистенской части громилы, забравшись в пустой сарай, совершили подкоп стены и проникли в гастрономический магазин турецкого подданного Павлюши и магазин обокрали.

…В Русском для внешней торговли банке в Китай-городе произошел переполох. Артельщик Варваринской биржевой артели кр. Ипатов, сдавая кассиру крупную сумму денег, обнаружил кражу 1000 рублей. Деньги были похищены так быстро, что исчезновения их никто не заметил.

…В колбасный магазин Ерасова при доме церкви Св. Троицы, что в Листах на Сретенке, задержали мошенника, который по подложной записке от рыбного магазина Суворова получил на значительную сумму гастрономического товара и намеревался скрыться. Мошенника отправили в участок».

Тем удивительней выглядели поступки горожан, которых одаривала, казалось, сама судьба:

«25 декабря мещ. Федор Иванов Головкин, возвращаясь из гостей домой, на углу Алексеевской и Огородной улиц, вблизи дома Миронова, поскользнулся и упал в сугроб снега, причем под руку ему попал какой-то маленький предмет. Оказалось, что это были дамские золотые часы с такою же цепочкой и медальон. Чьи это часы, пока не известно.

…2 января мещ. Владимир Антипов Прохоров, проходя у церкви Св. Харитония в Харитоньевском переулке, нашел на тротуаре сверток, в котором были расписки и квитанции московской конторы Государственного банка на имя А. А. Гарднера на сумму 23 000 рублей. Свою находку Прохоров представил в полицию».

Так что не следует думать плохо о москвичах, господа! Да и громилы, ищущие, чем бы поживиться, наверняка были не

московского происхождения, а заезжие.

Глава 2
Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» им. Мосоха

Первого января 1905 года Москва внепланово и скоропостижно лишилась своего градоначальника: покинул пост генерал-губернатора великий князь Сергей Александрович. Никакой замены ему государь не прислал. Один временщик сменял другого, и до самой середины апреля Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» им. Мосоха исподволь руководило Первопрестольной, просто смазывая колесики и винтики обезглавленной чиновной машины. Громоздкий агрегат скрипел, но ехал в заданном Обществом направлении.

На фоне московских беспорядков и уголовщины всякого бы поразила титаническая деятельность Общества нетрадиционных потребителей. Да не всякому она была явлена, а только тем неординарным потребителям, кои в то Общество имели честь быть вхожими. В одном из особняков Чертолья, придерживая золотое пенсне на узкой переносице, ответственный секретарь Общества – бывший боярин Никита Романович Захарьин зачитывал вслух свежий «Московский листок». Благодаря браку Иоанна Грозного с Анастасией Романовной Захарьиной род Захарьиных-Юрьевых стал в шестнадцатом веке близким к царскому двору, но примерить шапку Мономаха боярину так и не довелось, и закончил он свою прежнюю жизнь, приняв монашество под именем Нифонт. Но будучи ***приобщенным доподлинно*** самим основателем Москвы Мосохом, с энтузиазмом занялся благоустройством Первопрестольной.

Немногочисленные слушатели, разместившиеся у изразцовой печи в жарко натопленной приемной частной московской лечебницы, внимали Захарьину с интересом.

«Вечно юный, неугасимо-пылкий и неистощимо-фантастичный А. А. Пороховщиков выступил с новым грандиозным проектом, имеющим задачей перекроить Москву заново, расширить ее «дистанцию» на 100 кв. верст и дать населению все блага культуры. А. А. Пороховщиков был когда-то самым популярным человеком в России: ему принадлежит идея Добровольного флота, он «учредил» наш «Славянский базар» – эту вторую биржу Москвы, в недавнее время его же инициативе обязана постройка новых торговых рядов – единственного в Европе по грандиозности храма торговли; он устроил первый в России цементный завод, тридцать

лет назад подал мысль о постройке Московской окружной дороги и еще не далее как год тому назад обжегся на устройстве своего пресловутого огнестойкого поселка.

Новый проект А. А. Пороховщикова не менее грандиозен и, пожалуй, более осуществим, но разве лишь через сто лет. Как бывший когда-то председатель думской комиссии о пользах и нуждах общественных, г. Пороховщиков решил на этот раз посвятить свои думы и фантазии бедному населению Москвы, замыслив удешевить его жизнь самым простым способом: застройкой новых местностей комфортабельными и дешевыми жилищами.

– Я рисую себе будущую Москву величайшим и красивейшим городом мира, – говорил нашему сотруднику А. А. Пороховщиков. – Мой проект сводится к тому, чтобы заселить прежде всего окраины Москвы. Вот – громадная местность Петровского парка, чудные, но пустынные Воробьевы горы, Сокольники, Бутырки. Представьте себе, что все эти места будут застроены пятиэтажными корпусами, длиной от 50 до 100 саж. В подвальном этаже я располагаю все принадлежности для рынка: здесь помещаются погреба, ледники, кладовые. Из центрального пункта этого благоустроенного рынка я провожу в каждую квартиру дома и в другие дома того же района телефон. Телефон – это главный фактор моего проекта. При посредстве телефона я достигну небывалых удобств и удешевления жизни.

Каждому телефонному абоненту будет дана книжка с обозначением цен товаров. Квартирант сообщает по телефону требование, чтобы к такому-то часу было доставлено ему нужное количество провизии и иного товара, имеющегося на складе рынка. Заказ немедленно же исполняется особой артелью, которая и получает плату за товар по прейскуранту. Благодаря устранению посредничества в торговле все товары отпускаются почти по заготовительной цене. Двухрублевый чай вы получает со скидкой до тридцати процентов; муку, овощи и питьевые продукты – по самым дешевым расценкам, а молоко не иначе как с собственной фермы.

В одном из этажей поместятся гимнастический зал, читальня, зал для собраний и детских игр; кроме того, имеется в виду устроить общую образцовую прачечную, амбулаторию для больных и проч.

– Но ведь нужно много денег для осуществления всех этих грандиозных затей?

– У меня есть капиталисты! – с загадочной улыбкой отвечает на это А. А. Пороховщиков.

– Вот счастливец, у которого всегда в запасе и капиталисты

и… фантазии.

Кир-ъ»

Мосох одобрительно кивал, потряхивая седыми космами. Капиталы под фантазии прожектера в изобилии поставляло Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» – малоизвестное широкой публике в тот исторический момент, впрочем, как и во все времена, потребменьшинство, входившее на указанном историческом отрезке истории Москвы в «Московский Союз потребителей». Штаб-квартирой Обществу служила частная лечебница на Пречистенке, на дверях которой в бронзовой виньетке помещалась надпись:

«Отворяем кровь. Кровопускание».

Лечебница полнилась хлопотами и деятельностью: москвичей следовало ежеутренне и ежевечерне лечить от нелюбви к себе, выражавшейся в лени, пьянстве, отсутствии воли и бытовой гигиены.

Общество занималось всем, что позволяло не выезжать за пределы Москвы, поскольку были жестко привязаны к ней потребляемым продуктом – юшкой москвичей. Банки, страховые общества, общества взаимного кредитования, ростовщические конторы, модные мастерские, рестораны, конторы по купле и продаже московской недвижимости, нотариальные конторы – словом, все, что не требовало приложения собственных рук, а одной только умственной работы, день ото дня обогащало нетрадиционных потребителей.

Слушатели потянулись в процедурную палату, имевшую отдельный вход снаружи, и, отобедав там кем бог послал, приступили к обсуждению прожекта. А пациент, с которого сошла апоплексическая краснота, почувствовал себя значительно лучше и ушел весьма довольным.

– Господа, я не понимаю, к чему нам излишняя публичность? На нас и так все непотребства смертных властей сваливают. Того и гляди неразумная плоть обрушит на нас месть и гонения. Зачем подставляться? Массы вон в Петербурге волнуются. Не ровен час, до нас волна докатит, – высказал опасения бывший бурсак Фофудьин.

– А вот это все – для кого делаться будет? Для чистой плоти или для нечистой? Я что-то не пойму, – засомневался в целесообразности вложения средств Мосох, – чистая ведь ни за что гуртом жить не станет.

– Я полагаю, что в таких домах следует содержать прослойку. А-то в низы оне не хотят, а в верхи – не могут. Ну и стравливают тех и других между собой. Потому что чистая и нечистая плоть свое Предназначение и Путь знает от рождения. А эти болтаются,

как говно в проруби, и от страха перед низами и от зависти к верхам мутят реку. А всякая река должна течь в своем первозданном русле, – размышлял ответственный секретарь Никита Романович. – Сами-то эти революционные экспроприаторы только и думают, где бы денег украсть на честный манер.

– Стоит только дворянину обеднеть, а бывшему крестьянину разбогатеть, как у них резко меняются взгляды на противуположные, – посетовал Фофудьин.

– Взгляды же – не кровь. Взгляды сильно зависят от количества нажитого, – пожал плечами царевич.

– Да где ж это мы тут подставляемся, позвольте узнать? – вернулся Элизий Бомелий к вопросу Фофудьина. – О нас тут ни полслова. А потребителя надо растить, воспитывать на лучшем. Чтоб понимал, к чему стремиться следует. И не погрязал в свинстве. Потребителю следует больше печься о своем здоровье, – изрек бывший штатный аптекарь-отравитель при дворе Иоанна Грозного, пишущий ныне книги для серии «Библиотечка знахаря».

– Знаем-знаем… Вы предлагаете все болезни лечить сексом. К примеру, головную боль!

– Ну и правильно! Клин клином вышибать.

– Дык на все болячки клиньев не напасешься! И какой тут, скажите на милость, православный секс, когда он – грех? Москвичи и слова-то такого не знают. Секс ваш – это лондонские козни и насмешки. Здесь у нас – либо романтическая любовь, либо безобразия и свинство, – посетовал ответственный секретарь.

– Видите ли, уважаемый Никита Романович, слова для этого знать не обязательно. Главное – понятие иметь. И я, поверьте, этот вражеский термин в своих писаниях и не употребляю. Есть слова «сношение», «совокупление», еще разные…

– То-то и выходит вместо секса – разное.

– Главное – чтобы плоть плодилась. А сексом или разным – непринципиально.

– Я все-таки – за канонический способ, господа, – молвил Никита Романович Захарьин, успевший при жизни побыть и монахом.

– А то все бегают вас спрашивать… Руководство для потребителей еще издайте, – усмехнулся Бомелий, но вдруг задумался: отчего же не издать для нужд неумелого юношества отеческие наставления?

– Вы, господин знахарь, уподобляетесь в своих писаниях пубертатному гимназисту. Все ваши способы борьбы с заразными заболеваниями и профилактики оных начинаются словами:

«Следует взять в селении молодую вдову и раздеть ея донага». Дайте на случайной странице открою… – Фофудьин перегнулся через стол, изъял из рук лекаря книжицу, открыл наугад и зачитал присутствующим: – «В полночь должны собраться все бабы и девки, в одних рубашках, неподпоясанные, простоволосые и босые. Опахивание производит самая молодая вдова, раздетая донага. На нее надевают сошной хомут и впрягают ее в соху. Другую вдову, более ядреную, впрягают в борону. Все готово. Как только во время опахивания они завидят холеру, должны бросить все – и соху, и борону, бежать навстречу холере, ловить ее и бить. Кто только ни встретится – это холера. Если встретится поп, то и попа не щадить, потому что холера часто превращается в него, чтобы избежать гибели».

– Какая же это профилактика? Срам один. Двадцатый век на дворе, а вы все подолы бабам задираете да шпанскую мушку сушите.

– Темный вы человек, Святослав Рувимович. Залповый выброс тестостерона в разы повышает сопротивляемость организма зловредным инфекциям, – снизошел до объяснений Бомелий.

– Понабрались где-то словечек… Морочите нам головы. Так знайте, что я вам на это отвечу, любезный знахарь, – Фофудьин помахал перед носом Бомелия газеткой и зачитал: – «Постановлением московской судебной палаты приостановлено издание журнала «Член всех партий», привлеченного к ответственности за порнографию. Палата постановила также уничтожить все брошюры под заглавием «Сборник сведений, полезных для крестьян».

– А не вы ли – издатель сей продукции? – Святослав Рувимович вперил язвительный взгляд в знахаря.

– Ну я. И что? Хоть как-то стимулирую элитную плоть плодиться. Забочусь о возобновлении ресурсов органики. А вы, господин бурсак, – ханжа или… покажитесь доктору. Возможно, это у вас последствия перенесенного сифилиса. Я, если что, могу травками посодействовать. Нет участи более печальной, чем вечное половое бессилие.

В голову Бомелия сейчас же полетела малахитовая чернильница, но тот ловко увернулся и прикрылся томами «Библиотечки знахаря».

– Ну и зачем нам крестьяне? – выразил недоумение Никита Романович, призвав дуэлянтов к порядку.

– Крестьяне нам потребны, чтобы элитную плоть своими трудами кормить. А книг они, к вашему сведению, не читают вовсе. И не потому что трудятся в чрезвычайном рвении от зари до зари, а потому что неграмотны. Зато мой «Сборник сведений»

вы найдете под пуховой подушкой каждой уважающей себя столичной дамы.

– Откуда такая осведомленность? – усмехнулся Фофудьин.

– Проверял самолично! – ответил Бомелий и тут же схлопотал увесистую оплеуху от баронессы Розен.

– Голубушка! Вы не так поняли! Я же – знахарь! Я их пользую… У одра, так сказать, стою… – попытался оправдаться он, за что получил вторую оплеуху от разгневанной подруги.

На заседании четвертого января 1905 года, согласно постановлению общего собрания членов Общества нетрадиционных потребителей «Взаимная польза», было передано в бюро Союза наличными девяносто девять рублей восемьдесят копеек «на развитие союзной деятельности». Скромный, даже смехотворный размер суммы объяснялся тем огорчительным обстоятельством, что Общество считало деятельность Союза нецелесообразной и непродуктивной. К примеру, Союз ныне был озабочен фальсификацией жженого и молотого кофе. Под названиями «чистейший мокко», «гигиенический кофе» «чистейший восточный кофе» в Москве продавались различные суррогаты: ячмень, овес, желуди. Общество же полагало, что все эти продукты никак не могут навредить московской плоти, поскольку они есть натурпродукт. Обществу «Взаимная польза» не пристало заниматься такими несущественными вопросами. Оно сосредотачивало усилия на грандиозных проектах по переустройству быта москвичей, которые должны были благотворно сказаться на их здоровье. А значит, и на здоровье самих членов Общества.

У Общества, о котором идет речь, уже имелся изрядный опыт в деле борьбы за качество жизни московской плоти. В описываемый период Москва азартно, словно на спор, доедала свой Белый город. На месте его снесенных стен, вдоль откоса, оставшегося от крепостного вала, вдруг поднялся и забурлил суетой Сретенский бульвар, загрохотал по брусчатке конкой, и к концу девятнадцатого века деревянных строений на нем совсем не осталось. Начало же века двадцатого ознаменовалось в этих местах удивительным строением: в квартале между Милютинским и Фроловым переулками вознеслись и воткнулись шпилями в небо два огромных дома глубокого красного цвета, созвучного Кремлю, соединенных изысканной, чугунного литья, решеткой с воротами.

В том чудном сооружении, возникшем на месте народного театра скоморохов, имелись сто сорок восемь комфортабельных квартир площадью от двухсот до четырехсот квадратных метров. Высота потолков в разных квартирах доходила до четырех метров.

В подвале размещались восемь отопительных котлов, насосы, вентиляционные установки. Система вентиляции не только подавала в помещения свежий воздух, но и фильтровала и увлажняла его, а при необходимости и подогревала! Электроснабжение и освещение обеспечивала собственная электростанция, работающая на нефти. Питьевая вода добывалась из собственной придомовой артезианской скважины глубиной пятьдесят метров. Дом оборудован был электрическими лифтами. Все квартиры снабжены кухнями с готовочными печами и мойками, имелись также отдельные ванные и ватерклозет. В подвале и на чердаке дома размещались прачечные.

Номинальным владельцем сего технологического и гуманитарного доходного чуда значилось известное страховое общество «Россия», хотя землей под строением владели с незапамятных времен московские нетрадиционные потребители.

План инженерных коммуникаций напоминал фортификационные сооружения, обнаруживая множество подземных ходов, соединявшихся с самыми главными стратегическими объектами Москвы, в том числе и с Кремлем. Иногда, осенней порой, доносились из подземелий заунывные звуки печальных песен прежних скоморохов, погибших при обрушении колосников стоящего на этом месте народного театра, позволившего себе насмешку над сильными мира сего: однажды художественному руководителю театра пришло в голову удивить Москву феерией под странным названием «Черти на земле».

Кроваво-красный, как и Кремль, впивался дом шпилями башенок в московское небо и облеплен был, по заказу нетрадиционных потребителей, летучими мышами. Для отвлечения внимания московской плоти от сих откровенных зубов и мышей украшен был дом саламандрами да амурами. И что в этой компании делали Сократ со своим учеником, человек в средневековых одеждах и женские головки с вьющимися волосами – сие есть тайна полета фантазии архитекторов, унесших в неведомое скрытый смысл своего послания москвичам.

Именно в таком образцовом доме следовало, по разумению московских нетрадиционных потребителей, содержать и взращивать пригодную к употреблению плоть. Застрахованная органика пульсировала за окнами, насыщая внутреннее пространство ровным теплом. Это был резервный неприкосновенный запас.

Общество благоденствовало, упивалось планами и прожектами и, как могло, противостояло коварствам лондонских, увеличивая с каждым годом сумму своего исторического счета к ним: к примеру, английский фильтр рублевской насосной

станции вдруг стал пропускать воду очень слабой очистки. Дело дошло до того, что мутность воды, даваемой фильтрами, значительно увеличилась, и в один из дней вся поверхность в резервуаре чистой воды покрылась пузырями пены. Происшествие это сильно взволновало управу, строителей и администрацию водопровода, тем более что на днях предполагалось пустить чистую фильтрованную москворецкую воду в город. Вот ведь как бывало.

Глава 3
1905 г. Трансвааль, рудник

В ту же самую пору – в январе 1905 года, на другом конце света случилась находка, которая вошла в историю человечества и по сей день не оставляет его в покое. Но бывают новости, которые любят тишину.

Чем бы ни занимался человек, живущий на юге африканского континента, он обязательно втайне мечтает найти золотой самородок или крупный алмаз.

Та январская ночь принесла вожделенную прохладу, но не тишину. Напротив, ночь была напитана разноголосицей саванны и как всегда обманчивым одиночеством под высоким звездным небом, шатром покрывающим от края до края Трансвааль. Непроницаемая мгла затянула рудник «Премьер» Главной алмазной компании горной промышленности, на котором копошились весь день рудокопы.

Прошло десять лет с тех пор, как в конце декабря 1895 года вооруженный отряд англичан, принадлежавший частной британской горнорудной компании, во главе с неким Джеймсоном под предлогом угнетенного положения своих соотечественников в Южно-Африканской Республике пересек границу Трансвааля со стороны Родезии с целью захвата золотодобывающего района. Кто бы усомнился в истинных намерениях освободителей угнетенных?! Несмотря на то что через несколько дней отряд попал в засаду и был вынужден сдаться, это событие и послужило началом войны, навсегда изменившей историю клочка земной тверди, нашпигованного золотом и алмазами.

Январь – самый жаркий в этих краях месяц – подходил к концу. Горный мастер Фредерик Уэллс – крепыш невысокого роста, разменявший пятый десяток, был человеком усердным, скрупулезным и азартным, как все старатели. Покончив в одиночестве с ужином, мастер расстегнул ставший тесным жилет и выкурил трубку. Что-то беспокоило его с самого утра: то ли сон, в котором он следовал за солнечным лучом, то ли неясное предчувствие. Сняв со стены фонарь, мастер отправился на рудник. Под его высокими шнурованными ботинками поскрипывала порода, свет фонаря выхватывал фрагменты стены штрека. Подняв фонарь, Уэллс зажмурился от внезапного яркого луча, полыхнувшего высоко над головой. Бутылка? Донышко банки? Мастер скрестил пальцы. Добравшись до объекта, Уэллс

прикоснулся к нему ладонью и почувствовал холод камня.

Он давно работал на приисках, но каждый раз испытывал волнение при встрече с камнем. И чем большим по размеру был кристалл, тем сильнее он волновал Фредерика, что, впрочем, неудивительно. А теперь его пальцы даже не чувствовали краев минерала. Он ощутил участившееся сердцебиение и закурил, чтобы успокоиться. Устроившись поудобней, мастер принялся аккуратно выбирать пальцами мягкую породу. По мере того как под руками вырисовывались контуры камня, выявляя его размеры, все невероятней казалась мастеру его находка. Уэллс не был добрым католиком, как и добрым протестантом, и о боге вспоминал лишь в самые тяжелые минуты. Тогда он просил у бога прощения и немножко помощи. Его бог оказался необидчивым и поздним душным южноафриканским вечером вывалил мастеру на колени самый большой алмаз из тех, что когда-либо удавалось найти человеку в недрах Земли.

В конторе приемщики алмазов играли в кости, хотя начальство не одобряло такой досуг. Увидев принесенный Уэллсом более чем полукилограммовый камень, приемщики подняли мастера на смех. Расстроенный, он вышел из конторы и выбросил камень в отвал. Потом спохватился, нашел его и утром отдал экспертам. С этого момента имя Фредерика Уэллса стало спутником имени сэра Томаса Куллинана, владельца алмазной шахты. Этих двух почтенных джентльменов связал камень – самый крупный алмаз, найденный за всю историю человечества, – алмаз «Куллинан» весом 3 106,75 карата (621,35 г).

Глава 4
Тихий шелест Провидения

В тот же знаменательный день, который впоследствии нашел свое место в энциклопедиях по причине обретения человечеством удивительного алмаза, в Москве случилось некое происшествие, оставшееся совершенно незамеченным широкой публикой. С утра бывший сокольничий царя Алексея Михайловича, а ныне верный дружок господина Углицкого – Бобрище вышел в заснеженный парк и обнаружил неподалеку от дома дохлого медведя. Было бы излишне самонадеянным утверждать, что никогда ранее медведи не дохли. Дохли конечно же. Но данный медведь сдох, на взгляд сокольничего, как-то уж очень показательно. Прямо-таки неспроста сдох – именно здесь, посреди Москвы. Поскольку всем известно, до какой степени суеверны бывают охотники, то неудивительно, что Бобрище отнес встретившегося ему медведя на свой счет. Страшно обеспокоенный, он поспешил к своему приятелю, дабы развеять мрачные подозрения или же утвердиться в оных.

Уар пребывал в расстроенных чувствах по причине внезапной и необъяснимой холодности этуали и встретил друга вконец разбитым хандрой. Заметив подавленное состояние сокольничего, он произнес:

– Когда тебе плохо, приходи ко мне и тогда поймешь, что не одному тебе.

Но сокольничий, погруженный в собственные тревожные думы, вникать еще в чьи-либо не был расположен. Чтобы не пугать друга, начал издалека:

– Лежишь, да? Гулять не выходил? А некоторые выходят, – сказал он со значением.

– Пусть их, некоторых… – ответил друг, рассматривая вычурный фриз под потолком. – Что мне за дело до некоторых?

– Вот тебе, стало быть, нет никакого дела до некоторых, которые тебе очень даже близкими приходятся, а между тем с ними разные происшествия случаются.

– Да не темни ты! – рассердился Уар. – Пришел, так говори.

– И скажу, – насупился Бобрище, задетый столь обидным невниманием и нечуткостью. – Медведя дохлого поутру встретил. Во как!

Уар посмотрел на друга с интересом и позвонил в колокольчик. Еще не утих звон, как в гостиную вошел камердинер Епифан с подносом, уставленным лафитниками и снедью.

Сервировал стол и даже не подумал скрывать, что подслушивал.

– А что ж ты печалишься? Дохлый медведь это ж – к нечаянной радости! – объяснил лакей сокольничему, коего почитал ровней себе.

– Что ж это за люди такие, которые радуются дохлому медведю? – подивился Бобрище. – Каких таких радостей ждут от его погибели?

– Чего только ни насочиняют от дремучего бескультурия… – согласился Уар. Он и сам поражался ходу мыслей плоти, связавшей, к примеру, кончину постороннего медведя с какими-то грядущими выгодами для себя. – Добро бы еще это был их собственный медведь, которого они кормили из собственных скудных средств…

Глава 5
Удивительные известия

Четвертого февраля около четырех часов пополудни в круглый двухсветный зал со стеклянной крышей ресторана «Славянский базар» ввалился Адаманский, возбужденный донельзя, и двинулся было к буфету. Но, заметив за одним из столиков, на диване темно-малинового трипа, недавнего знакомца, уселся рядом без спросу. Днем и по вечерам ресторан бывал малолюден. Зато завтраки у понимающих людей здесь были в чести. Адаманский наведывался сюда крайне редко: рюмка водки стоила здесь очень дорого – тридцать копеек, тогда как в большинстве московских ресторанов не больше десяти, но, выпив ее, можно было закусить почти без ограничений. И некоторые экономы, выпив всего-навсего три рюмки и оставив гривенник на чай, за рубль наедались до отвала – на весь день.

Уар не терпел фамильярности, но, заметив, что с хроникером творится неладное, промолчал в ожидании пояснений.

– Великого князя Сергея Александровича разорвало взрывом!.. Адская машина! Террористы! – отрывисто сообщил Адаманский, с трудом переводя дух.

Как ни странно, ужасная новость не произвела на Димитрия Иоанновича Углицкого (как значилось в той визитной карточке с золотым обрезом) никакого впечатления.

– У Никольской башни! В куски, вместе с каретой и кучером! – не мог уняться хроникер. – Я был неподалеку. Сам все видел… Кровищи!..

Господин Углицкий сглотнул шумно.

– Человек! Водки репортеру и уху стерляжью, – махнул он бойкому, жуликоватого вида половому из ярославских, облагороженных здешним управляющим голубыми форменными рубашками, казакинами в талию и стрижкой в кружок.

Адаманский оглянулся на черный изукрашенный буфет под часами, занимающий всю заднюю стену, покрытый сплошь закусками. С идущего овалом ряда широких окон второго этажа на него с укором взирали русские писатели-гурманы, чьи бюсты помещались в простенках. Бассейн с фонтанчиком и тонкое журчание струек воды, купидоны с завитушками и прочие свидетели легкомысленного досуга и сытной размеренной жизни состоятельного обывателя выпадали из недавней страшной картины города, распиравшей мозг репортера. Это не может быть один и тот же город… Вот же, рядом – рукой подать!.. Он трусил

коленкой под столом, теребил пальцами край глянцевито-влажной скатерти, озирался удивленно и, судя по всему, был слегка не в себе от не выходившего из головы зрелища. Хлобыстнув залпом поданную стопку водки, Адаманский перестал наконец дрожать. Закусывать не спешил, потому что нутро ходило ходуном и подкатывало к горлу.

– Будет вам… – успокоил его Уар. – Можно подумать, что во всем остальном мире – тишь и благолепие.

– Да-с! Благолепие и процветание! Даже в Африке! – сокрушался хроникер.

– Так уж и в Африке? – усомнился Уар, чрезвычайно довольный тем, что ему удалось сбить хроникера с тяжелых мыслей.

– Представьте себе, господин Углицкий! «Дейли телеграф» сообщает, на приисках в Трансваале алмаз нашли в полтора фунта почти! Стоит как девяносто четыре тонны золота. Так-то вот! А у нас? Разбой, революционеры, адские машины, кровища… Лишь бы не работать. На рудники бы их! На прииски. Пусть алмазы ищут, если в Москве спокойно не живется.

– И что с тем алмазом? – осведомился царевич.

– Английская пресса сообщает, что камень выкуплен правительством Трансвааля, – нетерпеливо отмахнулся репортер.

– А вот и дохлый медведь! – пробормотал Уар.

– А? – удивился Адаманский.

– Ничего, ничего. Это я о своем, – ответил господин Углицкий, подивившись прозорливости плоти, и более не отвлекал репортера от трапезы. Выходило, что чем глупее и несуразнее представления смертных о природе событий и явлений, а также их причинно-следственной связи, тем они вероятней. И не нужна никакая философия. А логика – так просто вредна. Зато полезны знаки, поверья и символы, коими смертные и руководствуются.

Хроникер хлебал уху, закусывая ее расстегаем с малосольной печерской семгой, украшенным водруженной сверху налимьей печенкой, а его визави погрузился в думы. Конечно же симпатии Уара, как и всего Общества, в Англо-бурской войне принадлежали бурам. В разгар военных действий он даже организовал в Москве протестную акцию: несколько лиц дали друг другу слово не покупать никаких английских произведений. В три недели эта группа выросла до пятидесяти семи человек. В списке значились имена лиц из высших слоев общества. Но собственными интересами он не готов был жертвовать даже ради врагов своих врагов. Тем более – ради поверженных врагов своих врагов, которые превратились на данном историческом этапе в хоть и

невольных, и неверных, но все же друзей его врагов. И это обстоятельство некоторым образом извиняло зародившуюся в его голове идею – украсть. И нельзя сказать, что идея была так уж нова или же вовсе не характерна для московского жителя. Разве что масштабней и дерзновенней, что, впрочем, сути ее не меняло. В конце концов, все крадут. Зато я сделаю это красиво: медленно и печально, – договорился он сам с собой. Этакий грабеж в стиле «вамп». Вечное должно принадлежать вечным.

Африке не нужен алмаз, размышлял Уар. Африке много чего нужно, но не алмаз. Зачем марионеточному правительству камень, которому нет цены? Ему нужны пушки и суверенитет. Они непременно обменяют его на дурацкие пушки и новый статус. Надо отследить, решил он и подумал об Иване Выродкове. Только легионер Выродков, патриот русского оружия, мог себе позволить долгие отлучки из Москвы-кормилицы. Но сейчас же с сожалением вспомнил, что любимец Марса продолжает свою личную войну на Дальнем Востоке, и его не следует ожидать в Первопрестольной скоро. Вообще-то Уар всегда полагал, что оружие дано мужчинам исключительно для того, чтобы занять их руки. Самому царевичу для этой цели служили ножички. Но Выродков увлекся оружием всерьез и, кажется, пожизненно.

Из кармана репортера торчала рекламная газета.

– Вы сменили издание, Адаманский? – удивился Уар.

Репортер замер, не донеся ложку до рта.

– Господь с вами, Димитрий Иоаннович! С чего вы взяли? – И, проследив за взглядом собеседника, ответил: – Ах, это? Нет, что вы… Просто ищу, чем еще заработать или хотя бы сэкономить. Бывает, что пишут «бесплатно». У меня, знаете ли, финансы теперь в несколько расстроенном состоянии.

– Если в рекламе пишут «бесплатно», это, поверьте, обойдется вам очень дорого, – со знанием дела предостерег собеседника господин Углицкий. – А если встретите в рекламе слово «доверие», то не сомневайтесь: вас непременно обманут.

Адаманский покачал головой.

– Мне скоро тридцать, а налицо – полное крушение надежд, – вздохнул он, утирая губы крахмальной салфеткой и живо кося при этом наглым глазом. – Жалкое поприще, ужасные типы человеческие. Фатальность замкнутого круга. Не вырваться за пределы.

Каждый из собеседников в этот момент лелеял свою «заднюю мысль» в отношении того, как использовать другого. Но был существенный нюанс: Адаманский мог только попросить, Уар же имел возможность предложить. Что выходило, волею обстоятельств, к взаимной пользе. Шар беспрепятственно лег

аккурат в подвернувшуюся лузу.

– Адаманский, вы хотели бы повидать мир? Скажем, ту же Африку. Чрезвычайно интересный континент, – прощупал почву Уар, глядя репортеру в не очень ясные голубые глаза.

Адаманский, не помня себя от нахлынувшего восторга, был согласен абсолютно на все, лишь бы уехать как можно дальше от этого с его трескучими морозами и взрывами города. Он почувствовал близость умопомрачительной одиссеи, только немного опасался незнакомой среды. А главное – что его миссия будет уж очень неоднозначной. Предложение выглядело излишне роскошным, чтобы оказаться правдой или просто честной репортерской экспедицией.

– Я не готов сейчас к подробному обсуждению прожекта, но жду от вас принципиального согласия, – подвел черту Уар, понимая, что давить не следует.

Да, он украдет у африканцев алмаз и построит для нее театр! Театр одной танцовщицы! А еще наберет оперную труппу. Обойдутся африканцы без пушек. Он даже не подозревал, как сильно влюблен. Это что-то новенькое!

– Кстати, возьмите контрамарку на выступление моей протеже. Может, потом в прессе отразите.

– А! Фемина в красном! Наслышан, наслышан… И даже имел удовольствие лицезреть однажды. Хороша необыкновенно!

– Вы были на представлении? – удивился господин Углицкий.

– Господь с вами, Димитрий Иоаннович! – усмехнулся Адаманский. – У меня средств недостает такие дорогие представления посещать. В кофейне Филиппова столкнулся тот раз нос к носу.

Уар посмотрел на нос репортера с плохо скрытым подозрением.

– А почему ваша подопечная всегда носит красное? – заинтересовался вдруг Адаманский.

– Я так хочу, – лаконично ответил собеседник, не намеревавшийся, очевидно, пускаться в объяснения.

– Отчего же такая приверженность цвету, позвольте полюбопытствовать? – проявил репортерскую хватку Адаманский.

Господин Углицкий отчего-то медлил с ответом и вообще смотрел куда-то в направлении буфета, подумывая, возможно, о новой порции «Реми Мартин». Понимая, что отцепиться от хроникера будет стоить ему больших трудов, нежели объясниться, а обижать неучтивостью в преддверии задуманного не стоит, обронил нехотя:

– В красном, видите ли, есть своего рода мистика. Красный изнуряет слабого и питает сильного. Красный цвет – индикатор

среды. Если среда равнодушна к красному, значит, она остывает. И в ее руслах течет не кровь, а вода.

– Как странно вы говорите. А я никогда не задумывался об этом. Я теперь, пожалуй, понимаю: красный – это своего рода провокация. А зачем вам идентифицировать среду, позвольте узнать?

– Мне комфортней… эээ… жить, когда кровь вокруг бурлит.

– Странно… – дивился репортер, – я, пожалуй, находил вас, скорее, скучающим, праздным… мм… наблюдателем.

– Когда требуют обстоятельства, я – самый деятельный деятель Москвы, – ответил Уар.

Глава 6
На посошок

Городской голова, по наущению Общества нетрадиционных потребителей, на днях сделал распоряжение о рассылке по всем городским учреждениям циркуляра о воспрещении городским служащим участвовать в политических партиях. Подписки от служащих о неучастии в партиях решено было не брать. Тем не менее Татьянин день в том году вышел довольно бледным и постным. Не было ни обычных кутежей в «Эрмитаже», ни пьяных вакханалий у «Яра» и «Стрельны». В «Эрмитаже» студенты устроили импровизированную беседу и без всяких возлияний только и ограничились речами на злобу дня. Собрание вышло малолюдным и неинтересным. В городском манеже открылась выставка собак и верховых лошадей, устроенная Обществом правильной охоты, возглавляемым сокольничим Бобрище.

Перед тем как надолго покинуть родную Москву и пуститься в опасное путешествие с непредсказуемым финалом, Адаманский решил отгулять Масленицу. Вот чего уж точно не ждал он от Африки, так это снежных и ледяных увеселений. Хотелось ему хлебнуть отечественных зимних радостей напоследок, чтобы помнились.

В эти дни по случаю Масленицы открылись народные гулянья в Манеже. Публика, как всегда на подобных забавах, давила массой. Программа новизной не баловала, была все той же, что и десять лет кряду – ординарной, полубалаганной. В программе вечерних развлечений слышались отзвуки злободневности: на сцене манежного театра шла «специально написанная» пьеса «За отечество», в которой изображался подвиг рядового Василия Рябова. К полудню широкая Масленица была в полном разгаре. На Девичьем поле стоял гул голосов многотысячной толпы, переходящей от балагана к балагану, с каруселей на французско-русские горки.

С жирными от блинков руками и лоснящимся подбородком метался Адаманский в поисках последних московских зрелищ. На Масленицу все словно старались наесться впрок в ожидании семинедельного Великого поста. Мимо репортера проносились сани, украшенные цветными лентами, увешанные бубенчиками и колокольчиками. На лошадях красовались расписные дуги, лучшая сбруя. Составлялись санные поезда и носились по улицам, развозя веселые компании молодых людей. Парни являли краснощеким девушкам свою удаль, лихо запрыгивая в сани на

полном ходу. Накатавшись вдоволь, молодежь сговаривалась идти к кому-нибудь в гости, на блины, где и продолжить веселье.

Хроникер еще успел пополнить свою колонку в газете происшествиями с масленичных гуляний. В ресторане Колгушкина, помещающемся в доме Крашенинникова, на Покровке, один из посетителей, поев блинов, отказался платить по счету, поднял крик и на глазах у Адаманского произвел буйство, а по дороге в участок избил дворника. По Покровке навстречу хроникеру городовой вел двух задержанных весьма подозрительного вида: у одного из них висел на шее лом-фомка, а в руках было долото, а другой имел при себе долото и две стамески. Так и рыскали по празднующему городу, канальи!

С заходом солнца на катке Русского гимнастического общества на Патриарших прудах состоялся «карнавал на льду». Адаманскому едва удалось протиснуться сквозь плотные ряды зрителей. С семи часов вечера стали появляться костюмированные: обыватели обсуждали «Шахерезаду», «Турчанку», «Гадалку», «Кармен» и «Весну», а также «Трубочиста», «Винную монополию», «Гения силы и здоровья», «Я ел геркулес», «А я нет», «Водолаза» и «Фонарь Цветного бульвара».

Хроникер был нетрезв и заранее ностальгичен, умилялся крепкому словцу в свой адрес и не сводил глаз с красавицы в снежно-белой шубке с алым шелком на шее. Да это же «фемина в красном»! – вдруг прозрел завороженный зрелищем Адаманский. Присмотревшись, он обнаружил, что фемина опирается на руку господина Углицкого. И тот выглядит весьма довольным, если не сказать – счастливым. Эх, как несправедливо устроен мир, подумал Адаманский. Ну почему одним – роскошные фемины, а другим – дешевые кокотки? Желание подержать в руках эту райскую птицу пересилило доводы затуманенного алкоголем рассудка, и репортер продрался сквозь толпу на каток. Разогнавшись, он сшиб фемину и повалился вместе с ней на лед. Какие черти колобродили в его голове, можно только догадываться. А фемина под ним не завизжала, против всяких ожиданий, а расхохоталась. И рот ее был так близко, так призывно блистал жемчужными зубками, что Адаманский не удержался – покрыл его своим горячим ртом. А кто бы удержался? Но тотчас был рывком поднят за шкирку и отоварен кулаком в челюсть. И это тоже оказалось ему в радость!

– Адаманский?! – изумился ревнивый покровитель шаловливой этуали, разглядев хулигана.

– Ох, простите, Димитрий Иоаннович, не признал спьяну, – засмеялся хроникер, мысленно записывая себе в приход очко.

В начале весны репортер выдал дворнику три рубля из командировочных меценатских средств и отослал его в участок выправить себе заграничный паспорт. Вскоре он выехал в Одессу и оттуда на пароходе итальянского генерального общества «Медитеррано» начал свой африканский вояж.

Глава 7
Москва весенняя

С утра царевич размышлял над странностями миропонимания социумом. «Новости дня» в разделе «Зрелища и увеселения» уведомляли москвичей о том, что в пассаже Солодовникова, со стороны Неглинного проезда, с разрешения московского градоначальника будут показываться сегодня и каждый день вновь прибывшие живые картины Русско-японской войны, последние сражения и проч., и проч. По разумению господина Углицкого, зрелища сии не стоило относить к увеселениям, но черт ее разберет – эту плоть, жадную до кровавых зрелищ! Только вчера утром на товарную станцию Московско-Казанской железной дороги прибыл с Дальнего Востока военно-санитарный поезд с больными и ранеными воинами.

Апрельский день накануне Вербного воскресенья, как ему и полагалось, был пасмурным, хоть и без осадков. Царевич еще некоторое время валялся в постели, изводя комментариями к заметке в газете своего камердинера Епифана, изнывавшего в барской опочивальне, стоя с накрахмаленной и отутюженной сорочкой на вытянутых руках. С вечера Уар дал себе слово заняться наконец утренней гимнастикой и силовыми упражнениями. Отнюдь не потому, что его манили лавры Ивана Поддубного, а просто для поддержания кондиций и здоровья. Но теперь, представив себе предстоящие экзерсисы, он нашел их крайне неэстетичными и передумал.

– А где Анастасия? – спросил он камердинера, заметив наконец, что находится не в своей, а в ее спальне.

– Барышня отрабатывают классы, – ответил тот. – Так что если гимнастику опять отложите, так до обеда можете прогуляться.

– Без тебя, дурак, решу, – проворчал царевич и зевнул. – Советник выискался на мою голову. Позволяешь себе… Где это видано, чтобы прислуга господам советы давала? Себе хороший совет дай, прежде чем рот открывать при барине. Если мне сейчас еще и кухарка советовать начнет, всех выгоню к черту.

Лакей возвел глаза к потолку, подумав, что если барин останется дома, то за полдня запросто вытреплет ему все нервы.

Выбравшись наконец из пуховых перин, Уар выглянул в окно и почувствовал, что Москва задышала весной, тем особым запахом, который рождает ожидания и предчувствия чего-то

нового и радостного. Царевич обманывался не в первый раз. Выйдя после завтрака из дому, он ощутил лишь острый запах свежего весеннего собачьего дерьмеца и тут же ступил в оное. Выругавшись без сердца, он отправился навстречу бегущим ручейкам в сторону Мясницкой. Этуаль отрабатывала классы, и до обеда он решил не изнывать в ожидании ее появления, а прогуляться, как и советовал ему лакей, имевший к тому свой интерес.

Отчего-то вспомнилось царевичу одно из Вербных воскресений его детства. Начиналось оно пышным шествием. Впереди процессии степенно выступали бояре, дворяне, приказные чины. За ними везли вербное дерево. Под ним на санях ехали патриаршие певчие – мальчишки лет двенадцати в белых одеждах, похожие на ангелов. Пели звонкими голосами. В середине процессии верхом на «осляти», которого царь вел под уздцы, ехал патриарх. Впереди государя стольники несли скипетр, царскую вербу, свечу и полотенце. Патриарх налево и направо осенял народ крестом. Шествие замыкало духовенство с торжественными лицами. По ходу движения дети стрельцов, шустрые подростки, расстилали перед «осляти» разноцветные ткани и одежды – согласно Евангелию. Маменька объясняла, что так жители Иерусалима встречали Христа, въезжавшего на ослике в их город. Когда процессия вступала в Спасские ворота Кремля, по всем московским церквям звонили колокола. У стен Успенского собора шествие останавливалось. Царь и патриарх обменивались поцелуями. Государь отправлялся во дворец, а патриарх – в храм.

За неделю до Пасхи на Красной площади открывался вербный торг. У кремлевской стены торговали вербой и живыми цветами. Оставшаяся неделя до Пасхи была наполнена подготовительными заботами к большому празднику. Царевич давно уже не грустил по прошлому – слишком длинным было оно, чтобы стоило тащить его в сердце в бесконечное будущее.

На Мясницкой, против почтамта, на углу Юшкова переулка разместился торговый дом «Георгий Жемличка и Ко». Российский представитель молодого американского автопрома, завидев дорого, хоть и не броско одетого молодого человека, от которого буквально разило большими деньгами и еще чем-то странным, взял его в рекламные сладкие клещи и поразил последней новостью сезона – бесшумными автомобилями. Список выглядел лаконично:

«Олдсмобил» 4 сил; руб. 1800
«Олдсмобил» 20 сил; руб. 4600

«Винтон» 40–50 сил; руб. 11 500

Не будучи расположенным вникать в технические тонкости устройства транспортных средств, царевич размышлял о специальном костюме, в котором, должно быть, удобно и пристойно находиться за рулем. По всему выходило, что сочиненный им костюм более подходил к самой дорогой модели, которой в салоне явно недоставало. Но возвращаться домой пешком не хотелось, и Уар с большой неохотой согласился на «Винтон», чем несказанно обрадовал представителя заокеанского автопрома. Когда-нибудь Москва будет выпускать автомобили, не уступающие заграничным, подумал Уар, и «лошадок» в них будет поболе. И назвать авто следует гордо – «Москвич». Посрамленная Америка ахнет!

Царевичу вспомнился трогательный февральский приказ временного Московского градоначальника генерал-майора Е. Н. Волкова: «Проезжая по городу, я усмотрел, что некоторые постовые городовые, заметив мое приближение, поспешно останавливают движение экипажей, освобождая путь для моего проезда. Находя, что поддержание правильного движения экипажей, согласно требованиям обязательных постановлений городской думы, вполне достаточно для устранения затруднений в уличном движении и что при точном исполнении сих требований всякие поспешные экстренные меры к освобождению проездов являются излишними, предлагаю приставам разъяснить городовым, чтобы они как во всякое время, так и при моих проездах ограничивались лишь поддержанием установленного порядка движения». Уар тогда счел приказ двусмысленным и даже лукавым, ибо ему еще не приходилось жаться к обочине в ожидании проезда градоначальника.

Москва потряхивала автомобиль на колдобинах, вот уже потекла под колеса с Садового кольца Сретенкой, маякнула Сухаревой башней, от которой вдруг отчаянно шарахнулся под колеса новенького «Винтона» расстроенный молодой человек крестьянского вида. Заметался, взмахивая руками, как курица крыльями на деревенской улице, запричитал, да и был сбит с ног железным самоходным монстром. Сбежались зеваки, загалдели, кто-то привел городового, который, пошептавшись с водителем, помог ему погрузить неудачника в авто. По дороге выяснилось, что крестьянин Алексей Новозеров, войдя в часовню в Сухаревой башне, купил свечу и, оставив свой чемодан у входа, пошел ставить свечу к иконе. В это время чемодан его кто-то похитил. В чемодане было платье, и в том числе пиджак, в котором было зашито триста рублей. Вот он и шарахался, помраченный таким

несчастьем.

Ах эти провинциалы!.. Кого же из них не приведут в трепет храмы Первопрестольной и несущийся над крышами колокольный звон? Кого не обманут? Уар запрокинул голову и увидел расчерченное голыми ветвями деревьев весеннее небо, окаймленное знакомыми зубьями и шпилями.

– А что, вашество, – городовой скомкал обращение, не зная, как правильно величать богатого шалопая, – моторы нынче на собачьем дерьме ездят?

– Почему на собачьем дерьме? С чего ты взял?

– Так пахнет… – разведя воздух руками, пояснил блюститель порядка.

Тут Уар вспомнил, как вляпался поутру, и сконфузился ужасно, хотя, что ему за дело до обывательских впечатлений?

– Да это сапоги твои пахнут, – отговорился он.

Городовой был высажен за поворотом, вполне удовлетворенный хрустящей в кармане крупной купюрой, а крестьянин доставлен в особняк господина Углицкого на Пречистенке, обласкан смертной прислугой женского пола и пристроен в помощники истопника.

– А что, барин, моторы теперь на собачьем дерьме ездят? – услышал Уар за спиной удивленный голос камердинера своего – Епифана.

– Поезжай на Мясницкую, скажи им, чтоб керосином заправили, – разозлился царевич и, сбросив ботинки, велел их сжечь. – А будет опять вонять, так поменяй на другое авто!

На следующий день, зайдя от праздности в Исторический музей, Уар угодил в аудиторию, где некто Фриче читал публичную лекцию под заглавием «От марксизма к идеализму» в пользу пречистенских классов для рабочих, состоящих в ведении постоянной комиссии по техническому образованию. На лекцию собралось довольно много рабочих. По окончании мероприятия часть публики начала петь «Марсельезу».

Ровно в это же самое время, можно сказать, под пение «Марсельезы» в Верхних торговых рядах в Китай-городе обокраден был магазин И. Д. Егорова. Громилы, незнакомые ни с марксизмом, ни с идеализмом, проникли в магазин из подвала и опустошили кассу, из которой похитили девятьсот семьдесят рублей.

Расклад случайностей вырисовывался странный и чуть тревожный. А в прихожей почему-то стоял отчетливый запах собачьего дерьма.

«Весна…» – подумал Уар.

Глава 8
Комиссия по сохранности

В мае лечебница жужжала растревоженным ульем. Напряженное лицо главы комиссии по сохранности Общества – Параклисиарха, бывшего некогда, еще до расправной палаты, мастером заплечных дел, не сулило ничего хорошего. Присутствующим стало совершенно очевидно, что сохранность Общества опять оказалось под угрозой. Но с какой стороны на сей раз набегают тучи, московские пока не догадывались. Каждый был занят своим делом, и только Малюта по долгу службы отслеживал обстановку.

Первым с вполне оптимистичным докладом выступил граф Сен-Жермен:

– В то время когда все жалуются на застой торговых дел и отсутствие денег, столичные клубы заканчивают год, благодаря игре в карты, с изрядным барышом. Доходы клубов колеблются от тридцати тысяч рублей (Благородное собрание) до пятидесяти (Железнодорожный клуб).

Но радость членов Общества нетрадиционных потребителей померкла, когда слово взял Параклисиарх – бывший защитник и утешитель Иоанна Грозного – Малюта Скуратов, состоящий ныне при Обществе в той же охранной должности.

– Господа! Лондонские что-то затевают. Нам стало известно из компетентных источников, что в Лондоне сейчас проходит Третий съезд РСДРП. Как это мы два предыдущих прошляпили?

Ни одно из произнесенных Параклисиархом слов, кроме «лондонские» и «Лондон», никак не обеспокоило присутствующих. Ни рычащая аббревиатура, ни порядковый номер ее съезда. Никто из собравшихся тогда и представить не мог, что порядковыми номерами съездов будет очень скоро исчисляться история этого города и его плоти.

– А чего все молчат? Я один не в курсе? – насторожился Бомелий. – Ладно, я попозорюсь: спрошу… Это что еще за напасть? Что за эрэсдээрпэ? – сварливо осведомился он у Малюты, оторвавшись от исключительно важного занятия – составления омолаживающей микстуры.

– РСДРП – это партия новых потребителей, господа. Очередные соискатели кормушки. Хотят скинуть нынешних и потреблять их элитный продукт, – ответил Параклисиарх. – Потравимся к чертям собачьим…

– С чего это – потравимся, если они элитный продукт

потреблять станут? – удивился Фофудьин.

– Шутить изволите? Плоть становится пригодной к употреблению через три поколения правильного кормления. Кровь обновляется почти так же долго, как возделывается английский газон.

– И что предлагаете?

– Срочно заняться изготовлением консервов из тех, что есть. Пока не разбежались по заграницам. Запасаемся сгущенкой впрок. Грядут тяжелые времена, господа!

– Лондонским-то это зачем? – недоумевал ответственный секретарь.

– Я полагаю, – отвечал Малюта, – что дело в неудовлетворенных амбициях: мятежный поп Фома Беккет сел на своего конька. Учит их конституции. У себя не удалось внедрить, так теперь нам подсовывает. Опыты он на Москве ставить вздумал! Нашел себе виварий!..

Лондонское сообщество нетрадиционных потребителей было пожизненным бедствием московских ввиду досадного гастрономического интереса к московской плоти. Особенно раздражало московских то обстоятельство, что лондонские имели абсорбент, позволявший им пить юшку московской плоти. Черт знает где они его раздобыли! Но бесконечные набеги лондонских приводили к многочисленным подковерным войнам двух сообществ.

Уар вернулся в свой особняк расстроенным, с нарастающей с каждой минутой головной болью. Сбросив тренчкот – пока еще единственный в Москве, он собрался было погрузиться в исследование последних лондонских мод, размышляя о странной тяге к одежде врага. Ведь что есть тот же тренчкот, как не обмундирование британских солдат, созданное в начале века Томасом Барберри? А вот поди ж ты – зацепил. Для царевича не было секретом, что одежду врага элита носила во все времена. Он знал немало тому примеров, ставших результатом его изысканий. В 1192 году султан Саладин послал графу Генриху де Шампань великолепную тунику и тюрбан. «Знаете ли вы, – писал ему граф, – что ваши платья и тюрбаны далеко не так ненавистны здесь. Конечно, я буду носить ваши подарки. Император Бодуэн Первый уже подал пример и при въезде в Иерусалим был одет в тканый золотой бурнус». Знакомство с высококультурным Востоком во время продолжавшихся двести лет крестовых походов, с его обычаями и товарами, развитие торговых связей открыли новый период в истории культуры Европы. Франкские женщины не замедлили последовать примеру государей и восприняли барберийские моды. Войска крестоносцев надели

поверх быстро нагревающихся на солнце кольчужных доспехов прямое полотнище ткани, спасавшее от палящих лучей; подсмотрели у своих восточных врагов эмблематику и орнаментику, перенесли ее на свои щиты, а затем и на одежду и тем самым утвердили начало европейской геральдики. А уж в Москве-то!.. Он сам прекрасно помнил, с каким удовольствием сменил когда-то французский шелковый, богато декорированный жемчугом и каменьями кафтан на вражеский лондонский сюртук из мягкой шерсти. А уж как плоть стала падка на все французское после нашествия – и говорить нечего. В этой связи Уар теперь опасался, впрочем, чего уж скрывать, – с интересом ждал появления в бальных залах японского кимоно. Живое воображение услужливо рисовало ему пышнотелых господ соотечественников обоего пола, восседающих за столом в этих самых кимоно и поедающих молочных поросят, фаршированных гречневой кашей.

Размышляя о милых его сердцу материях, царевич прошел в глубь апартаментов и вдруг расслышал доносившийся из спальни Анастасии низкий мужской голос, в котором звучали такие несвойственные ему самому решимость и напор.

– Уберите руки. Я сам. Смотрите на меня. Не трогайте. Я сам. Вот так вам нравится? Нравится? А вот так? Мы можем попробовать еще что-нибудь… Молчите, не говорите ничего… Вам же хорошо… А сейчас будет еще лучше!

Уар замер на месте. Живо представив, что происходит в спальне, он не находил в себе воли и сил на что-то решиться. Если он застанет их, то потеряет Анастасию навсегда. Увидеть и простить? И как потом с этим жить? Постыдно бежать от очевидного? А после делать вид, что ничего не было? Невозможно… В сердце вошел шип, и нет никаких сил жить с ним. Выдернуть одним рывком, залить все кровью… Кровь превратится в клюквенный сок и забродит… Или забродит кровь в нем самом и прокиснет в одночасье. Мысли его путались. Рвануть дверь… вломиться в спальню и…

Царевич постучал.

– Антре! – услышал он спокойный голос.

Перед туалетным столиком сидела Анастасия в бледно-розовом домашнем платье, а над ее прической колдовал куафер.

– Митя, что с тобой? – всполошилась, блестя влажными глазами, этуаль, увидев в зеркале его побагровевшее лицо. – Ты болен?

– Я здоров, – не очень уверенно ответил царевич и закрыл дверь.

И все-таки она возбуждена, отметил он с тревогой. Ах, какие

глупости, это же просто цирюльник, – попытался отогнать от себя омерзительно липкую мысль Уар. Но с того дня его неотступно преследовал вопрос: что он станет делать, если… Если застанет ее с другим. Ответа он не находил.

Глава 9
Хаос

Лето и осень пролетели в трудах и нервотрепке. К вечеру десятого декабря Уар собрался было пообедать холодной белугой или осетриной с хреном да тарелкой ракового супа, но ни к одному ресторану его «Винтон» не смог подъехать. Чертыхаясь, он раз за разом натыкался на странные сооружения, перегораживающие улицы Москвы. Через Тверскую улицу шли проволочные заграждения; от Трубной площади до Арбата, на Страстной площади, Бронных, в Большом Козихинском переулке, по Садовой – от Сухаревского бульвара и Садово-Кудринской улицы до Смоленской площади; по линии Бутырской и Дорогомиловской застав; на пересекающих эти магистрали улицах и переулках была навалена какая-то дрянь. В Москве творилось нечто несусветное. Приличные заведения не работали, опасаясь, очевидно, погромов и экспроприаций. Войска пытались разгрести эти баррикады, но они нагромождались вновь. Дружинники, вооруженные иностранным оружием, стали убивать солдат, полицейских и офицеров. Начались грабежи складов и убийства простых обывателей. Революционеры выгоняли горожан на улицу и заставляли строить баррикады. Господин Углицкий предпочел вернуться в свой особняк несолоно хлебавши. Ни глотка с самого утра.

К полуночи, почувствовав непреодолимый голод, Уар оделся в одолженный у дворника тулуп, взял пару кружков краковской колбасы, которую покупала себе смертная прислуга, и пошел в сторону замеченных днем баррикад. От господ дружинников несло нечистым телом и несвежим бельем. А более никого на улицах он не встретил. В темноте, не очень разбираясь, кто есть кто, господин Углицкий поднес повелителям сего хаоса колбасы и не торопясь приложился к их немытым шеям. Неужто такой кислятиной теперь придется питаться? – подумал он с горечью. Откуда, однако, горечь? – удивился он и, с подозрением посмотрев на дружинников, вернулся в особняк самыми темными переулками, размышляя о том, почему плоть так охотно позволяет себя пить за колбасу.

На третий день беспорядков, отчаявшись найти где-либо чистую публику, господин Углицкий, подойдя к баррикадам, построенным у Горбатого моста и Кудринской площади, посоветовал революционерам воспользоваться для обогрева банями Бирюкова. И теперь он совместно с дружком Бобрище в

перерывах между стрельбой имел возможность попивать вымытую, хоть и возбужденную, плоть. Он был наконец-то сыт, но спал плохо, метался во сне. Снилось ему, что отстреливается он от дружинников, а те пытаются накинуть ему на шею кольцо краковской колбасы. Царевич подрагивал конечностями, пытаясь увернуться от вонючих колец, в результате чего был разбужен этуалью и вытолкан из ее спальни.

Что за дрянь эти революции! – думал он, укладываясь в свою холодную постель. – А мы этим господам квартиры благоустроенные придумываем со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами… Потихоньку надобно, накатом…

Но та смертная плоть, что заседала в Лондоне, хотела получить блага при жизни. И желательно – чужими руками. И не жалела для достижения этой цели никаких своих сограждан. В январе в районе Пресни стали появляться прокламации по поводу предстоящего рабочего праздника Первомая. Прокламации содержали угрозы сжечь в этот день всю Москву.

Несмотря на чрезвычайную охрану, грабежи и вымогательства денег с революционной целью продолжались. За отказ дать деньги в своей квартире днем была убита купчиха Железняк и тяжело ранены лесопромышленник Липелисс и его жена.

Одним вечером, вернувшись домой после представления, Уар и Анастасия застали разоренное гнездо, ободранные гобелены, побитый фарфор, напуганную до смерти горничную. Придя в себя, горничная, размазывая обильно льющиеся слезы и икая, поведала, что причиной разгрома стал распропагандированный революционерами помощник истопника – пригретый давеча крестьянин Алексей Новозеров. Воспользовавшись отсутствием барина, он привел в дом революционных экспроприаторов, которые и повымели все, что смогли унести.

– Божечки мои, да что ж это делается, люди добрые-э-э?!.. – блажила горничная. – Дворника тюкнули молотком в темя, истопника скрутили, кухарке лицо разбили-и-и. А сама я – шасть под хозяйскую кровать, потому и цела осталась. Видала оттудова, как в грязных сапожищах ковры затаптывали-и-и… А тут еще, как на грех, камердинер ваш по девкам ушел, чума ходячая, а-то пострелял бы громил…

Немалый исторический опыт подсказывал иногда Уару, что плоть по природе своей жуликовата и неблагодарна. А уж если войдет в раж…

Возможно, все дело было в главной московской аномалии: проходящий с северо-запада на юго-восток тектонический разлом, который приблизительно совпадает с руслом Москвы-реки, делит

город на две части. Так вот, в северной части города возбужденной плоти с пограничной психикой насчитывается в десятки раз больше, чем в южной. Аномалия наблюдается и в тех местах, где Москва-река делает крутой изгиб. Так что Пресня была обречена стать рассадником смуты.

Уар озаботился новым дизайном своих апартаментов, пообещав Анастасии возобновить коллекцию ее украшений и одежды, для чего намеревался привлечь самых известных художников, ювелиров и модисток. Ампир давно ему наскучил, душа просила модерна.

Глава 10
Камердинер

Блудный камердинер появился лишь на следующий день, развалился в хозяйских креслах и удивил вопросом:

– А нет ли у нас шампанского, господа? – Но, заметив изогнутую в его адрес барскую бровь, вскочил и добавил, потухнув разом: – Пить хочется…

– Где тебя носило? – спросил его Уар сурово.

– Кума приболела, барин! Проведывать бегал. Гостинцев снести!

– Кума твоя уж двести лет как померла. Придумай что-нибудь более правдоподобное, чем приболевший мертвец.

Камердинер бухнулся царевичу в ноги.

– Буфетчик, подлец, с расчетом задержал…

– Скажи еще: денег вовсе не хотел брать… Довольно скоморошничать! Отвечай, почему ушел самовольно? Почему бросил дом? Почему ты позволил им здесь бесчинствовать?

Камердинер с достоинством поднялся с колен и возвел не очень ясные очи к потолку.

– А из чувства социальной справедливости, барин! Пусть люди тоже поживут да пожуют с приличного фарфора! Нешто революционеры не люди? Сколько той их жизни злосчастной?

– Социальная справедливость, говоришь? Где ты понабрался этих глупостей? – рассердился Уар. – Социальная справедливость – это сказки дремучего народа. Забудь это слово.

– Конечно, сказки! Как же не сказки, коли вы, барин, пьете сытенькую знать, «Реми Мартин» и «Шато Лафит» 1787 года, а я – дворню, шмурдяк и скверную водку?

– Таков порядок вещей, Епифан. Не нами установленный, не нам его и менять.

– Даже – к лучшему? – удивился камердинер.

– Никому не дано знать, что на самом деле лучше. Конечный-то замысел неизвестен… – ответил барин как всегда непонятно.

Камердинером царевич обзавелся еще в петровские времена, ***приобщив доподлинно***, без спросу, парнишку, промышлявшего ловлей и продажей городских воробьев. Черт знает, кому они были надобны, эти воробьи. Очевидно, составляли ужин московских мастеровых, не избалованных мясом. Парнишка быстро освоился в Уаровых апартаментах. Никто о нем не плакал, никто не хватился сироты. Поначалу – первые сто лет – камердинер Епифан ретиво исполнял службу: усердно пекся о

своем патроне. А к концу века девятнадцатого вдруг обрел взгляды. Теперь же, сиживая при барине пустыми вечерами – по четвергам, когда не пил в трактире и не волочился за очередною юбкой, – жаловался на одиночество и заброшенность. В пятницу напивался и куролесил, а в субботу требовал равноправия и обновления гардероба.

– Скушно-с мне двести лет в слугах ходить…

– Кто тебя держит? – с напускным равнодушием отвечал Уар. – Иди…

– А подъемные дадите, барин?

– А что ж ты на предыдущие-то не поднялся?

– Пропил… – честно сознался Епифан. – Буфетчик, разрази его гром, в оборот взял…

– Знаю я эту сказку про твоего буфетчика.

– Да уж, буфетчик проклятущий – та еще холера, извольте видеть… В живых ни гроша не оставит… – сетовал камердинер, с наслаждением вспоминая участь предыдущих подъемных средств, выданных барином на обустройство.

И тут аристократические ноздри царевича уловили подозрительный запах.

– Что это? Епифан, ну-ка отвечай, мерзавец, почему опять собачьим дерьмом несет? – вышел из себя Уар. – Ты куда мои ботинки дел, каналья?

– Дык вымыл же, как велели, барин! – обиделся лицом слуга, спрятав ноги под кресло.

– Я их сжечь велел! И чтоб больше – ни духу! – закричал рассерженный хозяин.

Епифан метнулся из барских покоев, скинул тщательно вымытые дорогущие ботинки, которые носил с того самого дня, как барин велел их уничтожить, и запрятал подальше во флигеле для дворни.

Глава 11
1907 г. Англия. Эдуард VII

– Господа, как вам нравится сия рулада?! – хохотал Фофудьин, роняя слезы восторга на лондонскую газету. – Новая формула титулования английского короля теперь такова: «Божией милостью, Эдуард Седьмой, король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и британских владений по ту сторону морей, защитник веры и император Индии». Это, господа, готовый гимн! Это надо срочно положить на музыку!

– Я читал, что британские ученые занялись исследованием, сколько у короля Эдуарда VII английской крови и сколько чужестранной. На основании генеалогии оказалось, что на четыре тысячи пятьдесят шесть капель крови у английского короля одна английская, две – французских, пять шотландских, восемь – датских и четыре тысячи сорок капель немецкой крови, – уведомил присутствующих Бомелий.

Сообщение не вызвало аппетита у членов Общества. Вот если бы в сосудах Эдуарда нашлась московская кровь, это был бы достойный предмет для слюноотделения.

Король Эдуард VII, подобно своему премьеру, страдал излишней полнотой и в тот год предался, так же как и лорд Солсбери, велосипедному спорту. Рано утром, часов около семи, король появлялся в простом велосипедном костюме на трехколесном велосипеде на широкой Avenue Mall, которая идет мимо его резиденции Malborough House, и катался там около получаса довольно медленно взад и вперед, сопровождаемый обыкновенно своей дочерью, принцессой Викторией, и одним из лиц своей свиты. Монарх имел прозвище «дядя Европы», так как приходился дядей нескольким европейским монархам, царствовавшим в одно время с ним, включая Николая II и Вильгельма II. Еще будучи принцем Уэльским – проказником Берти, засидевшимся в принцах до пятидесяти девяти лет, он умудрился так допечь англичанок, что эдвардианская эпоха ознаменовалась усилением феминизма в Британии.

Несмотря на то что он сделался монархом, бывший принц Уэльский, а ныне Эдуард VII, не думал отказываться от своего звания законодателя мод. На этих днях он заказал бархатные отвороты для рукавов своего сюртука. Идея имела успех в кругах Вест-Энда. Магазины Бонд-стрит в тот же день выставили несколько дюжин готовых сюртуков с бархатными отворотами. Эдуард VII не забывал, что он был принцем Уэльским.

В то время как московская жизнь складывалась преимущественно из выборов, задержаний преступников и обезвреживания адских машин в домах государственных деятелей и присутственных местах, а также из таких прозаических вещей, как лечение сифилиса и гонореи, судя по рекламным объявлениям в прессе, английская общественная жизнь пучилась имперскими амбициями и общественной деятельностью. Английское общество никак не могло прийти в себя от результата дарования Трансваалю конституции. Первый кабинет Трансвааля целиком состоял из бывших бурских генералов и чиновников с бурским генералом во главе. Шовинисты называли это вторым Колензо. Опытные политики полагали, однако, что буры у власти окажутся британскими патриотами. Многие англичане ощущали патриотическую гордость, утверждая, что-де одна Англия во всем мире может делать такие опыты. Пессимисты, напротив, предвидели недалекое отпадение Южной Африки.

После каникул с разрешения короля собрался Парламент. В палате общин депутаты резко отзывались о злоупотреблениях и расхищении народных денег комиссариатом в Южной Африке. Лорд Бальфур заявил, что специальная комиссия палаты займется расследованием этого дела, а пока обвиняемые офицеры будут уволены от занимаемых ими должностей. Всем было ясно, что войну надо заканчивать.

Налогоплательщикам надоело читать об инсургентах, и они стали задавать неудобные вопросы о целевом использовании средств. В палате общин вызвал оживленные дебаты вопрос о том, что желательно увеличить повинности колоний. То есть политическая цена, больше похожая на шантаж, вспучилась, как дрожжевое тесто, и всем заинтересованным стало понятно, что пора приступать к выпеканию пирога, достойного аппетитов метрополии. И правительство Трансвааля взялось за дело.

Глава 12
Возвращение хроникера

Хроникер продержался в Африке без малого два года и под новый, наступающий 1907-й запросился домой. Он, видите ли, соскучился по снегу. По водке тоже соскучился с соленым груздем. Даже красавица из племени химба, обмазанная с головы до ног красной глиной и научившая Адаманского настоящему хлааба-уфф-уфф, что обошлось ему в одну местную корову, не смогла удержать его меж своих жарких длинных ног. Виски в горло уже не лезло, вельд кишел ядовитыми змеями, в реке на простого мотыля ловились гигантские крокодилы. И надобно было еще исхитриться удрать от своего улова, бегавшего посуху со скоростью псовой борзой.

Из конверта сыпался песок, что должно было, по мнению Адаманского, убедить мецената экспедиции в трудностях быта хроникера. Уара удивляло, что камень так долго не дает о себе знать. Местонахождение его по-прежнему оставалось неизвестным ни любопытствующей публике, ни пронырливым репортерам. Ясно было только одно: черного континента камень не покидал. Пользы от командировки хроникера Уару не было никакой, поэтому он согласился оплатить его возвращение, и в начале января Адаманский прибыл наконец в Москву.

Обзаведясь в Трансваале нужными связями, репортер не сидел там на одном месте, а все время проводил в экспедициях, тратя меценатские деньги на проводников, снаряжение, виски, лошадей и оружие. Тех немногих знакомств, которые хроникеру удались, ему хватило, чтобы убедиться, что алмаз оставался в Трансваале.

Господин Углицкий пригласил Адаманского в Большой Московский ресторан, бывший в тот год в особой чести у московских жуиров, – с нового года там пел женский хор. В зале ресторации царевич в ожидании репортера просматривал газету «Сегодня». На глаза ему попалась заметка, поразившая изобретательностью московского греховодника-купидона. Называлась заметка «Дом свиданий».

«Разврат не останавливается ни перед чем и превращает в места свиданий даже учреждения, созданные для науки. Так, например, наша публичная библиотека стала заполняться дамами и мужчинами, ищущими «интересных» встреч. Особенно прилив их стал замечаться со времени появления в уличных газетах циничных объявлений. Жрицы любви ютились сначала в вестибюле,

но, когда оттуда унесли мебель, они перешли в справочный отдел и читальный зал. В. А. Бахтиаров отмечает в прессе, что, благодаря газетным публикациям, количество посетителей библиотеки стало возрастать, но принятыми мерами этот искусственный рост несколько сдерживается, но далеко еще недостаточно».

– О tempora, o mores! – раздался над Уаром голос с хрипотцой.

Обернувшись, он едва узнал Адаманского: африканский загар, выгоревшие волосы, брови и ресницы, лишь взгляд тот же – наглый и насмешливый.

– А я, представьте, думал, что московская пло… публика занялась повышением своего образовательного уровня. На каждом шагу ведь спрашивают, как пройти в библиотеку, – посетовал Уар.

Адаманский засмеялся и уселся за стол, свободно развалясь. Уар отметил его новую повадку. От репортера исходили горячие токи, и царевич непроизвольно подался вперед.

– Я вам больше скажу, господин Углицкий, южно-африканские богомолы доказали, что для этого даже мозг не потребен! Не говоря уже об образовательном уровне. Самка перед совокуплением попросту отгрызает самцу голову! Чтоб делал свое дело и не думал о глупостях! И тот, представьте, без головы делает… – Ррепортер от души рассмеялся.

– За что ж их так наказали, этих тварей? – подивился царевич коварству природы.

Ему конечно же не терпелось узнать подробности экспедиции, но он не торопил Адаманского. После закусок, отдав должное водке, путешественник в дебри африканского континента наконец заговорил. Не без гордости рассказал о своих экспедициях, чреватых смертельными опасностями, чем вызвал изрядную зависть слушателя, и наконец подошел, как ему казалось, к главному.

– Англичанин этот – самый богатый человек в мире – господин Бейт, стоящий во главе дома Vernher, Beit and Cie, – докладывал репортер Уару. – Половина рудников Южной Африки и особенно Кимберлея принадлежат ему. У него круглым счетом один миллиард рублей на наши деньги. А второй в мире богач – китаец Ли Хунчан, у которого также не менее миллиарда рублей, только он не любит, когда об этом говорят: боится, что об этом может узнать вдовствующая императрица.

При чем тут китайцы? – подумал Уар, хотя в свете нынешних британо-китайских, мягко говоря, неприязненных отношений пожалуй, это было неудивительно.

– Но ни тот ни другой в переговоры с правительством

Трансвааля по поводу покупки алмаза не вступали.

Уар хотел сказать хроникеру, что алмаз такого размера – это не товар, а политика, но не стал. Женский хор затянул «Ямщик, не гони лошадей». Ах, сколько же их, несчастных хористок, замерзает в бескрайних заснеженных просторах без любви и ласки! – подумал Уар, чрезвычайно впечатленный исполнением. – И любить им некого, и спешить – не к кому.

К большому сожалению господина Углицкого, никаких сведений, позволявших предпринять какие-либо действия в отношении экспроприации алмаза, дальнейший рассказ репортера не содержал. Но царевич не без удовольствия наблюдал за здоровой и энергичной трапезой своего визави. После десерта он горячо поблагодарил Адаманского за проделанную работу и даже поцеловал в шею. Репортер, смущенный этой странной манерой мецената, тем не менее каждый раз бывал весьма польщен и тронут. Черт ее разберет, эту богему…

Царевичу хватало здравого смысла, чтобы не поддаваться циркулирующим в среде нетрадиционных потребителей слухам, будто вне Москвы жизни нет и ее придумали лондонские, чтобы сеять панику среди московских. В то же время не-Москва была для нетрадиционных потребителей столь недоступной, что ее вполне можно было назвать Миром Иным. Или – Тем Светом. О легионере Выродкове, когда он возвращался после своих героических баталий, в которых непременно погибал смертью храбрых, так и говорили: «вернулся с Того Света». О том же, что происходит в Мире Ином, Уар узнавал из газет. А уж верил или не верил, мы того не знаем.

Распрощавшись с хроникером, царевич заказал (инкогнито) женскому хору исполнить для него романс «Ах, зачем эта ночь так была хороша». При этом велел заменить слово «хороша» на «холодна», а сам вернулся к прерванному занятию: чтению свежей прессы. В Обществе всегда недооценивали открытые источники информации. Вот и теперь газета дразнила и строила козьи рожи: год складывался невеселым, оборачивался обидными потерями. Английский клоб извещал, что его Совет предполагает для увеличения доходов использовать свободное место на Тверской – перед зданием клуба построить корпус для десяти торговых помещений с квартирами для торговцев в верхних этажах.

Ох уж эти лондонские! – подумал в раздражении господин Углицкий, – самую сердцевину Москвы уже принялись выгрызать…

Английские газеты сообщали, что Япония вновь предъявляла оскорбительные для России, притом совершенно невыполнимые

условия, а именно: свободное плавание японских судов по Амуру, транзитная торговля японскими товарами вплоть до Балтийского моря, право японским подданным приобретать земли в Сибири и беспрепятственная рыбная ловля у берегов русской части Сахалина. Это ж откуда у них столько товаров, чтоб до самой Балтики Россию покрыть? – поражался Уар. – Ведь всей той Японии, судя по карте, – на один воробьиный скок!

Требования выражались в чрезвычайно резкой форме и представлены были японским посланником Мотоно министру иностранных дел Извольскому. Россия вновь решительно отклонила эти требования. Если сами не можем освоить пространства – то и другим не дадим.

Московских нетрадиционных потребителей настораживало: отчего это лондонская печать так озабочена событиями в России? Не иначе как дадена им команда – отвлекать собственных граждан от внутренних и внешних проблем Британской империи, балансирующей на канате с привязанными к рукам и ногам гирями – завоеванными колониями. Британская империя, как курица у жестокого дрессировщика, прыгала по горячему металлическому листу, подогреваемому то Китаем, то Индией, то Трансваалем, то Персией. Состояние здоровья персидского шаха оценивалось как безнадежное, а престолонаследник, как говорят, – открытый враг конституции. Персидский парламент настроен крайне оппозиционно, и его роспуск может вызвать вооруженное сопротивление. И все это – вилы в бок Британской империи.

Московские же газеты жалели астраханского губернатора, который в виду зимнего времени, полной распутицы и разбросанности калмыцкого населения требовал отложить выборы до весны, так как производить их теперь он считает невозможным. Где та Астрахань? Какая она? Зачем ей выборы? Что за дело Москве до разбросанных по бескрайней топкой степи калмыков, ни лицом, ни верою не похожих на соотечественников? Это уже – отечественные вилы в бок. И не единственные. Царевич вдруг подумал, что есть места, в которых ему не суждено побывать никогда. Даже с учетом того, что он будет жить всегда. Даже если его соратники дождутся абсорбента, позволяющего пить не только москвичей, но и всех прочих, а следовательно, и выезжать за пределы Москвы, то, пожалуй, в калмыцкие степи он не поехал бы. Просто за ненадобностью.

По случаю тезоименитства государя императора в храме Христа Спасителя состоялось торжественное богослужение в присутствии высшей администрации столицы, представителей общественных и сословных учреждений и высшего военного

начальства, раздавались подарки маленьким подданным – Николаям. Димитрий Иоаннович пожалел, что не было на престоле российском ни одного Димитрия и жизнь его так и проходит – без августейшей милости в виде разноцветных леденцов. Но, может, все еще впереди?

Как ни желал царевич получить алмаз в безраздельное владение, он понимал, что не имеет права заниматься камнем в одиночку. Согласно Уставу Общества все крупные сделки и прожекты должны были выноситься на рассмотрение Комиссии по сохранности с целью построения стратегии и тактики, а прибыль становилась общей собственностью, и распоряжаться ею тоже следовало сообща. Это в значительной мере сковывало инициативу членов Общества и портило настроение амбициозному молодняку призраком угрюмого коммунизма, нивелирующего личность.

И вот пришел долго ожидаемый день: одиннадцатого февраля Адаманскому поступила телеграмма от верного человека, уведомлявшего, что алмаз собираются переправлять в Лондон. Послание было зашифрованным и шло из Трансвааля долгим кружным путем. Репортер поспешил уведомить о сем мецената и даже согласился, к взаимной пользе, держать эту информацию в секрете.

Глава 13
Полеты и их разборы

Весна меняет восприятие жизни. В отмороженном за зиму сознании граждан пробуждаются надежды на благие перемены в собственной жизни и вокруг нее. Как будто мутный поток талого снега способен унести мусор не только с улиц Москвы, но и из голов ее жителей. А потом и вовсе запахло маем. Московские обыватели радостно отворяли окна, хотя некоторые из них приобрели не совсем похвальную привычку выплескивать из окон всякую дрянь, что, конечно, не могло нравиться другим обывателям, которым эта дрянь попадала на шляпы и пальто. Той весне на некоторое время удалось вытеснить из головы царевича думы об алмазе.

Обычное утреннее зрелище в апартаментах Уара представляло картину танцовщицы об одной ноге. Вторая нога виднелась над ее макушкой. Растяжку этуаль отрабатывала везде, где ей случалось стоять без движения долее десяти минут. Уар едва успевал одергивать свою подопечную, увлекая ее за собой на променад, тщательно избегая остановок. В обществе отговаривался тем, что особа не вполне в уме, как и подобает глубоко творческой личности, что отлично работало на имидж исполнительницы невиданных прежде танцев и даже несколько оправдывало в глазах общества ее тягу к публичному обнажению. В Москве даже вошло в обиход выражение: «стоит, как нога Анастасии Волковой».

Этуаль с утра пребывала в неописуемой ажитации.

– Дуся, ты только почитай, как вдохновляются на танец заграничные артистки! – совала она чаевничающему Уару под нос свежую газету. – «Известная танцовщица Отеро заказала себе воздушный шар, на котором собирается лететь из Парижа в Биарриц. Для того чтобы полет этот удался вполне, она купила автомобиль, который будет тащить шар на канате-буксире 100 футов длины». И реклама, согласись, замечательная! Давай устроим эдакий аттракцион в Москве! Я нисколечко не боюсь! Хотя бы до Коломны…

– Я слышал, воздушный шар, пущенный из сада «Аквариум» с воздухоплавателем Жильбером, унесло к Москве-реке. А когда аэронавт заметил сильное колебание шара и открыл предохранительный клапан, шар сел на кровлю храма иконы «Утоли моя печали». Так что с крыши снимать пришлось. Вы хотите, чтобы вас снимали с крыши, сударыня? А если еще, чего

доброго, и вовсе разобьетесь?

– Ах, Митя, погибнуть на воздушном шаре – это так шикарно! – не сдавалась Анастасия, охваченная предвкушением роскошного зрелища с нею самой в главной роли.

Между тем Уар как раз недавно узнал, что в Москве получены на днях из-за границы оригинальные волшебные фонари, посредством которых можно проявлять на облачном небе в увеличенном виде слова и различные изображения, вставляемые в объектив фонаря. Аппарат этот предназначался для облачных реклам, которые давно уже были в широком употреблении в Америке. Неожиданная храбрость Анастасии навела его на мысль, что, если совместить облачную рекламу с полетом, это станет настоящей сенсацией и принесет огромные сборы от последующих представлений. Он прикрыл глаза, и перед его мысленным взором предстала дивная картина: огромные светящиеся на облаках буквы АНАСТАСИЯ и удаляющийся в лучах закатного солнца шар!

– Ты только представь: с шара можно осыпать город цветами! Много цветов, дождь из роз! – в возбуждении воскликнула танцовщица и подняла высоко над головой ногу, как восклицательный знак.

Июньским полднем, когда все было готово и толпы гуляющих заполонили парк, из «Аквариума» поднялся в вольный полет освобожденный от привязи большой шар. Корзина с аэронавтом Жильбером и двумя пассажирами – исполнительницей скандальных танцев Анастасией Волковой и московским репортером, африканскими очерками которого зачитывалась вся Москва, плавно поднималась над Москвой, шелестя красными шелковыми шарфами, реющими на ветру. И вдруг из корзины посыпались розы. Публика ахнула и замахала руками. Военный оркестр грянул вальс. Шар взял направление на юг.

На следующий день по Москве поползли слухи, будто шар унесло в море, хотя многие не верили. Ну действительно, до какого моря можно было долететь за сутки при хоть и северном, но весьма легком ветре? Скорее всего, шар лопнул, а участники полета разбились. Когда на третий день в Москву вернулся хроникер, стало ясно, что этуаль сбежала с аэронавтом. Рассказывать что-либо репортер отказался и заперся у себя, наказав дворнику никого не пускать. Господину Углицкому же он отправил записку, в которой намекнул, что все живы и тот сам скоро все узнает.

Уар, призвав на помощь старого друга – сокольничего, отправился на поиски. Но покидать Москву надолго они, в силу известных непреодолимых обстоятельств, не могли. В голове

царевича не укладывалось, что пропажа участников полета может оказаться пошлым адюльтером. Он был вне себя от горя и гнева, не мог находиться дома, где все напоминало о ней, пахло ею.

– Ну что ж ты у меня такой страдалец? Что ж у тебя с девками нескладухи одни? – горевал сокольничий. – Что ты с ними делаешь? Ты вообще что-нибудь с ними делаешь? – спрашивал он друга в приватном кабинете ресторана.

– Люблю, – кивал нетрезвый Уар. – Как умею.

– А как? Как умеешь?

– Нежно.

– Эх… Учить тебя… – досадовал сокольничий. – Я вот знаю одно такое коленце…

– Что ты знаешь?

– Ну трюк… верный. Давай покажу! Завалишь, как лося.

– Друг мой, она – не лось. Она – серна…

– Да тут не в породе дело. Все они – одинаковые. Гляди: хватаешь за рога, рвешь на себя с одновременной подсечкой, она, натурально, упирается в тебя всеми четырьмя копытами, и тут ты…

– Постой! Ты не понимаешь… – замахал рукой царевич. – Мне важна симультанность.

Бобрище поперхнулся водкой, чего с ним отродясь не случалось.

– Э?..

– Одновременное протекание процессов. Параллельных. Желательно – встречных…

– Ты, братец, что-то путаешь с процессами… Если встречные процессы параллельны, – Бобрище произвел эксперимент руками для наглядности, – то разминетесь непременно, – сделал он вывод и вздохнул, осознав, что пустое это занятие.

– Я ведь, знаешь, что заметил? Не смотрит она на меня. Специально или нет, но отводит глаза. Не могу встретиться с ней взглядом, – изливал душу царевич.

– А руками?..

– Да при чем тут?.. Любовь – это когда двое не могут насмотреться друг на друга, смотрят и не могут отвести глаз от любимого лица.

– Я тебе так скажу: когда еще нужда случится, действуй руками. Отворачивается – возьми руками за плечи, крепко возьми и разверни к себе. Вот если тут глаза отведет, то тут уж руками глаза разворачивать не след. Тогда уж бросай ее. Тогда уж точно уверишься, что не ты ей нужен. Ни ты, ни взгляды твои. Им вообще не взгляды нужны. Поверь. Знающие люди говорят, что девки – они ушами любят. Им надо, чтоб, значит, еще и говорили

им что-то при этом. Представляешь?

– Как же такое возможно? У меня же дыхание замирает, когда я ее губами касаюсь. Или даже просто смотрю. Я же ее вожделею! Как можно, скажи на милость, вожделеть и говорить одновременно?

– Видать, как-то исхитряются смертные.

– Хорошо еще, что они головы не откусывают.

Бобрище посмотрел на друга с тревогой.

– Вот ты скажи мне, как же смертные за свою короткую жизнь успевают научиться искусству любви, а я за свою бесконечную никак не могу постичь сих премудростей? – мучился непростым вопросом царевич.

– Наверное, это только в живой жизни познать можно. А тебя же совсем мальчишкой ***приобщили***, вот ты и любишь, как ребенок, – ластишься, – предположил сокольничий и всем своим большим сердцем пожалел друга.

Напившись с царевичем в «Праге» до зеленых чертей, сокольничий сочинил объявление и подал его в «Московский листок»:

«Пропала сучка породы «шмудель» (пудель 3-го класса). На правой щеке родинка, в ушах сережки. Вознаграждение доставившему – 10 рублей».

Покинутый влюбленный долго не мог уснуть от одолевающих его мрачных дум. К тому же его очень раздражали революционеры, собравшиеся в доме напротив. Маскируя политическую сходку под гульбу, шумели долго. Утомившись беспокойными соседями, он телефонировал в жандармское управление, которое, произведя облаву, революционеров арестовало, и Уару наконец под утро удалось уснуть.

После полудня над Москвой пронеслась гроза с сильным ливнем и крупным градом. В седьмом часу вечера прошел второй ливень. В Арбатской, Пречистенской, Рогожской и Лефортовской частях, где низины, залило подвальные этажи, во многих местах воду выкачивали паровыми машинами. У Арбатских и Никитских ворот, в Обыденном переулке, у храма Христа Спасителя да на Елоховской улице воды накопилось выше колена. Бесчинством стихии воспользовались извозчики и перевозили публику через улицу, требуя за это рубль.

Развитие трамваев в Москве весьма прискорбным образом отразилось на доходах извозчиков. Особенные невыгоды ощущали от развития трамваев крупные извозопромышленники. Среди них шли толки об образовании специального союза на акционерных началах для продолжения извозного промысла в новых формах. Оптимисты предполагали пустить в обращение по Москве

изящные фиакры с рекламой по бортам. Реалисты, убежденные в серьезности прихода электричества, задумались о спешной продаже своего промысла оптимистам.

Городская управа приступила к выработке правил и договоров для разрешения езды на наемных автомобилях и отведению особых автомобильных стоянок на улицах города. Первый договор планировалось заключить с предпринимателем господином Углицким, за которого ходатайствовало Общество потребителей «Взаимная польза». Для начала предприниматель собирался пустить десять четырехместных автомобилей. Автомобили будут стоять в определенных местах города и сдаваться в пользование по шести рублей в час.

Градоначальник, отмечая справедливость требований Общества потребителей «Взаимная польза», признал необходимым назначать ежедневно особые наряды пеших городовых в форменном и статском платьях при околоточных надзирателях, а также велосипедистов от полицейского резерва и рот полиции. Наряды эти обязаны находиться в известных местах (ежедневно разных), образуя заставы, и наблюдать за точным исполнением как ломовыми, так и легковыми извозчиками, а равно и велосипедистами и едущими на автомобилях, всех правил езды по улицам города, не допуская в то же время к езде извозчиков в неопрятной одежде, на неисправных закладках и изнуренных, больных лошадях.

Поздним душистым вечером, которым завершился тот дождливый день, Уар плелся из ресторана домой мокрыми улицами, пропахшими отцветающей жимолостью, и вдруг увидел у витой чугунной ограды особняка привалившегося к ней человека. В сумерках было трудно разобрать – мужчина это или женщина. Вблизи копна спутанных льняных волос показалась знакомой. Кудри разметались по белой рубахе, заправленной в брюки солдатского покроя. Ноги были обуты в кирзовые сапоги явно неподходящего размера.

В то лето, чтобы очистить московские бульвары от нежелательных элементов, городская Управа воспретила прогулки по бульварам «милым, но погибшим созданиям». Уар сначала подумал, что девушка прячется от околоточного, но его сердце вдруг заныло, а потом пустилось вскачь.

– Анастасия?!

Он подхватил и внес в дом свое блудное сокровище.

– Ванну… пожалуйста, ванну… – стонала этуаль. – И еды…

Прислуга, не любившая Анастасию за фантастический рывок «из грязи в князи», жаждала насладиться ее унижением, злорадствовала потрепанному виду самозванки, полагая, что вот

сейчас хозяин ее проучит. Но Уар выгнал всех: от кухарки до камердинера – во флигель для челяди, пригрозив, что откажет им от места, если они станут мести языками по Москве.

Царевич извлек возлюбленную из отвратительных тряпок, погрузил ее в ванну с горячей водой, щедро сдобренной розовым маслом, и присел на мраморный бортик, смывая рукой с ее лица летнюю пыль, волновался, не веря, что вновь обрел ее, такую мучительно желанную. Он не мог налюбоваться ею, не мог оторвать он нее своих ледяных рук, мечтал нежно и подробно целовать каждый изгиб ее тела, но, как ни старался сдерживаться, мучившие его дурацкие мужские вопросы срывались с языка.

– Что это за обноски были на вас, сударыня?

– Никакие не обноски, – поводила плечом этуаль. – Это Жильбер украл на берегу реки. Там военные купались.

– Почему вы так голодны? Он что – не кормил вас?

– Кормил, – отвечала этуаль, – но это было давно. У нас же не было денег.

– Почему у вас не было денег? – поражался Уар.

– Ах, ну что же тут непонятного? – недоумевала Анастасия, – потому что брюки улетели.

– Какие брюки?

– Брюки Жильбера, в которых были деньги.

– Позвольте, я не представляю, как ветер может сорвать с человека брюки?! Объясните!

– Да он сам их снял! А они улетели. Там же ветер! – выходила из себя этуаль от мужской непонятливости.

– Кажется, я начинаю понимать, – процедил Уар.

– Ну наконец-то… – облегченно вздохнула Анастасия.

Зачем он задает вопросы? Зачем обрекает ее на муку поиска оправданий? Все предельно ясно и без вопросов, и без этих ужасных, больно ранящих ответов. Ах, если бы можно было заснуть с ней рядом на пахнущей мускусом и резедой перине, сплетя тела, и чтобы утром оказалось, что никакого полета не было и в помине! Что это был дурной сон! Но явь разила его своей необратимой очевидностью. Анастасия недовольно поводила плечами, выскальзывающими из его рук. Бес ревности искушал его, а пламень воображения обрекал на душевные страдания. Он изнывал от любви и не знал, что предпринять: задушить в исступлении чувств или, поддавшись пленительной манкости этой наяды при всей ее бесхитростности, простить и забыть.

– Сударыня, вы, кажется, вознамерились сделаться раздирательницей сердец?

– А мне доносили, сударь, что вы сам – известный куртизан! –

рассердилась и перешла на «вы» утомленная допросом Анастасия.

Упрек был несправедлив. Едва ли сама этуаль находила эти сплетни правдивыми. Уар никогда не был волокитой, не разменивался на мимолетные селадонные нежности.

– На что вам Жильбер, сударыня? Он готов вас содержать? Устраивать вам ангажемент? Кстати, в Москве открылся женский клуб для объединения женщин в деле нравственного и умственного усовершенствования и осуществления женского равноправия. Не хотите ли вступить?

– Милый мой, – снисходительно отозвалась Анастасия, – вам не понять! Вы никогда не делали ЭТОГО в небе!

О боги! Что она делает с ним?!

– Вот оно что! Вы ставите ЭТО выше любви?

– Ах, перестань! Это вышло случайно! Я же сбрасывала с себя одежду на Москву. Но, к сожалению, на мне было надето не слишком много. Лето же! Так что в дело рекламы пошло все, вплоть до панталон… А когда мы поднялись повыше, я стала замерзать. Он хотел согреть меня… Ты знаешь, что там наверху ужасно холодно? Почему ты меня не предупредил?

– Мерзавец-аэронавт воспользовался вашей беззащитностью?!

– Да нет же! Жильбер меня не принуждал, но мое тело требовало помощи!

– Но ведь он мог отдать вам свою одежду!

– Да пойми же ты, – сердилась и всплескивала руками по воде этуаль, обдавая царевича ароматными брызгами, – Жильбер именно так и намерен был поступить! Но когда он разделся… Ах, Митя, тебе не понять! Ты мне иногда кажешься глубоким стариком! Тело согревает лучше любой одежды. Он, правда, все-таки заставил меня надеть шлем… А потом, – она мечтательно прикрыла глаза и продолжила: – держась за перила короба, я подняла ногу в арабеске и пронзила ею облако! Жаль, что этого не было уже видно с земли… Жильбер закричал мне: «Вы простудитесь, сударыня!» И я ответила: «Так согрейте меня!» И он согрел, как умел. Это было восхитительно! Это и есть любовь! А не то, что ты себе навоображал…

Оказалось, что «муку поиска оправданий» он себе придумал. Она ничуть не раскаивалась и даже не видела в своем поступке ничего предосудительного. Святая простота! Уар зарычал от злости и беспомощности. Ну что с ней делать? Утопить в ванне? Она же простодушна, как дитя… Другая бы скрыла, насочиняла жалостливую историю о гнусном соблазнителе.

– Но почему вы не вернулись после приземления?

– Да потому что одежду унесло! Мы же были совсем голые и искали уединенное место для посадки, но везде были эти гадкие

крестьяне!

Уар едва мог выносить эти признания.

– А хроникер? Что же хроникер?

– А он спрыгнул в стог сена. Мы как раз низко пролетали. Он сказал, что его крестьяне не волнуют, а волнует пленка.

– Какая еще пленка?

– Ты что, забыл? Ты же сам дал ему аппарат и просил снимать. Он и снимал нас. Сказал, что получится прекрасная синема.

– Негодяй! Он поплатится! – закричал, вскочив, Уар, угрожая невидимому хроникеру кулаками. – И вы – при постороннем? Да еще – на аппарат? – Он не мог прийти в себя от изумления и обиды.

– Митя, милый, ну не дуйся… Разве ты сам не хочешь на это посмотреть?

И Уар понял, что хочет. Очень хочет посмотреть отснятую хроникером фильму. А потом убить мерзавцев. Обоих. И аэронавта, и хроникера.

Царевич выскочил из дома и, оседлав свой новенький Peugeot, рванул к Адаманскому. Отшвырнув дворника, пытавшегося, по требованию хроникера, воспрепятствовать проникновению посторонних, он ворвался в дом, в котором квартировал человек, кормившийся с его, Уара, руки, и… напоролся на дуло револьвера.

– Остыньте, сударь! – сказал Адаманский. – Остыньте и спокойно выслушайте. А потом мы решим, как нам быть.

– МЫ решим?! Щенок! – закричал Уар срывающимся голосом, и вдруг понял, гладя на крепко сложенного, уверенного в себе репортера, что тот давно уже не щенок, а вполне умеющий постоять за себя противник. Впрочем, вспомнил он, Адаманский и раньше-то был не робкого десятка, коли таскался по московским притонам в поисках новостей для своей колонки в газете. А уж после африканского вояжа ему сам черт теперь не брат. Придется как-то договариваться, подумал Царевич, все еще раздувая тонкие аристократические ноздри.

– Я ждал вас, господин Углицкий. Сейчас покажу вам отснятый материал, а потом выскажу свои соображения.

Уар наконец заметил на стене, справа от входной двери, натянутую простыню: то ли к его приходу, то ли чертов хроникер целыми днями устраивал себе сеансы.

– Выпейте, – сказал Адаманский, поднеся Уару стопку водки.

Синема потрясла Уара. И ведь захочешь – так не придумаешь и не сыграешь с такой отдачей и искренностью. В таком антураже. С удаляющейся землей и подступающим небом. С

разлетающейся над Москвой одеждой и розами. Жаль только, что скорость, с какой крутилась пленка, представляла действие комичным до колик.

– А теперь подумайте, сколько за такую синему можно сорвать! Это же – золотое дно. Клондайк! Ради этого стоило придумать синематограф!

– Вы с ума сошли, – устало ответил Уар, – я же люблю ее.

– Бросьте! – сказал Адаманский, познавший в Африке восторг настоящего хлааба-уфф-уфф, не испорченного отечественной ложной скромностью и удручающей бездарностью. – Такую фемину глупо любить как обычную женщину. Ею надо наслаждаться! К взаимной пользе. Она принесет нам миллионы! Это будет новый жанр: приватный синематограф! И мы с вами – его родоначальники! У меня уже новый сюжетец имеется: Люмьеры сняли приход поезда, а мы снимем приквел про то, что в этом поезде происходило по дороге.

– А позвольте полюбопытствовать, – Уар едва сдерживался, – как часто вы смотрите эту фильму?

– Перманентно. Отвлекаюсь только на самые неотложные физиологические нужды, – без тени смущения доложил Адаманский.

Нет, я его все-таки убью, решил Уар.

Они стояли друг против друга, рослые, красивые, на вид – ровесники. Вся бесконечно долгая жизнь не сделала Уара циником в отличие от его противника, спешившего прожить свою короткую жизнь в стремлении урвать от нее как можно больше радостей, не считаясь со способами их достижения. Нежное и сильное чувство, так редко посещавшее царевича – примерно раз в столетие охватывало его целиком и заставляло трепетать от одних только дум о предмете. Он ни за что не отдаст на поругание этому мерзавцу свою Анастасию!

– Адаманский, – обратился он к визави, не повышая голоса, – вы – негодяй.

Хроникер не успел ничего возразить. Короткий, без замаха, удар пришелся ему прямо в лицо. Кровь хлынула из разбитого носа. Инфернальная природа Уара позволила бы ему справиться с репортером, даже если бы тот владел приемами английского бокса, но противник не ответил на удар. Он только прикрывался, как мог, от града последующих ударов – не хотел окончательно потерять возможность сотрудничества с меценатом к взаимной пользе. Польза должна была искупить унижение и боль. Он уже твердо знал, чем ответит меценату, и понимал, что это будет больнее любых побоев.

– Да что ж вы на меня напустились, Димитрий Иоаннович?! –

кричал репортер, уворачиваясь и роняя в отступлении стулья.

Видя, что противник не отвечает на его удары, и настоящей драки, которая принесла бы ему облегчение, не выйдет, Уар развернулся и, тяжело дыша, двинулся к выходу.

– А поцеловать? – услышал он за спиной насмешливый голос хроникера.

Царевич вернулся, хотя, выпустив пар и уже остыв, понимал, что это не последняя их встреча и этот насмешник ему еще пригодится, рывком прижал к себе репортера и приложился к его шее левым нижним клыком. Как же он был сладок, этот мерзавец!

Глава 14
Посильное

Уар не мог смириться с мыслью, что живущая рядом возлюбленная ему не принадлежит ни мыслями, ни телом. Он не знал, как привязать к себе живую, горячую Анастасию и решил сохранить и обессмертить ее образ. Царевича осенила мысль заказать портреты танцовщицы лучшим живописцам. Но ей претило позирование. Она физически была неспособна замереть долее чем на мгновение, после которого на нее обычно обрушивался шквал аплодисментов. Живописцы искали наиболее покойную для нее позу, но этуаль вытворяла что хотела.

– Невозможно работать! – жаловались мастера холста и кисти, – сделайте же что-нибудь, господин Углицкий!

И Уар придумал. Он позволил Анастасии свободно двигаться, танцевать, валяться на черном шелковом ковре, разметав алые одежды. А сам без устали фотографировал ее. Получившиеся фотографии он раздал живописцам. Результат его потряс. Прихотливые линии тела в спонтанном движении и неконтролируемое выражение лица танцовщицы оказались новым словом в изобразительном искусстве. Уар ликовал. Ему удалось остановить прекрасные мгновения. И даже запечатлеть их. Но живописцы по какой-то не ясной ему причине нижайше просили не выставлять полотна публично. Господин Углицкий охотно согласился на их просьбу и даже расцеловал на прощанье в пахнущие растворителем и льняным маслом шеи.

Несмотря на весь свой дендизм, а может и благодаря оному, Уар легко перешел с сюртука на пиджак и даже заказал модные в этом сезоне коричневые ботинки – на случай, если ему вдруг придет в голову блажь заняться спортом. Распростившись без горьких сожалений с надоевшим цилиндром, он первым в Москве выписал себе из Парижа и надел фетровую шляпу. Галстук стал повязывать с некоторой небрежностью, требующей особых навыков, но галстучным булавкам и запонкам он оставался верен по-прежнему.

В то же время Уара весьма занимали преобразования в дамском костюме. Он вдруг увлекся теориями врачей и гигиенистов относительно новшеств в дамском белье и теперь пытался с присущим ему в увлечениях пылом внедрить в обиход Анастасии реформированные панталоны доктора Спевера.

Уар удалил из гардероба возлюбленной корсеты и прочие жесткие конструкции, атаковал шнурованные лифы и громоздкие

тяжелые одежды, сдавливающие тело. Модерн помог ему найти правильные изящные линии и роскошный декор.

Но этуаль желала манто из тяжелого шелка с собольей оторочкой и даже показала доставшийся ей по случаю карминно-красный шелк с кистями, в котором Уар с ужасом узнал настоящее китайское погребальное покрывало.

– Где вы это взяли, сударыня?

– Купила у одного красивого китайца – поставщика «Чайного дома Перлова». Он сказал, что пришлет мне портниху. Китаянки, должно быть, прекрасные мастерицы. Смотри, какой узор по шелку выткан! Лучше всякого муара!

«При чем тут китайцы? – удивился царевич. – Только китайцев мне недоставало!» Он точно знал, что Перловы давным-давно открыли в забайкальской Кяхте чайную контору по закупке чая у китайцев и никакие китайцы сами чай в Москву не возят. Может, китаец, которого москвички находят красивым, – это рекламный трюк? Тогда зачем ему позволено торговать погребальными покрывалами?

Еще Анастасия требовала предоставить ей классы.

– Там должны быть станки и непременно зеркала во все стены. И вид на реку.

– Я оборудовал вам помещение в особняке. Что вас не устраивает? – отвечал Уар.

– Ах, боже мой, вы собрались меня здесь сгноить! Вы вывозите меня только на вечерние представления. Я света белого не вижу! Вы бездушный монстр!

Упрек был несправедлив. Уар любил Анастасию всем сердцем, несмотря на лежавшую в нем тяжелым камнем обиду.

– Для чего вы покупаете мне шубы, платья и бриллианты, если мне некуда в них выйти?

Уар целовал ее шею от мочки уха до ключицы – ему нравилось «ходить по краю».

– Разве вы мало выезжаете со мной? Или вам претит мое общество?

– Ах, Митя, в тебе нет жизни! И руки у тебя – вечно ледяные… – оправдывалась Анастасия.

Да-да, он точно заметил, как избегала она в последнее время его прикосновений. И по-прежнему отводила глаза. А может, она интуитивно, как дитя природы, чувствовала его нездешнюю сущность и, как могла, остерегалась.

– И вообще, вся моя программа устарела. Мне необходима новая. С партнером!

Уар не представлял, как сможет вынести партнера. Он станет касаться Анастасии, она почувствует его дрожь… И непременно

настанет день, когда она захочет откликнуться, отдаться в эти умелые горячие руки. А ведь он столько времени не позволял себе ни отпить, ни ***доподлинно приобщить*** возлюбленную! Отказывал себе в самом насущном! А может, она как раз и ожидала от него решительных действий? Но разве мог он подумать о принуждении? Вся его натура восставала против малейшего нажима. Он мечтал, чтобы она сама захотела его так сильно, что не пожалела бы для него тепла.

– Я готов пригласить хореографа для постановки новой программы. Но на партнера не рассчитывайте!

– Митя, ты просто не понимаешь главного: что бы я ни исполняла, я танцую любовь! А для любви нужны двое. Здесь же не восточная сатрапия с сералем! Женщины хотят получить свою порцию эмоций. Есть дамы, которых не устраивает, что их мужья бегают в дома терпимости. Они сами хотят дома играть роль одалиски.

– Вот так новость! Вы решили фраппировать Лигу суфражисток? Право же, у нас в Москве общественная мысль всегда движется задом наперед!

– Суфражистки? – Анастасия скривилась, произнося незнакомое слово, как будто на вкус оно показалось ей кислым. – Господи, это еще кто такие?

– Ну как же вы не знаете? А еще салоны посещаете… Это дамы, которые борются за предоставление им избирательного права.

– За право самим избирать себе мужчин? Невероятно! Ах, какие разумницы! Ты познакомишь меня с ними?

– По счастью, у нас пока до этого не дошло. Это Лондон катится в гендерную пропасть.

– Митя, я – с тобой. Чего тебе еще? – раздосадованно спросила этуаль.

– Чтобы ты этого хотела, по-настоящему хотела! – ответил Уар, уже догадываясь, что грезит о несбыточном.

Глава 15
1907 г. Резидент

С некоторых пор московским нетрадиционным потребителям удалось внедрить в Лондон человека с придуманной высокородным родителем фамилией «сын сердца» – Александра Ивановича Герцена, рожденного от случайного греха Ивана Яковлева, имевшего общего предка с Романовыми – Андрея Кобылу, – с шестнадцатилетней немкой, дочерью мелкого чиновника, делопроизводителя казенной палаты в Штутгарте.

Разбуженный не в добрый час декабристами, поглядел «сын сердца» окрест и увидел, что окрест плох. Отчаявшись пробудить соотечественников, спавших глубоким цивилизационным сном, уехал в Лондон, не просто протоптав туда дорожку, а прорубив широкую просеку грядущим несогласным. ***Приобщен доподлинно*** был лондонскими из черт их разберет каких соображений. Впрочем, это не помешало ему оставаться патриотом Воробьевых гор, в которых зарыли они с Николаем Огаревым некое послание потомкам. Лондонские ошибочно полагали, что обиженный Россией никогда не простит родину. Но не таковы эти непонятные русские. Лишь только им удавалось отойти на безопасное расстояние, они принимались с энтузиазмом учить своих бывших соотечественников правильной жизни. А кто сказал, что соотечественникам потребна правильная? Соотечественники желали хорошей. А мера хорошего до сих пор никому в точности не ведома.

Александр Иванович жил в Лондоне, звонил в «Колокол», издаваемый на собственные деньги, отвергая рекламные предложения. Но глушилки в виде отечественных колоколен забивали лондонский набат. Обывателю вообще не свойственно следовать советам и учениям уехавших соотечественников. Уехал – и уехал.

Утомившись пустым звоном, Александр Иванович принял единственное предложение, поступившее с покинутой им Родины: быть резидентом московского потребменьшинства в Лондоне. Он находил, что общественные организации эффективнее государственных. После своей смерти от воспаления легких в Париже, он тихо вернулся в Лондон, поселился все в том же георгианском особняке Орсет-хаус неподалеку от «Little Venice» – «маленькой Венеции», как назвал Байрон этот лондонский уголок вокруг каналов, и оказывал потребные московским услуги.

Право же, кто станет читать его наставления о воспитании

детей, когда и без него всем отлично известно, что пороть детей следует по субботам – по совокупности недельных прегрешений? И то обстоятельство, что человек писал статьи, фельетоны и воспоминания, никого не обязывает к их непременному прочтению. Ну представь, любезный читатель, что, явившись в среднерусскую глубинку, ты вознамеришься осчастливить соотечественников откровением: «Разумное признание своеволия есть высшее и нравственное признание человеческого достоинства». Пожалуй, бросит мужик соху и тотчас ринется разумно признавать прописанное мыслителем-наставником своеволие. И тут главное – вовремя отскочить в сторону, дабы не зашиб по дороге в чрезвычайном рвении.

Впрочем, наличие собственной типографии на неподконтрольной властям территории есть большой искус. Кто бы удержался от издания личных соображений по разным поводам скуки ради? Только не верят бывшие соотечественники эмигрантам. Оттого не читают. Да и каждое новое поколение отличается от предыдущего обстоятельствами своего времени, которому не годятся советы прошлого.

Глава 16
Засланцы

На следующий день после утомительного объяснения между Уаром и этуалью дворник от ворот передал через горничную, что «пришли китайчанка и просють мамзель». Если бы царевич был дома, он не пустил бы портниху на порог, а шелковое погребальное покрывало он планировал выбросить, когда Анастасия позабудет о нем в вихре прочих дел. Анастасия же обрадовалась мастерице, вынесла из своей спальни модный парижский журнал, показала поразившее ее воображение манто и позволила себя обмерить.

Возвратившийся к вечеру Уар почувствовал некую смутную тревогу. Ему показалось, что вещи хоть и стоят на своих местах, но как-то не так. Обед, впрочем, развеял его опасения, которые он приписал расстроенным нервам. Он тогда и представить себе не мог, по какой причине китайцы на миг появились в его жизни и чем обернется история с китайцем через какие-то сто лет. Царевича волновал совсем другой вопрос. Он понимал, что одному ему с задачей экспроприации алмаза не справиться. Пришлось обратиться к Параклисиарху, а тот уж задействовал всю организацию. Растопчин, не веря в успех дела, образовавшегося в таких малодоступных широтах, погрузился в научные обоснования появления алмазов и, удостоверившись, что они образовались в пластах сгоревшего торфа, жег теперь Подмосковье. И к концу августа на границе Московского и Дмитровского уездов, в районе Чапчиковской волости, горели торфяные болота. Местность на несколько верст чадила. Глава брандмайорской службы Первопрестольной докладывал градоначальнику, что для окапывания пожарищ почти невозможно найти рабочих рук.

Но Уар видел цель и, как мог, старался.

– Суп консоме «Ришелье» или щи по-португальски, как думаете? Пирожки, севрюга «Мотонген» или котлеты «Монгля», цыплята, салат «Бурачки»? На сладкое пудинг «Нессельрод» и кофе. – Хроникер с упоением зачитывал меню в ресторации, выбирая, чем бы побаловать себя за меценатский счет. – Или лучше так: суп-креп из спаржи или щи-стукгали, пирожки, судак «Жуанвиль»… Или ромштекс под соусом борделез?

Журналисту нравилось дразнить господина Углицкого, наглеть и раздражать его. Несмотря на полученные побои, он отчего-то интуитивно чувствовал себя победителем. Ну хотя бы

потому, что господин Углицкий по-прежнему нуждался в нем и терпел по этой причине его наглость и развязное поведение.

– Где бы мне сыщиком толковым разжиться? Да чтоб по-английски изъясняться мог, – допытывался Уар у хроникера. – Вы ведь, наверное, сами-то не всюду поспеваете? Кто вам помогает, Адаманский?

Журналисту не хотелось сдавать своего поставщика информации, но сотрудничество с Димитрием Иоанновичем Углицким приносило ощутимую пользу в денежном и прочем выражении, о котором меценат пока не догадывался.

– Извольте, познакомлю с таковым, – пообещал репортер и заказал для начала под водку щи боярские с белыми грибами. Хорошее питание Адаманского было на пользу обеим сотрудничающим сторонам, и Уар откармливал партнера с большой охотой и попивал с удовольствием.

– Да, и вот еще что: помните ли, Адаманский, вы мне рассказывали о медвежатнике знатном? Что с ним теперь? Он мне тоже понадобится.

– Кого грабить собрались, Димитрий Иоаннович? – воодушевился и заблестел глазом репортер.

– Я по совсем другой надобности его ищу: психологические опыты ставить, – нашелся царевич.

– Не переусердствуйте только с последующим массовым излечением преступного элемента, – засмеялся Адаманский, – а-то я, пожалуй, без работы останусь.

В августе в Москву вернулся с Дальнего Востока легионер Иван Выродков, нанимавший сам себя на каждую войну с применением русского оружия. Он никого не принимал. Изучал «Путь самурая», прерываясь только на изготовление и поглощение японской еды и привезенного с собой сакэ. Прислуга жаловалась Уару, что барин разговаривает с ними на басурманском языке, а они понимают только интонацию и жесты. Так что если глазами не сверкнет, рукой не укажет, то и не ясно совсем, что делать, за что хвататься и куда метнуться.

Рано или поздно алмаз должен был попасть в Лондон. В этом Общество нетрадиционных потребителей не сомневалось. Надо было только дождаться, когда метрополия нагонит потребную политическую цену, перед которой дрогнет ее доминион. Сколько это займет времени, никто не представлял, но готовить «сани» надо было загодя. Камень оставался стратегическим ресурсом, заложником политических интересов Трансвааля. Февральская же телеграмма о подготовке к переправке алмаза в Лондон, полученная Адаманским, заставляла московских нетрадиционных

потребителей торопиться.

Параклисиарх в течение полугода тщательно готовил к отправке в Лондон Николеньку Трубницкого и выкупленного из тюрьмы Исидора Лангфельда – отдельно, потому что миссии на них возлагались разные. Хотя осваивали они ювелирное дело вместе, под руководством самого Карла Фаберже, и трудились в его мастерских в ранге подмастерьев. Принимая во внимание характер деятельности известного нераскаявшегося вора и медвежатника, Уар опасался нежелательных экспроприаций со стороны Лангфельда, поэтому Трубницкому предстояла нелегкая, хоть и привычная задача: следить за процессом и действиями вора, извлеченного немалыми усилиями и средствами из тюрьмы.

Сын Карла Густавовича Фаберже, выпускник Петришуле, художник по ювелирным изделиям, учился с 1894 по 1902 год в Англии. А с 1906 года и проживал там постоянно, работая в лондонском филиале фирмы Фаберже. Это была на данный исторический момент единственная зацепка московских, с помощью которой удалось начать операцию по экспроприации алмаза.

Николенька докладывал в Москву пространно и подробно. Однажды, по случаю воскресного дня, ученики ювелира отправились гулять по Лондону. Гулял каждый сам по себе, как думал Исидор Лангфельд, не ведавший, что его соученик, с которым он познакомился у мастера, приставлен специально следить за ним. С раннего утра лига суфражисток – сотни поборниц политического равноправия женщин – окружила палату общин и произвела бурную манифестацию, продолжавшуюся пять часов. Конная полиция пыталась разогнать демонстранток. Причиной протеста было неупоминание в тронной речи об избирательных правах женщин. На состоявшемся вчера ночью митинге суфражисток было принято решение продолжать демонстрацию. В резолюции говорилось, что в случае необходимости суфражистки готовы жертвовать жизнью за свое дело и не испугаются, если даже будут вызваны войска, чтобы стрелять в них. Против суфражисток выступила новая лига антисуфражисток, которая как раз в этот день решила вручить Парламенту петицию, покрытую тысячами подписей. В результате, пробиваясь сквозь толпу разъяренных женщин, Трубницкий чуть не упустил Лангфельда.

Только накануне Николеньке стало известно, что на Лондон наступает кокаинизм. О быстром распространении в Лондоне одной из опаснейших форм наркоза – кокаиномании – сообщал читателям популярный английский журнал. Мания эта недавно еще была совсем неизвестна в Англии, теперь же все более и

более распространялась. «Некоторое время эту страсть можно так держать в тайне, что даже ближайшие друзья ничего не будут о ней подозревать, так как она не производит отталкивающего впечатления обыкновенного опьянения. Главными жертвами ее бывают врачи, писатели и политические деятели. Впрыскивание кокаина является самой опасной формой опьянения», – предупреждали публику. Статья произвела на юношу нехорошее впечатление, и теперь Трубницкий опасался, что наблюдаемый им объект впадет в новомодный грех и завалит дело.

Из квартирки, которую снимали для него московские нежданные благодетели, вор отправился прямиком на Юстонский вокзал и сел в поезд, следовавший в направлении западного побережья. Трубницкий едва успел вскочить в соседний вагон, как состав тронулся. На каждой станции сыщик приникал к окну, но Лангфельд из поезда не выходил. Николенька сильно нервничал и на конечной станции – в портовом городе Холихэд выскочил на перрон раньше, чем следовало. Исидор Лангфельд вполне мог его заметить, хотя виду и не подал. И это было плохо.

Если бы, заметив соученика, он поздоровался, то Николеньке стало бы понятно, что король московских карманников просто совершает воскресную прогулку к морю и ничего предосудительного не замышляет. Разве что мелочь по карманам тырит в силу сложившейся привычки и ради поддержания навыков. Но тот не поздоровался, а, ввинтившись в толпу, вдруг словно растворился в клубах паровозного пара, шумно выпускаемого железными монстрами. Николенька некоторое время метался по перрону, спотыкаясь о баулы и саквояжи, но клиент как в воду канул. Поразмыслив, Трубницкий кликнул кеб и отправился в самое популярное место Холихэда – к паромной переправе, связывавшей Уэльс с Дублином. Никаких дел в Ирландии у Лангфельда, согласно полученным в Москве инструкциям, быть не могло. Тем не менее Николенька, выбрав удобную точку обзора, внимательно наблюдал за пассажирами, заполнявшими паромы. Вора среди них не оказалось. Несолоно хлебавши Трубницкий в страшном расстройстве отправился обратно в Лондон.

Лангфельд лондонским жизнеописанием патронов не баловал. И действительно: о чем тут писать? Дублин Лангфельду не понравился, огорчив своей скучной правильностью и порядком. Многочисленные ухоженные парки окаймлялись строгими рядами домов в георгианском стиле. Четкий алгоритм среды, не оставлявший места толике привычной, милой сердцу московской кутерьме и неразберихе, подействовал на вора удручающе. Лангфельду недоставало извилин ландшафта,

задававших мысли достойную неоднозначную траекторию. Посидев за кружкой пива в Темпл-баре, он отправился в сторону Дублинского замка, чтобы внимательно осмотреть Бирмингемскую башню. Башня направила мысли вора в привычное русло. Опустившаяся на замок ночь предоставила Исидору возможность незаметно нанести отнюдь не дружественный визит в башню, хранящую исторический орден Святого Патрика и некоторые другие ценности.

Однажды Уаров камердинер Епифан, якшавшийся со всяким сбродом и вознамерившийся сменить наконец амплуа, напоил Лангфельда и выпытал у него секрет открывания замков. Лангфельд рассказал ему о магических свойствах разрыв-травы, взламывающей любые запоры. Епифан много времени посвятил поискам травы, но к делу ее приспособить ему так и не удалось. Замки не открывались, сколько ни пытался он воздействовать на них травой. Хоть и пьян был тогда Исидор изрядно, но не сказал Епифану главного: для требуемого эффекта траву эту следовало курить.

Глава 17
Рейд Ивана Выродкова

Сентябрьским утром Параклисиарх совершал обычную свою разминку топором по колоде, как вдруг услышал скрежет пружины настенных часов. Дверца над циферблатом распахнулась, и механизм вытолкнул из недр деревянного футляра не кукушку, как можно было ожидать, а фарфоровую бородатую фигурку с сердечком в руках. К полудню от глубоко законспирированного лондонского сердечного резидента поступила шифрованная телеграмма. В ней сообщалось, что спецподразделение Скотленд-Ярда в полном составе откомандировано в Трансвааль.

Вскоре Иван Выродков, добравшийся до Южной Африки, метался по Кейптаунскому порту, пытаясь пристроиться в качестве матроса на фрегат с лондонскими полицейскими. В конце концов легионер употребил отработанный маневр: умыкнув за час до отхода фрегата одного из матросов, он добился согласия от капитана и поднялся на борт судна, оснащенного специальным сейфом. В его походной сумке лежал полукилограммовый кусок кварца, купленный им накануне в пивной у старателя.

В день, когда судно достигло широты Азорских островов, оказавшись между ними и Португалией, архипелаг постигло землетрясение. Стихия почти полностью разрушила административный центр – Ангра-ду-Эроишму, погребя под завалами зданий множество жителей. Разыгравшийся шторм швырял потерявшие управление корабли, случившиеся неподалеку. Непривыкшие к сильной качке агенты Скотленд-Ярда были едва живы. Команда занималась спасением судна и предоставила полицейским яркий шанс подумать о душе. И Выродков решил, что его час выхода на сцену истории пробил. Он не сомневался. Пора сомнений и метаний давно миновала. Им на смену пришли решительность, напор и презрение к социуму в целом. Вся эта затея с самого начала виделась Выродкову преступной и противной его натуре. Он привык воевать ради идеи войны и исключительно во славу отечественного оружия. Результат, тем более – материальный, его не интересовал. А тут… Он жалел, что согласился, а не послал соратников к черту. Он давно жил одной только войной, где бы она ни случилась. И не слишком интересовало легионера, что было призом в той войне. Он просто любил оружие. А в этой экспедиции легионер оказался безоружным, да еще и вынужденным, по предписанию

«Общества», выполнять несвойственные ему функции, которые обычно возлагались на аптекаря. Высыпав в бутылку с остывшим чаем снотворное, выданное ему Бомелием перед поездкой, он постучал в каюту с сейфом.

– В чем дело? – послышался утробный голос.

– Лекарство, сэр! – ответил легионер, и был впущен в святая святых.

Полицейские молились, перекатываясь среди рвотных масс и уворачиваясь от летавших по каюте предметов. Силы агентов Скотленд-Ярда были уже на исходе. Зафиксировав полицейских в койках, Иван напоил их. Снадобье подействовало моментально, и лазутчик занялся делом, ради которого пересек полмира. Открыть сейф оказалось делом на удивление несложным. Подменив камень, Выродков покинул каюту с сейфом и спящей охраной и незаметно сошел на берег в первом же порту, где весьма потрепанный штормом фрегат встал на заправку и ремонт. Отсюда легионер направил свои стопы в Москву, не ощущая ни малейшего удовлетворения от блестяще проведенной операции.

В Москве с нетерпением ожидали вердикта Фаберже. Великий ювелир, произведя тщательную экспертизу, доложил на заседании Общества, что камень – поддельный. Рассерженные нетрадиционные потребители ополчились на Выродкова, но Параклисиарх остановил побоище, сказав, что, вероятно, настоящий камень переправили каким-то другим способом, а вся морская операция Скотленд-Ярда была лишь прикрытием – отвлекающим маневром. А это значит, что следовало переходить к плану «Б».

Впоследствии стало известно, что после долгих споров Скотленд-Ярд решил отправить алмаз обычной почтой, упаковав его в оберточную бумагу и положив в коробку. Они обманули гипотетических воров, имитировав отправку камня морем. К ноябрю 1907 года «Куллинан» благополучно прибыл в Лондон, где его доставил адресату ничего не подозревающий почтальон.

– Столько средств угрохали, и все только затем, чтобы подменить один кусок кварца другим! Хороши, нечего сказать… – пенял службе безопасности Мосох.

– Предвидя такое развитие событий, мы отправили в Лондон в обучение ювелирному делу к сыну уважаемого Карла Густавовича наших людей, – отчитался перед Дедом Параклисиарх.

– Это каких таких «наших», чтобы в Лондоне смогли жить без подкормки? – удивился Мосох.

– Ну не совсем наших. Но – лояльных. Вытащили с каторги знаменитого вора и медвежатника – Исидора Лангфельда, да

приставили к нему же соглядатая Трубницкого – сынка купеческого, местного пинкертона весьма удачливого.

– Да как же каторжанина-то через границу переправили?

– Это целая история с каторжанином… Бобрищева заслуга! Он сам и доложит.

– Да чего докладывать?.. – заскромничал сокольничий. – Охоту я организовал для англичан на русских медведей. И тут как бы свезло секретарю английского посольства завалить медведицу. Возле убитой копошились два медвежонка. Их взяли англичане живьем, связали ремнями лапы и повезли. Убитая медведица весила аж девять пудов. Из нее английцы заказали нам сделать чучело и потом сами же отправили в Англию. Да и медвежат прихватили для английского воспитания.

– Ну и что? При чем тут каторжный?

– Как же – при чем? При медведице! Запихнули мы его в чучело, и английцы сами же и доставили его в Лондон. А там засунули медведицу в сарай, ибо воняло от нее уже крепко.

Мосох засмеялся тоненько, по-стариковски, и обратился к Карлу Густавовичу Фаберже:

– И как там наши подопечные? Делают ли успехи?

– Сын пишет, что весьма творческими натурами оказались сии господа. Особенно господин Лангфельд. Руки – просто золотые. Далеко пойдет.

– Ну дальше сахалинской каторги-то навряд ли… – шепотом высказал свои соображения Бомелий Фофудьину.

– Пора их переводить к Ашеру. Если алмаз каким-то образом все-таки прибыл в Европу, то рано или поздно он окажется у Ашера. Больше с его огранкой никто не справится, – авторитетно заверил Общество Фофудьин.

– Видите ли, господа, – сказал Карл Густавович, – сын пишет, что в Лондоне только и разговоров, что о недавно обнаруженной краже коронных бриллиантов Англии на сумму в миллион фунтов. Выкрадены хранившиеся в железном шкафу драгоценные камни, составляющие принадлежность исторического ордена Ирландии – ордена Святого Патрика, учрежденного в 1783 году королем Георгом III.

На днях к ожидаемому посещению Дублина королем Эдуардом предстояло осмотреть и вычистить орденскую цепь Святого Патрика. Она хранилась в Бирмингемской башне, тут же жил приставленный оберегать драгоценности чиновник. Когда он открыл шкаф, последний оказался пуст. Украдены звезда с большим бразильским бриллиантом и большой крест из здоровенных рубинов, окруженный трилистником из изумрудов.

Так вот, господа, что хочу я до вас донести: кража

исторического ордена Ирландии – Святого Патрика, которым ирландцы дорожили как своей реликвией, сильно волнует общественное мнение Дублина своею таинственностью. Дублинская полиция и публика убеждены, что преступление совершено не простым вором, а лицом, хорошо осведомленным, где хранятся регалии, знакомым с внутренним расположением дворцовой башни и большим искусником по части вскрытия сейфов. Правительство назначило награду в тысячу фунтов стерлингов тому, кто доставит какое-либо указание, позволяющее навести полицию на след злоумышленника.

– Вот же мошенники! Весь фон нам портят. Теперь, поди, и Ашеры охрану усилят…

– Ну пока ни английской, ни ирландской полиции не удалось найти следов выкраденных драгоценностей. По мнению ювелиров, кража могла быть совершена давно, а спохватились только теперь. Драгоценные камни, по всей вероятности, уже раздроблены, обрезаны, и в таком неузнаваемом виде распроданы в Голландии, а золотая и серебряная оправы расплавлены. Таким образом, историческая цепь ордена Ирландии утрачена безвозвратно.

– Я вот не понимаю, если там такие умельцы, то зачем мы своих посылали. Столько средств на них извели… – посетовал Мосох.

– Позвольте вам заметить, господа, что нет никаких подтверждений тому, что это местные жулики учинили, – ответил ювелир. – Я вот в сомнениях теперь пребываю: не вашего ли каторжного рук это дело?

Вопрос ювелира остался без ответа.

Глава 18
Октябрь. День рождения

День рождения был самым тяжелым днем в году. И отнюдь не по причине обильных возлияний, принятых в этот день у смертных. То был день, который требовалось просто пережить, что стоило членам Общества жесточайших мук. Родить самих себя заново удавалось, лишь найдя оправдание и обоснование продолжению жизни. Надо ли говорить, что такой день каждый из них проводил в одиночестве и без всякого родовспоможения? Один только Епифан путался под ногами царевича и вздыхал.

– Говори уже, чего тебе?

– Барин, позвольте взять авто!

– Очумел?

– До зарезу надобно!

– Кто она?

– И костюмчик бы… с жилеткой… И обувку. А-то ведь намедни в ассамблеях такой дух стоял… Едва не выгнали.

– Ты опять остзейским бароном представился?

– Помилуйте, барин! – обиделся камердинер и приосанился. – Берите выше!

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался царевич.

– Внебрачным внуком государя-избавителя Александра!

– Зачем же – внебрачным?

– А пуще жалеют ублюдка! – объяснил свой расчет камердинер.

– Однако же! Полный дом царских байстрюков, оказывается. И только я один не могу признаться в своем истинном происхождении! – подивился Уар. – И что? Поверила?

– А-то!

– Дура, значит…

– А на что мне умная? Я ж не Канта вашего с ней читать собираюсь… Так не пожалуете ли, барин, на пополнение гардероба царскому отпрыску? А-то уж больно ваши давешние ботинки собачьим дерьмом отдают. Не выветрится никак амбре, извольте видеть!

– Ладно, но исключительно в обмен на окончательное и бесповоротное их уничтожение, – согласился Уар, утомившись бесплодной борьбой с ботинками. – А на кой черт тебе авто?

– Так мадама из него выпадать вздумали. Сначала из авто, потом из платья «Мезон Лавалетт», да прямо в фонтан. Еще сказали, что желают бесплодно томить пажа и отдаваться

пианисту.

– Пианисту? А ты-то тут при чем?

– Ну как же-с? Как же-с – при чем? При мадаме, стало быть. Должен же их кто-то ловить, когда оне выпадать отовсюду станут? Вот, кстати, и платьице энто тоже хотел испросить.

– Ты, мерзавец, на гардероб Анастасии не зарься. Даже думать не смей! И сдается мне, что не такая она и дура – мадама твоя. А тебя, видно, за дурака держит. Как же ты попал в такое декадентское общество, позволь спросить?

– Декадентское, а все ж слаще дворни. У меня, барин, от дворни изжога. А может, отдадите меня в обучение на фортепьянах?

Выручало Епифана то, что он был исключительно ладен и хорош собой. А также еще то немаловажное обстоятельство, что умел он интригующе молчать. Оттого, в зависимости от облачения, мог сойти в любом кругу за кого угодно.

– Ты, конечно, волен устраивать маскарады. Но от себя куда денешься? – философски заметил царевич.

– Вот, кстати, барин, – оживился камердинер, – что это я все Епифан да Епифан? Так уже даже кучеров не называют.

– А кем бы ты хотел называться? – удивился царевич.

– Ну к примеру, Сержем. А-то барышни произносят это самое – «Епифан» – и морщатся, как будто лакея кличут.

– Епифан царем был на Востоке. А ты и есть лакей…

– Это я только для вас, барин, – лакей. А за порогом – вольная особь мужескаго полу. Меня господа даже кокаином угощают.

Уар вздохнул.

– Что-то подсказывает мне, что декаданс, увы, – не наш исторический жребий… Пойми, птицелов, нельзя из одного человека сделать другого. Сущность человека – константа.

– А с чего вы взяли, барин, что сущность моя – лафитничек подносить да платье господское чистить? Я же – ловчий.

– Это Бобрище – ловчий, а ты – птицелов. Не путай ранги, – осадил слугу царевич.

– Вы меня не знаете, барин. А жизнь наша – длинная. Еще представится случай… Ахнете!

Был ли Епифан провидцем или просто нагонял форсу – нам это неизвестно. А только слово свое сдержал, не прошло и века.

Конечно, отношения между царевичем и Епифаном, повязанными общей тайной судьбой, за два столетия вышли за межсословные рамки, принятые в обществе, какие бывают между барином и слугой. Уара забавляли наивные враки этого прохиндея, но нельзя же, право, в угоду очередному поколению, чей век недолог, лишать бессмертного его надежд и устремлений.

Отправив всю прислугу из дому, царевич остался один. Он испытывал мучительную слабость духа и не мог с нею совладать. В этот год он изнывал от ревности. Анастасия доставляла ему муки адовы. В ней разгорелся огонь желания, да только направлен он был куда угодно, только не на него. Она жаждала амурных приключений, и Уар ничего не мог с этим поделать. Приходила взволнованная, нездешняя, пахнущая чужим. Позволяла лишь поцеловать себя в шейку, падала без сил и засыпала.

– Ах, Митя, – говорила она очень убедительно, – я никого не люблю! Но страсть сама по себе меня вдохновляет. Я не могу танцевать без этого!

– Согрей меня, – просил он. – Мне ничего от тебя надо, кроме тепла и ласки.

Но она ускользала под благовидным предлогом, а иногда – и не утруждая себя предлогами. Зачем ей выдуманные предлоги? Она была честной девушкой.

И вся эта болезненная канитель вилась на фоне подлинной охоты на него – Уара – матерей, у коих дочери были на выданье. Они даже не знали точно, какого он роду-племени, но, видя только достаток и вполне благородное обличье, не отказались бы от своих матримониальных замыслов, даже если бы он оказался пустым повесой, игроком или мерзавцем, каких свет не видывал. Взять хотя бы недавний Предводительский бал в залах Дворянского собрания, что прошел с обычным оживлением, многолюдством и интересом. Почти всё, что есть в Москве выдающегося по своему рождению или положению, – всё собралось на дворянский бал. Общее число посетителей превышало тысячу человек; танцевало одновременно до двухсот пар. Но Уар вынужден был скользить по бальной зале смутной тенью, чтобы не попасть в сети озабоченных поиском женихов родительниц. Уж ему ли не знать, как подведенная невеста с обманчиво кротким нравом станет жеманничать да примется потом обсуждать его с подругами, а те тотчас возьмутся плести интриги? Нет уж, слуга покорный… От козней плоти следует держаться подальше. А выбор оставлять за собой. И самому найти того ангела или беса, что станет мучить до сладкой истомы, до нервной дрожи, до холодного отчаяния…

Царевич тогда еще верил, что все можно изменить, что судьба явит ему наконец свою милость и он обретет долгожданное счастье. Но в день своего рождения в сумрачном состоянии души он умчался в ресторан и напился там до беспамятства, излив предварительно свое горе случившемуся тут же Растопчину, да еще пожаловался, что сынок миллионщика Солодовникова,

прапорщик негодный, которому по завещанию родителя досталось только его платье и нижнее белье, сманивает его подопечную в батюшкин театр. Каков подлец!

Вечером городская пожарная команда справляла свой городской командный праздник, устроенный на счет города. После молебна последовало угощение: выдано было по чарке водки на человека, по пирогу в два фунта и колбаса. К этому же времени прислано было при письме от градоначальника еще одна четверть водки, на каждого по бутылке пива, по одной булке и по фунту колбасы.

А на рассвете вспыхнул большой пожар в Солодовниковском оперном театре на Большой Дмитровке, где подвизалось русское оперное товарищество под управлением г. Кожевникова и танцевала приглашенная «звезда» – Анастасия. Огонь возник на сцене, но от какой причины, до сих пор не выяснено.

Только благодаря усилиям пожарных удалось отстоять наружные стены, все фойе, корпус уборных, все коридоры и стены, отделяющие коридоры от зрительного зала. Лишь к восьми часам утра огонь стих. Сцена, декорации, мебель в партере, ложи во всех ярусах, оркестр с музыкальными инструментами – все это сделалось добычей пламени. Погиб, между прочим, украшавший потолок плафон художника Врубеля.

Некий бдительный господин Пинягин первым заметил пожар в театре и, натурально, бросился к ближайшему телефону, чтобы вызвать пожарную команду. Не зная номера телефона пожарной команды, он умолял телефонистку дать любую пожарную часть. Телефонистка артачилась и не хотела соединять до тех пор, пока ей не скажут номер абонента, с кем желают говорить. Пока шли пререкания с упрямой телефонисткой, сгорело полтеатра.

Под утро вернулся Епифан в захватанной манишке, жаловался, что все идеалы запятнаны, требовал называть себя Сержем и объяснить всем этим женщинам, что если ты напился по причине душевного волнения, то это есть доказательство истинной беспробудной любви, а вовсе не того, что ты «алкоголик и грязная, равнодушная скотина»!

За завтраком Уар просматривал прессу. Потревоженные тени прошлого лезли из всех щелей, доводя царевича до нервного истощения: по мере производства земляных работ на Воробьевых горах по устройству возвышенного резервуара, мало-помалу были открыты все стены древнего дворца, относимого к эпохе Иоанна Грозного и служившего резиденцией Уарова тятеньки-душегуба. Старинное здание наносится на план, который теперь совсем

закончен и представляет целиком весь дворец с массой мелких комнат, где за каждой дверью воскресают его детские страхи.

«На днях вблизи деревни Черкизово, на линии Московско-Ярославской железной дороги, на даче Жучкова случайно обнаружен клад. Дачный садовник при снятии земляного холма и выкорчевывании пня наткнулся на кучу серебряных монет, около 500 штук, времен Иоанна Грозного и Михаила Федоровича».

Да и Фофудьин принес ему на днях огорчительные новости:

«На работах при строящемся доме Башкевича в Большом Казенном переулке, на глубине 6 аршин вырыт глиняный горшок с 1044 штуками серебряных монет времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, Поденный работник, нашедший клад, объявил о своем открытии в полицейском доме, куда он был доставлен с Хитровской площади для вытрезвления. Монеты переданы в Императорское Московское археологическое общество».

Предательница Москва легко раздаривала, казалось, надежно сокрытые до лучших времен сокровища. Не хотела носить в себе, уступала неприятелю. Царевич ненавидел археологическое общество всем сердцем. Оно беспощадно, с бесстыдным любопытством копалось в его неостывшем прошлом и жадно выгребало из него все то, что было когда-то его, Уара, жизнью. «Как они не понимают, эти смертные, что, надев чужие атрибуты с настоявшейся веками энергетикой, придется чужие грехи отрабатывать? Или чужую долю на себя брать?» – думал царевич и вспоминал, что сам он даже свои любимые ножички в новую жизнь не взял – новые приобрел. А ведь если кто-то из этих копателей нароет вдруг нож, обагренный его, царевича, кровью и выставит его в музее, да еще и с подписью, что, мол, это – тот самый, – то много ли сочувствующих найдется? Пожалуй, только праздное любопытство овладеет зеваками. Так, глядишь, скоро пыточный инструментарий выставлять начнут на потеху толпе. Топор да плаху. А потом плоть удивляется масштабу неубывающего зла! Вещь порождает мысль. Мысль рано или поздно толкает к действию.

Глава 19
Новые сведения об алмазе

Главным содержанием деятельности Общества нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» им. Мосоха была, как и во все времена, попечительская деятельность. Благодаря бурной деятельности ответственного секретаря Общества Никиты Захарьина, московская жизнь полнилась актами добра и милосердия. Городское попечительство о бедных организовало сбор кусочков хлеба для продажи их на корм скоту; всем желающим собирать кусочки доставлялась от попечительства особая корзинка.

Попечительство о народной трезвости решило ввести в Москве подвижные кухни для продажи рабочему люду столицы горячих закусок. Проводник кухни, он же кучер, будет разъезжать по городу, останавливаться около строек, около мест, где производятся земляные работы. Предполагается плату брать самую ничтожную, то есть столько, сколько порция будет обходиться самой столовой, не включая сюда расходов по содержанию повозки, лошади и кучера. В конце сентября на пробу готовились к выезду две повозки-кухни.

Несмотря на отвратительную погоду, первый опыт московского попечительства о народной трезвости – устройство широкого народного гулянья – удался на славу. К трем часам дня перед зданием городского манежа толпилось несметное количество народа. Чего тут только не было! И драма на открытой сцене, и концерт губонинской певческой капеллы и хор балалаечников московской пожарной команды, и два оркестра военной музыки! Скопление нечистой плоти в местах городского променада вынуждало членов Общества идти на неслыханные жертвы – сидеть дома.

Как ни старались власти и благотворители, московская публика очень обижалась на чиновных блюстителей нравственности. Шансонетной певице г-же Зининой, выступающей на открытой сцене, запрещено было исполнять некоторые номера, признанные неприличными, как, например, с припевом: «чешется», «маленький, малюсенький, вот какой», сопровождаемые телодвижениями и жестами. Плоть, очевидно не знавшая об этом запрете, шумно требовала исполнения любезных сердцу номеров. В конце концов устроителям пришлось опустить занавес и прервать отделение увеселений на открытой сцене. Кроме того, к огорчению чистой публики, администрация

запретила постановку пьесы «Эрос и Психея» на частных театрах Москвы. Ранее было сделано распоряжение о снятии этой пьесы со сцены Императорского Малого театра, и администрация серьезно задумалась над необдуманным разрешением открытия новых синематографов в Москве. Этих синематографов развелось в Москве такое количество, что теперь осуществление надзора над ними представляло немалое затруднение. Администрация рассчитывала в самом близком будущем прекратить выдачу разрешений.

Технический совет при городской управе категорически высказался против сдачи фонарей под устройство на них реклам. Прежде всего рекламы на стеклах, по мнению совета, затемняли свет, затрудняли чистку фонарей и протирку стекол и увеличивали давление ветра на фонарь на тридцать процентов. Впрочем, заключение комиссии несколько запоздало. Уар уже устроил такие рекламы на фонарях многих улиц. Это обстоятельство вскрыло одну странную подробность внутреннего распорядка управы: фонари находятся в попечении одного отдела, а право на устройство рекламы предприниматель получил из другого отдела управы. И теперь вечерами изображение «фемины в красном» бросало алые блики на лица припозднившихся прохожих.

В середине ноября Уар, представлявший Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза», присутствовал на торжественном освящении нового здания московской сберегательной кассы. На церемонию прибыли из Петербурга товарищ министра финансов господин Чистяков и управляющий всеми сберегательными кассами господин Фену. Присутствовали московский генерал-губернатор и помощник командующего войсками московского военного округа. Много было приглашенных лиц.

Новое здание, изящное по стилю, снаружи и внутри произвело на присутствующих прекрасное впечатление. По удобству, по красоте главного зала оно претендовало на звание одного из лучших зданий в столице. Вся меблировка, отделка стен и электрическая часть были выполнены в стиле модерн, который кружил головы эстетов не в одной только Москве.

Уар вышел с церемонии, промокая губы платком, и вдруг почувствовал, как ему в карман сунули сверток. Сверток оказался газетой. Придя в ресторан, Уар изучил «Дейли телеграф» и увидел обведенную карандашом заметку:

«В день рождения королю Эдуарду поднесен в подарок представителем бурской компании колоссальный бриллиант, найденный близ Преторий, в первой открытой в Трансваале

алмазной копи. Бриллиант «Куллинан» весит, как сообщалось, 3204 карата и стоит 200 000 фунтов стерлингов».

В истории Англии было много королей, а самый большой алмаз, найденный за всю историю человечества, – только один. И, несмотря на популярность в народе короля Эдуарда VII, он прославился в основном тем, что не оценил этот уникальный кристалл и велел его распилить – с целью понаделать из уникального гиганта множество миленьких безделушек.

Алмаз Уар относил к вечным ценностям. Так же, как и себя самого. Это обстоятельство роднило его с камнем, который он никак не мог отдать на поругание смертным. Даже королю.

Глава 20
1908 г. Подруги Бомелия

Реомюр показывал два градуса выше нуля. Улицы были подтоплены лужами растаявшего снега. К вечеру пошел дождь, который продолжался всю ночь. С девяти часов утра по Москве-реке шел сплошной лед. Прорвалась балка от Крымского моста; льдины выглядели довольно крупными и были покрыты навозом. Общая прибыль воды составила около пяти аршин. Такого раннего вскрытия реки не могли припомнить старожилы-склеротики, что не мудрено: обыкновенно вскрытие бывало в конце марта или в начале апреля.

На фоне непогоды у баронессы Розен совсем некстати разыгралась мигрень. Квартальный отчет совсем выбил ее из сил. К тому же нервы баронессы вконец расшатались: она тяжело переживала появление соперницы. Жу-Жу теснила ее по всем фронтам своей молодостью и благоприобретенным шиком. Мириться с таким положением дел бывшая игуменья Митрофания, а ныне главбух Общества потребителей «Взаимная польза» находила унизительным и требовала от Бомелия сатисфакции. В случае отказа она обещала предать гласности махинации Элизия со средствами Общества.

Наконец аптекарю удалось составить крем, который должен был не только удовлетворить сварливую баронессу, но и принести завидные барыши. Рекламу крема придумала язвительная Жу-Жу и поместила ее в одну из московских газет.

«ДАМЫ БАЛЬЗАКОВСКОГО ВОЗРАСТА!

Переживая сумерки жизни, тот сатанинский возраст, когда бедное сердце ваше, обманутое лживым призраком юности, тешит себя иллюзией, что оно может еще изведать радость любви, но слишком поздно чувствует, что… некому ответить ему любовью, – прибегайте к спасительному для вас паллиативу: КРЕМУ-ЭМАЛИ.

«Крем-Эмаль» (разрешен московск. врачебн. управлен.) – последнее слово научной косметики. Новейшее произведение прелестного запаха. Никогда не портится. Не содержит вредных веществ, придает лицу необычайную свежесть, предупреждает появление морщин, устраняет красноту кожи. «Крем-Эмаль» придает лицу аристократический, неподражаемо матовый вид и бархатистую нежность».

Сама модель не представляла, каким образом шпанская

мушка, толченная в моче молодого порося, поможет устранить морщины и красноту лица, но дамы бальзаковского возраста уже месяц штурмовали косметический салон в «Мюр и Мерилиз». Жу-Жу предпочитала следовать правилу: что бы вы ни делали, никогда не доводите себя до усталости. В покое – залог женской красоты.

Но теперь известие об алмазе всколыхнуло воображение подруг Бомелия. Каждая в своих мечтах уже нашла ему достойное применение. Оставалось лишь придумать, как избавиться от притязаний соперницы. Дамы плохо себе представляли вес и размер камня, поэтому надеялись, что носить его будет не тяжело.

– Ну разве что – в руках или в мешке! – дразнил соперниц Бомелий.

Если до известия об алмазе придворному знахарю еще как-то удавалось поддерживать между дамами худой мир, то теперь назревала крупная ссора.

Подготовка к экспроприации требовала существенных средств, поэтому скрыть от главбуха их целевое расходование не представлялось возможным. Никто давно не держал Митрофанию за женщину, поэтому и не ожидал от нее чисто женского интереса к камню. А уж Жу-Жу выведала об алмазе у Бомелия, как водится, в постели. Выведала и стала строить планы.

Главным бриллиантом своей жизни в данный исторический момент Уар считал свою возлюбленную. Он мог наслаждаться этим зрелищем в одиночку, в тиши своего особняка, но, не изжив еще в себе некоторые пороки, более свойственные смертным, впал в постыдный грех тщеславия. Он решил удивить танцевальным спектаклем своих ближайших сподвижников. Ничего хорошего из этой затеи конечно же не вышло. Ядовитые подруги аптекаря на протяжении всего представления отпускали колкие замечания в адрес танцовщицы, а в конце и вовсе освистали бедняжку. Уару хотелось их придушить, но он, как никто другой понимал безрезультатность подобной затеи. Зато, спустившись с Анастасией в фойе, он имел удовольствие наблюдать, как фурии таскают друг друга за волосы. Посмотрев на Бомелия, он получил настороживший его ответ:

– Алмаз делят…

Бывшая моделька и последняя любовь мецената революции Морозова – Жу-Жу, ***приобщенная доподлинно*** Бомелием как раз перед тем, как попасть под колеса экипажа, издавала теперь дамский модный журнал. На его страницах она не только знакомила московских франтих с европейскими модами, но и

давала дельные советы относительно причесок, шляп и прочих жизненно важных вещей. В моде нынче, впрочем, как и всегда, были длинные, густые волосы. В соответствие с текущими тенденциями, кои принято было называть модерном, волосы укладывались в фантазийные прически, состоящие одновременно из буклей, волн, фрагментов кос и сильно скрученных в жгуты прядей. С целью производства на дамских головах сих художеств использовались как ручные наработки предшествующих поколений, так и целый набор инструментария. Волны получались путем тугого плетения волос в косы. Вместе с тем имелась возможность завивать пряди щипцами, нагретыми на огне. Щипцы были сконструированы столь хитро, что позволяли изменять направление волн. Все эти детали следовало помещать на голове одновременно, используя для их поддержания специальные накладки, фальшивые косы, подставки из сеток, проволоки и прочие ухищрения. Так что дамам было за что таскать друг друга тем вечером в театральном фойе.

Не стоит сомневаться в том, что к модной индустрии приложил свои холодные руки и царевич. Он много трудился на поприще реформирования дамского белья. Его огорчал резкий контраст между ночным одеянием в виде старорежимной ночной рубахи из белого полотна, доходящей до пола, имевшей длинные рукава и застежку от ворота до пояса, и пышным, изукрашенным дневным платьем. Особенно раздражал Уара чепец. Он полагал, что роли ночной и дневной одежды должны кардинально перемениться. Именно его стараниями в те годы пуританская ночная рубаха стала превращаться в роскошный и соблазнительный ночной туалет. Он же ввел в моду укороченное платье, открывавшее носки туфель. В описываемое время Уар радел о новом облике дам столь вдохновенно, что привлекал к сочинению туалетов для Анастасии лучших, самых авангардных художников того времени. Для него работали Бакст и Бенуа, Головин и Судейкин, Врубель и Коровин.

Сам же царевич, несмотря на бурное развитие индустрии готового платья, никогда не опускался до костюмов фабричного производства, ***приобщив доподлинно*** лучшего московского портного.

В тот год Уар увлекся театром, сблизился с его наиболее яркими московскими представителями и покровительствовал Московскому Художественному театру. Видя творческое напряжение труппы в героических постановках и сочувствуя ему, Уар задумал и предложил руководству театра организовать нечто вроде закрытого клуба, где актеры могли бы устраивать посиделки, так любимые актерами капустники, дать волю

пародийному жанру. В качестве помещения для клуба-театра он намеревался использовать театральный подвал, где гнездились летучие мыши, и тем самым обеспечить им подкормку. Более того, Уар предложил название этому интимному театру-клубу «Летучая мышь». Богема пришла в неописуемый восторг, и вскоре кабаре «Летучая мышь» под напором желающих приобщиться было вынуждено гостеприимно распахнуть двери подвала.

Москва буквально влюбилась в новый клуб. Художник Сурeньянц привез для кабаре «Летучая мышь» рождественский подарок: большую карикатуру, изображающую английский кеб, запряженный Байроном и Уайльдом. За кучера сидят Немирович-Данченко и Станиславский. Выглядело, представьте, так: городовой останавливает этот английский кеб, чтобы пропустить вперед… ассенизационный обоз. Карикатура намекала, очевидно, на запрещение постановки на сцене «Саломеи» и «Каина». При всей исторической нелюбви к лондонским царевич не мог простить московским чиновным лицемерам и ханжам запрещение постановки «Саломеи».

Входная плата, по тем временам, была высокой, в буфете подавали дорогое шампанское. Антреприза оказалась весьма успешной, и вскоре капитал «Летучей мыши» составил сто тысяч рублей. Для царевича кабаре стало не только трапезной, но и отдохновением сердца, и он пропадал там целыми днями.

И еще в тот год Уар влюбился в Рахманинова. Царевича – поборника чистоты стиля – потряс полистилизм композитора, его виртуозное исполнение собственных шедевров и конечно же истинно романтический его образ.

Глава 21
Подготовка к экспроприации алмаза

Ни в один из предшествующих годов в Москве не наблюдалось столь массовой тяги за границу, как теперь. Столичные обыватели даже в годы треволнений, которые не так давно пережила Москва, не бежали за границу в таком огромном количестве. Канцелярия генерал-губернатора, выдающая заграничные паспорта, осаждалась тысячами лиц. Такая тяга за границу объяснялась вовсе не недоверием к отечественным дачным «монрепо»: после революционных смут больший круг лиц узнал, что за границу ездить значительно дешевле, чем на отечественные курорты. Общество потребителей «Взаимная польза» недоедало, негодовало и затягивало потуже ворот и галстуки.

Московским нетрадиционным потребителям было не до курортных грез московской плоти и даже не до собственной сытости. Все лето Элизий Бомелий собирал и сушил листья хрена, изготовлял настой из семян дурмана, вымачивал листья в настое и вновь высушивал их, повторяя процедуру бесчисленное множество раз с целью довести продукт до нужной кондиции.

Еще зимой военно-морское ведомство уведомило общественность, что вооружение шести подводных лодок поручено казенному Балтийскому и частному Невскому заводам. Первый из них получил заказ на три подводных лодки нового типа, спроектированных инженером Бубновым по особым заданиям технического комитета. Пока лодки стояли на балтийской верфи, следовало быстро решать вопрос. Май начинался мирно: революционеров временно урезонили, московские дорожные строители приступили к постройке арбатской линии городского трамвая. На всем протяжении уже приготовлены были к укладке рельсы. А в Санкт-Петербурге на судостроительной верфи Крейтона на Малой Охте состоялся спуск самой большой подводной лодки «Аллигатор».

В полупустой августовской Москве происходило освящение нового помещения для магазина «Мюр и Мерилиз». Для этого учреждения выстроено было на углу Петровки и Театральной площади особое здание в девять этажей. Оригинальность постройки состояла в том, что здесь впервые применен был американский способ возведения многоэтажных зданий. На металлическом заводе был изготовлен железный скелет сооружения, небольшие проемы были заложены кирпичом, а все

остальное пространство представляли собой сплошные стекла. На молебне кроме служащих фирмы присутствовали многочисленные представители коммерческого мира. И если при каких-нибудь других обстоятельствах Общество «Взаимная польза» не преминуло бы воспользоваться оказией, то в сложившейся ситуации они лишь почтили присутствием торжественное открытие магазина с исключительно полезной для себя целью – хлебнуть элитной органики – и вновь приступили к осуществлению своих планов, связанных с алмазом.

Параклисиарх вел бесконечные телефонные переговоры с военно-морским ведомством по поводу найма спущенной на воду новой подводной лодки. Цена не укладывалась в голове. Малюта объяснял морскому министру, что за такие деньги он сам может построить еще одну лодку. Министр неохотно уступал две последние цифры из шести. Малюта напирал и взывал к здравому смыслу. Министр отговаривался большими финансовыми потерями в ходе войны с Японией.

Впечатление от редкой для первых чисел сентября ясной, теплой погоды портилось столбами пыли, что поднимались на московских улицах при малейшем дуновении ветерка. Городское хозяйство велось в этом отношении удивительным образом: специальным постановлением с первого сентября прекращалась поливка и какая бы пыль ни носилась по городу после этого срока, обыватели должны терпеть и глотать ее – у городского управления будто бы не находилось более средств для поливки улиц.

Но Уара беспокоила отнюдь не пыль. Он тщательно следил за заграничными новостями. С утра, просматривая ворох лондонских газет, наткнулся на заметку:

«Лорд-мэр в Гильдголле передал императору Вильгельму адрес в драгоценном ларце. Император сказал: «Благодарю за адрес, а также за радушный прием. Посреди украшений в адресе вижу надпись: КРОВЬ ГУЩЕ ВОДЫ. Да останутся такими отношения между обеими странами навсегда. Да процветает великий город Лондон под управлением моего возлюбленного дяди, которого да хранит Бог».

– Наш человек! – засмеялся Уар.

Наконец стало известно, что громадный алмаз, поднесенный королю Эдуарду VII правительством Трансвааля, прибыл в Амстердам, где он постоянно охраняется полицейскими агентами. Алмаз положен в сейф компании «Ашер и Ко».

Знаменитый ювелир Йозеф Ашер готовился к крайне ответственной миссии: ему предстояло по заказу короля Эдуарда

расколоть огромный алмаз на три части. Ашер хорошо понимал, что это почти невозможно. Обязательно будут сколы и мелкие части. Поэтому ювелир сосредоточился на изготовлении инструмента. За процедурой раскола должна была наблюдать целая комиссия.

В назначенный день и час подводная лодка «Аллигатор» подошла к голландскому побережью. На ее борту находился внушительных размеров непромокаемый мешок с сушеными листьями подмосковного хрена, напитанными дурманом, – сильнейшим отечественным галлюциногеном, потребляемым в основном революционерами всех мастей. В Амстердаме груз ждали, и, как только буй с привязанным грузом всплыл в акватории порта, он был выловлен Николенькой Трубницким, нанявшим для этой цели рыбацкую лодку, и выгружен на берег.

Просто выкрасть камень было немыслимо. Его следовало подменить. Причем не заранее, а непосредственно в момент раскола заменить целый алмаз несколькими камнями, примерно равными «Куллинану» по общему весу. Еще загодя знатный медвежатник Лангфельд проверил хранилище и убедился, что с десяток необработанных крупных камней, пожалуй, там наберется. Главное – не ошибиться с их общим весом. Суммарный вес будущих «частей» не должен был превысить вес целого камня. А пропажа из хранилища более мелких не должна была, по его прикидкам, вызвать слишком громкого скандала. Да и вряд ли почтенная фирма решится обнародовать пропажу – слишком уж дорожит своим реноме, которое, как известно, ценится дороже любых алмазов.

Сначала Лангфельд готов был даже поступиться ирландским трофеем: наковырять камней из исторических реликвий, украденных им в ходе дублинского рейда. Но камни эти были огранены, в связи с чем вряд ли удалось бы убедить комиссию, когда она придет в сознание, что Ашер не только расколол алмаз, но и успел огранить его части. Хотя… трава, по уверениям московских работодателей, настолько изменяла синтаксис сознания, что комиссия после сеанса применения могла бы поверить во что угодно, а то и вообще не вспомнить, по какому поводу она здесь собралась.

Двое суток Трубницкий употребил на совершенно несвойственное ему занятие: крутил косячки. Марихуаной в Голландии и в те времена непременно угощали дорогих гостей, она входила в протокол любого публичного мероприятия, поэтому первой подменой во имя спасения «Куллинана» была подмена косяков для комиссии.

Глава 22
Изъятие «Куллинана»

В феврале 1908 известная группа лиц собралась, чтобы наблюдать, как Йозеф Ашер раскалывает огромный камень. Чтобы получить в результате раскола большие красивые алмазы, он должен был поразить гигантский самородок в точно и правильно выбранное место. При первой попытке сломался резец, в то время как камень оставался неповрежденным. Ювелир принялся за работу, создавая более крупные, более сильные инструменты.

Вскоре в просторном помещении амфитеатром разместилась комиссия. Центр занимал постамент со специальным оборудованием. Ашер был с утра взвинчен, температурил на фоне нервного стресса. Изготовленный им лично инструмент вызывал у него дрожание рук, которое никак не удавалось унять. Члены комиссии вели себя чинно, тихо перешептывались, и великому ювелиру вдруг на миг привиделось, что на столе лежит не камень, а покойник. И тогда вооруженный новыми инструментами мастер унес камень в смежную «разделочную», не разрешив присутствовать при таинстве расчленения никому, кроме нотариуса.

Наконец кое-как совладав с собой, Ашер пристроил резец инструмента в заранее намеченное и маркированное место, занес над инструментом молот и… потерял сознание. Всполошившаяся комиссия, в рядах которой обнаружился врач, квохтала над ювелиром, приводя его в чувство, а затем, чтобы несколько сбить напряжение, от которого уже изнемогли нервы всех присутствующих, разобрала гостевые косячки. Толстый добродушный доктор лично вставил в рот мастеру и нотариусу по косяку и дал прикурить. А Лангфельд, угостивши и охрану, отправился к сейфу и выгреб несколько алмазов, ждущих своей очереди на огранку.

Что видели члены комиссии и ювелир на протяжении дня, какими химерами полнилось их сознание, история умалчивает, но к вечеру, когда на них снизошло просветление, камень оказался «расколотым» на множество частей. В дальнейшем, как известно, из этих «осколков» получилось девять больших и девяносто шесть маленьких бриллиантов общим весом 1063,65 карата. При огранке было потеряно больше шестидесяти процентов веса камня. Но Эдуарда VII это не волновало. Главное, что теперь эти камни можно было носить на себе или при себе.

Девять самых крупных бриллиантов теперь являются важной

частью ювелирных украшений британской короны, они представлены в лондонском Тауэре, где ими могут полюбоваться туристы. «Куллинан I» («Большая Звезда Африки») каплевидной формы (панделок) весом 530,2 карата украшает скипетр ее величества. Второй по величине бриллиант «Куллинан II» («Малая Звезда Африки») весом 317,4 карата вставлен в корону Британской империи.

«Куллинан III» (94,4 карата) грушевидной огранки и «Куллинан IV» (63,6 карата) квадратной огранки носятся, как правило, вместе в виде броши. Другое их название «Малые Звезды Африки». Королева Мария часто их надевала на важные официальные мероприятия, не подозревая даже, что к настоящему «Куллинану» – самому большому в мире алмазу, который случалось находить за всю историю человечества, все эти цацки, в том числе и те, что в британской короне и в скипетре, не имеют никакого отношения.

Камень был спасен от безрассудного увлечения короля украшательством. А нанятая московскими нетрадиционными потребителями у военно-морского ведомства за неприличные деньги подводная лодка «Аллигатор» погружалась в воды акватории Амстердамского порта вместе с двумя гостями на борту и небольшим грузом.

В Петербурге оказалось, что выйти самостоятельно с лодки гости не могут. Матросы под началом одного из офицеров, получившего строгие устные инструкции от начальства, взяли их в конвой, поездом доставили в Москву и сдали с рук на руки плечистому седовласому господину с сопровождающими его бледными лицами.

Где и как удалось Лангфельду припрятать по пути трофеи своего несанкционированного дублинского рейда, московскому потребменьшинству выяснить так и не удалось. Не помогло даже ***доподлинное приобщение*** вора. Он так и остался на вольных хлебах, тем более что украденные ценности позволяли ему теперь вести независимый образ жизни. Что же до Николеньки, то его, прознавшего о существовании Общества нетрадиционных потребителей и его новой тайне – алмазе, ***приобщили доподлинно*** вынужденно, хотя и объявили, что в знак признательности и особых заслуг. Грудь обоих ***приобщенных*** над левым соском украсили татуировки в виде летучей мыши.

Глава 23
Больные амуры

Общество приняло решение отдать алмаз на хранение царевичу, и теперь камень покоился в резном ларце в сейфе с чрезвычайно изысканной орнаментацией и штучным замком.

В доме, по обыкновению, было жарко натоплено, но царевич не мог отнять ладоней от изразцовой печи. Его бил нервный озноб.

– Мы скоро станем сказочно богаты, – холодно уведомил он Анастасию.

– Вот как? – равнодушно отозвалась та. – Что за прибыток ожидаете?

– Алмаз.

– Алмаз? Это не тот ли, из-за которого ваши знакомые кокотки передрались в театре? – Этуаль озабоченно осмотрела свой корсаж в поисках подходящего для алмаза места. – Большой?

– Полтора фунта.

Что-то такое промелькнуло в глазах Анастасии, чего царевич никогда прежде не видел. Она застыла, глядя на кольцо с камнем, как бы прикидывая размер полуторафунтового алмаза. По всему выходило, что для украшения он не годится.

– Стоит как девяносто четыре тонны золота, – бесстрастно добавил Уар.

«Свобода, – подумала Анастасия, – столько стоит свобода!»

– И что намереваетесь с ним делать?

– Еще не решил. К тому же у меня уже есть один алмаз.

– Вы мне не показывали, – надула губки этуаль.

– Посмотритесь, сударыня, в зеркало. Вы – мой алмаз!

Фигуры речи мало забавляли Анастасию. Гораздо больше ее теперь интересовал настоящий камень, который должен был обеспечить ее будущее и свободу. Впрочем, никто ее не удерживал. Она была вольна уйти в любой момент. Но куда? Митя простер над ней крыло, и никто в целом свете не мог причинить ей вреда. Он разбаловал ее, и вряд ли она теперь смогла бы вытерпеть прежние лишения. Он устраивал ей ангажемент и вообще – столько делал для нее, что этот груз благодеяний становился совершенно невыносимым.

Конечно же камень никак не мог принадлежать Уару единолично. И сказал он о камне танцовщице только затем, чтобы проверить, на что она способна. Конечно же он обманывал себя. Но можно ли его винить? Это участь всех безнадежно

влюбленных. И теперь он готов был испить эту чашу до дна: рискнуть камнем, заплатить им, если нет другого выхода, за ее расположение, ах нет же, – за любовь. Любовь – дорогое удовольствие! Царевич извлек алмаз из ларца и положил на видное место, декорировав красным шелковым шарфом.

Завершив дневные экзерсисы у станка, ближе к обеду явилась щебечущая о бренном Анастасия и осеклась на полуслове. Камень выглядел на редкость непрезентабельно, тем не менее была в нем некая магия, не исключено, что сообщенная красной декорацией.

– Он еще не обработан и не огранен, – пояснил Уар, догадавшись о произведенном впечатлении.

Поведя сахарными плечиками, танцовщица ушла принимать ванну, после чего, не отобедав даже, покинула особняк, не уведомив Уара о направлении. Явилась за полночь – весела, нетрезва и с одной сережкой в нежном розовом ушке. Вслед за ней сердитый дворник внес охапку белых орхидей. Уар не стал разбираться и, оставив алмаз на каминной полке, ушел к себе, хлопнув дверью спальни, а утром за чашкой ароматного кофе прочитал в газете:

«В управлении московской сыскной полиции находится ценная серьга с сапфиром, осыпанная девятью бриллиантами, стоимостью в несколько сот рублей. Серьга эта была найдена в одном из загородных ресторанов. Владелица серьги до сих пор не разыскана».

Уар близко знал владелицу, потому что по случаю ее недавних именин лично заказывал эти серьги для нее ювелиру по собственному же эскизу. Холодный клинок ревности полоснул его сердце, когда он представил, в какой ситуации его возлюбленная могла потерять сережку. Неизвестный соблазнитель держал голову Анастасии в своих бесстыжих лапищах, его похотливые пальцы бороздили ее льняные кудри, а нетерпеливые губы искали ее приоткрытый рот…

– Ну и кто же вас вчера выгуливал, сударыня?

– Митя, мы решили отправиться в кругосветное путешествие! – сообщила Анастасия, как будто речь шла о воскресной прогулке за город. – Я буду гастролировать по всему миру! Представь, сначала – синема, а потом раз – и живая гастроль! – болтала танцовщица, раскинувшись неглиже на оттоманке и выуживая из нарядной бонбоньерки от «Эйнем» шоколадные конфеты. – Арсений предлагает мне ангажемент! Представь себе! Он уже ведет переговоры с «Мулен Руж»! А потом мы отправимся в Азию – я буду изучать восточные танцы!

– А потом он продаст вас в гарем.

– Ах, Митя, вечно ты все испортишь! Тебе мировые гастроли даже в голову не приходили! Ведь правда?

«Какой еще Арсений? – удивился царевич и вспомнил: – Ах да, это же репортер! Ему просто никогда не случалось называть того по имени».

– Как случилось, что Адаманский вдруг стал импресарио? Что он в этом понимает? Он же просто писака! И средств у него нет.

– Не завидуй!

– Вы были близки? – не выдержал Уар.

– Подите к черту с вашей ревностью! – рассердилась Анастасия.

– Я полагаю, что имею право знать.

– Да, если вам угодно себя мучить! Арсений пылал! У него жаркие руки и жадный рот! Он чуть меня не съел! – хохотала Анастасия.

– Боже правый! За что мне такая мука?! Я вас никуда не отпущу!

– Митя, разве я мало радовала тебя? Разве я не дала тебе счастья? И разве один ты его заслуживаешь? Я, по твоему совету, стала суфражисткой: я сама выбираю себе мужчин, – говорила этуаль, косясь на камень.

Ах, зачем он добывал из нее правду, если от этой правды теперь невозможно дышать? Уар с горечью осознал, что даже ***доподлинное приобщение*** ничего не даст. Она все равно будет поступать, как ей взбредет в голову, а его мука будет длиться вечно. Женщинам, понял он, вообще несвойственно размышлять о вечном. Женщины так устроены, что думают только о сиюминутном и строят планы даже не на одну свою короткую жизнь, а, скажем, – на утро. Или – на вечер. В лучшем случае – на год гастролей.

«Как глупо все, как безнадежно, – думал царевич. – Я нуждаюсь, молю о гораздо большем, чем она может мне дать».

Он приблизился к оттоманке и накрыл этуаль всем телом. Анастасия попыталась спихнуть его с себя, но он сжал ее запястья, словно сковал ледяными оковами. И когда она перестала сопротивляться в ожидании ласк, уткнулся лицом в ее порфирную шею с голубой бьющейся жилкой и отпил.

Потом он хотел уехать из дому, все равно куда, лишь бы подальше от этой бестии, которую он так и не смог обуздать и которая, поселившись в его сердце, теперь выедала его изнутри. Но силы покинули его. Уар прошел в спальню и упал на кровать вниз лицом. Глоток ее крови словно застрял в его горле и жег. Что за мука?

Неслышно отворилась дверь, шелохнулась портьера. Он вдруг подумал, что сейчас ее теплые ладони повинно коснутся его измученного тела и согреют, и в тот же момент царевич ощутил

удар в спину. Он словно узнал дамасский клинок, вошедший в его плоть, – тот, который он любил больше всех». Она пришла отворить мою кровь и забрать свой глоток, – подумал он о возлюбленной и поразился ее решимости и силе духа. Ах, нет, не глоток, а камень – злополучный алмаз, зародившийся когда-то в земном чреве и вытянутый лунным притяжением на поверхность. Кровь вытекала из раны толчками, мысли путались. Он еще слышал шум в гостиной и ждал, когда же она наконец перестанет шуршать тряпками, громыхать шкатулками и уберется. – Ну почему, почему я каждый раз с разбегу, с размаху всем сердцем бьюсь об острые камни? И сколько бы ни прилагал усилий, и как бы ни рвал сердце, в итоге оказываюсь в одной и той же куче дерьма? – предавался отчаянию царевич. – Неужели мне не суждено познать радость взаимной любви? Любви, а не пользы… Кто-нибудь любил меня, кроме матушки? Что за дьявольское отродье эти женщины? Они – самое главное испытание мужчины, – вдруг, на пятом столетии своего существования, понял царевич. – Я опять не прошел его, – признался он себе».

Оставшись один, царевич дотянулся до аппарата и телефонировал Бомелию. Аптекарь знал свое дело. Остановив августейшую кровь, он пустился в рассуждения о природе смертных: ненадежной, лживой, продажной и предательской.

– Доверять смертным не следует. Они ведь только того и ждут. Стоит выказать им свое благоволение, как они тут же залезут к вам и в душу, и в карман. И вывернут и то, и другое наизнанку.

Под назидательное ворчание лекаря Уар забылся тяжелым сном, а пробудившись к следующему полудню, убедился, что злополучного алмаза и след простыл. Значит, мерзавец уверен, что получил все возможное: и камень, и фемину. Ну что ж… его ждет горькое разочарование. И наказание. А вовсе не мировые гастроли.

И потянулись дни ледяного отчаяния. Царевич чувствовал, что он больше не властен над своим рассудком, и никто, никто не в силах остановить это безумие: ни друг, ни враг. Один только камердинер находился при нем неотлучно и возвращал понемногу к жизни своими россказнями и увещеваниями.

– Погуляли бы, барин! А-то ведь таете на глазах. А в Москве нынче весело. Давайте-ка я в театр вас соберу – подкормитесь чуток тепленьким, сладеньким.

Царевич поднял на слугу полные боли глаза.

– Ну не в театр. Зачем же непременно в театр? В ресторацию езжайте. Бобрище ваш вон что ни день, то пьяный… Отчего не принимаете? Переживает он ведь. Китаец приходил – черт его

знает зачем. Я не велел пускать, да дворник, дурак, не усмотрел – кошку гонял. Откуда она только взялась?

– Погоди, он что – в дом вошел?!

– Проскользнул, подлец! Извиняйте, барин. Но как меня увидал, так и порскнул наружу.

«При чем тут китайцы?» – подумал Уар, рассердился и встал, ощутив прилив сил.

Глава 24
Неверный лик Фортуны

Адаманский никак не ожидал, что фемина вернется к нему с приданым. Алмаз, который он выпасал в Африке почти два года, попал теперь именно в его руки. И репортер, хоть и был удивлен до крайности, все же находил такой оборот Фортуны вполне справедливым. Алмаз осветил ему новый путь. Он понимал, что продать его будет невозможно. Да и жить праздным наблюдателем, подобно господину Углицкому, ему было неинтересно. Адаманский жаждал бурной деятельности. Он полагал, что алмаз следует распилить и продавать по частям по мере надобности, вкладывая полученные деньги в дело. Делом он себе назначил Анастасию и ее творчество.

Обратившись к знакомому московскому ювелиру, коего спас однажды от неприятностей в виде потери реноме, Адаманский к великому своему огорчению узнал, что распилить алмаз ой как непросто. Никто из московских мастеров не брался, хотя каждый из них в той или иной форме выказывал желание посмотреть на камень.

– Мы поедем за границу. Там и распилим, – говорил он Анастасии. – Ювелиры говорят, что это под силу только Ашеру. К нему и повезем. Я узнавал – это очень известная фирма, им можно доверить алмаз.

Дайте бедному, но амбициозному человеку истинное богатство, и он непременно сделает с ним какую-нибудь чудовищную глупость! У бедного человека нет навыков обращения с истинным богатством. Он представления не имеет, как обратить сие чудо себе на пользу. Теперь же, имея в руках уникальный, единственный в мире камень, Адаманский испытывал серьезные финансовые трудности. Наличие в его доме Анастасии и украденного ею алмаза исключало возможность обратиться к меценату за финансированием текущих расходов – сценических костюмов, билетов на проезд до Амстердама. Зная о происхождении камня, хоть и не владея информацией о том, каким образом он оказался в Москве, репортер все же догадывался, что в полицию по поводу пропажи господин Углицкий обращаться не станет. В конце концов что украла у него этуаль? Средства, на которые тот собирался жить? Да нет же! Средств, полагал Адаманский, у сего господина на десять жизней хватит. Она украла у него всего-то возможность любоваться алмазом. Любование алмазом – это ли не распутство? Это ли не

истинный разврат? Да именно от этакого распутного эстетства Рим пал!

Этуаль ничего не хотела слышать о трудностях, справедливо полагая, что хватит и того, что она принесла средство реализации плана мировых гастролей. Адаманский отточил перо и продался с потрохами той партии, которая больше платила. Он тогда сильно удивился, что самые большие деньги вкладывала в газетчиков партия, представлявшая интересы самого бедного населения империи. И вот уже в мае революционными спонсорами куплены им с Анастасией билеты в Европу, чтобы издавать там газету «Искра», потому что в Москве печатание без особого разрешения в периодических изданиях каких бы то ни было статей о бедственном положении разных лиц запрещалось господином министром внутренних дел. Все подобные статьи подлежали непременно полицейской цензуре. Радеть о благе народном можно было только из-за рубежа.

Едва майское солнце подсушило землю, москвичи потянулись в парки. Все слухи о предполагавшемся первомайском нападении на интеллигенцию и учащуюся молодежь оказались вздорными. Московским градоначальником было еще с утра объявлено, что все опасения не имеют серьезных оснований и что будут приняты все возможные меры к недопущению каких бы то ни было насилий, с чьей бы стороны таковые ни были проявлены. Во избежание провокаций под видом праздничных песнопений, московская судебная палата утвердила арест, наложенный местным комитетом по делам печати на следующие музыкальные издания: «Русская марсельеза», «Карманьола», «Красное знамя», «Дубинушка-машинушка», «Смело, друзья, не теряйтесь», «Ткачи», «Варшавянка», «Смело, товарищи», «Траурный марш» и «Похоронный марш» и на прилюдное исполнение оных. Впрочем, без эксцессов, как водится в праздник, дело не обошлось: некто Николай Куроедов, проходя в нетрезвом виде по Чистопрудному бульвару, спустился в платье в пруд и стал плавать. Куроедова из пруда вытащили и отправили в участок.

На летних площадках, коими поспешили обустроить свои заведения рестораторы, публика говорила о закате Москвы, о том, что Бердичев объявлен вольным имперским городом. Туда переносится издание «Новостей» и «Энциклопедического словаря Эфрона» и училище князя Тенишева. Говорили, что по распоряжению кабинета будет разрыта могила банкира Ротштейна для отыскания там зарытых идей графа Витте.

В людском и птичьем гомоне, в грохоте городского транспорта тонули тихие звуки весны: лопались почки, прорастая

масляным глянцем листьев, трепетали крыльями первые бабочки-капустницы, деловито трусили по своим весенним делам отогревшиеся коты. Солнце ломилось в окна сквозь набившуюся на них за зиму пыль и грязь. Но однажды, воскресным днем, благостная картина расцветающей Москвы окрасилась кармином, и в вечернем номере «Московского времени» в колонке криминальной хроники появилась новость:

«Господа, отъезжающие поездом Москва – Варшава, и провожающие их лица были поражены драмой, разыгравшейся на их глазах. На перроне, у вагона первого класса, в образовавшейся вдруг толпе состоятельных господ упал замертво известный московский репортер и путешественник в дебрях африканского континента г-н Адаманский. Очевидцы свидетельствуют, что у репортера было растерзано горло. Подле упавшего билась в истерике молодая дама под плотной вуалью. Из полицейского морга сообщают удивительное: в мертвом репортере не оказалось ни одной капли крови. Из участка также поступили сведения, что у дамы пропала шляпная коробка, по которой она особенно сильно убивается».

Алмаз вернулся в резной ларец и был заперт в сейф с чрезвычайно изысканной орнаментацией и штучным замком.

Жизнь в Москве текла своим чередом. Московские счетоводы деятельно готовились к предстоящему летом текущего года съезду. Составлялись доклады по отдельным вопросам о нуждах счетоводов, профессиональных и общих. Особенное внимание уделялось проекту института бухгалтеров. Предстояли также доклады по вопросу о коммерческом образовании.

На колокольне храма Святых бессребреников Космы и Дамиана, что на Маросейке, треснул «полиелейный» колокол, весящий более полусотни пудов, пожертвованный бывшим ктитором этого храма – коммерции советником П. П. Боткиным в 1872 году. Колокол треснул вследствие неумения звонить и был отправлен для переливки на колокольный завод. И этот случай можно было истолковать весьма тревожным знамением. Да-с, господа! Звонить надо уметь.

В казармах московского полка был устроен спектакль для нижних чинов. Играли вольноопределяющиеся. Шли «Мирная картинка военного быта» и «Отбитая атака»; затем состоялось концертное отделение, имевшее шумный успех. На спектакле присутствовал командир полка.

Из Сокольнической городской больницы сбежал тифозный больной.

Начальник московской сыскной полиции Кошко в беседе с журналистами сообщил, что Москва по количеству преступлений

занимает первое место в России.

Героем одного из происшествий неожиданно сделался и Уар, попав в колонку криминальной хроники, в числе прочих новостей, одной из московских газет:

«Проходя по Екатерининскому парку, свободный коммерсант г. Углицкий Д. И., пребывающий в задумчивом настроении, был остановлен двумя женщинами; одна из них спросила, как пройти к Бутырской заставе, а другая попросила указать ей дорогу к Сухаревой башне; г. Углицкий указал им путь, и обе женщины ушли, после чего доброхот-топограф обнаружил, что у него из кармана пропали золотой портсигар, так же часы и кошелек с 1700 рублей.

…В доме Беляева на Сретенке громилы через слуховое окно проникли на чердак, где взломали накат и потолок, и через проделанное отверстие спустились во второй этаж, в помещение кладовой при табачном магазине Белоусова, откуда похитили разного товара на 300 рублей.

…4 января обокраден магазин готовой обуви Е. В. Акимова, в доме Хвастуновых, на Большой Пресненской улице. Громилы проникли в магазин по взломе замков оконной рамы со двора. Воры похитили обуви на сумму около 300 рублей».

Общество нетрадиционных потребителей «Взаимная польза» было озабочено фальсификацией коровьего масла, о которой долгое время ничего не было слышно, а теперь она вновь заставляет говорить о себе. Московские аферисты, пользуясь дороговизной натурального, приступили в широких размерах к подделке и распространяют подделки не только в провинции, но также в обеих столицах. Смесь сала с натуральным маслом выдается за низкий сорт, а смесь маргарина и масла – за более высокий.

«В Москве организовалось, при участии и содействии иностранцев, общество любителей бега страусов, и летом будущего года начнутся состязания.

…При раскопке земли с целью проверки электрического кабеля в Кремле у Спасских ворот обнаружен подземный ход, вышиной в один аршин, длиною в пять, частью засыпанный землей, от Вознесенского монастыря через дорогу к Кремлевской стене».

На Хитровом рынке наблюдался большой наплыв безработной московской интеллигенции. Ввиду этого попечительство Хитрова рынка признало необходимым немедленно устроить контору для приискания этим безработным дешевых квартир и занятий. По городу уже ходили слухи о каком-то обществе, имеющем намерения организовать кредит для лиц «свободных профессий», то есть для тех интеллигентных

тружеников, единственный капитал которых составляет их голова. Слухам стоило верить. Общество нетрадиционных потребителей в те дни как раз испытывало новые рекламные технологии, так что безработную интеллигенцию охотно брало в болваны. С мостов бросались в Москву-реку с кошмарными криками нетонущие «самоубийцы», которые, будучи выуженными сердобольными прохожими и полицейскими, заявляли:

– Мы одеты в непромокаемое платье такой-то фирмы…

Под руководством общества администрация одного из самых грандиозных магазинов Москвы решилась теперь действовать неординарно. Она заводила в своих выставочных окнах живые манекены из давешней интеллигенции. Болванов с голодными глазами обряжали в шикарные смокинги, а уличная толпа принималась улюлюкать.

А балет царевич с той поры разлюбил и стал приглядываться к опере. Накануне открыл свой сезон Солодовниковский театр. Реставрация дважды уже горевшего, волею и руками Растопчина, театра настолько заинтересовала публику, что «Борис Годунов» с обычным составом исполнителей собрал аншлаг. Уар особенно ненавидел эту постановку, как и ее прототипы, хорошо ему знакомые и принявшие в его судьбе непрошеное участие. А впрочем, он теперь полагал, что оно и к лучшему. Сложилось так, как должно было. Театральный зал, освещенный *a giorno*, выглядел очень эффектно. Только при полном освещении можно было оценить красоту коровинских плафонов, занавеса, судить об отделке всего театра. Выиграл театральный зал еще и в акустике: со сцены не пропадал ни единый звук. В оркестре Уару слышны были самые тончайшие нюансы. Но слушать и смотреть «Бориса Годунова» – слуга покорный…

Последний свой день перед очередным ежегодным рождением царевич провел у окна, терзаясь муками неостывшего сердца. Той осенью хрустальная синь высоких небес и золото крон недолго радовали Москву. С самого утра горизонт темнел, вспухал грозно и трагично, а к полудню пополз на город. Порывистый ветер швырял в прохожих охапки сорванных листьев. Наконец разразился дождь, заштриховал и размыл Пречистенку за окном.

Камердинер был отправлен за газетами. Промозглый осенний вечер, вплотную подступивший к окнам особняка, принес Уару страшную, хоть и ожидаемую, весть. Новый криминальный хроникер, заступивший на место выпитого Адаманского, писал, что в доме Смирнова убита на почве ревности девица Анастасия Волкова, известная в Москве скандальными танцами и фильмами

скабрезного содержания. Драма разыгралась в квартире учителя танцев Прыткова. Во время танцев девушки с персом Юсуп-оглы, тридцати лет, между ними произошла ссора. Перс в припадке ревности выхватил кинжал и вонзил его девушке в грудь по самую рукоятку. Смерть последовала моментально.

Царевич знал, что рано или поздно это произойдет. Но оказался не готов принять такой исход. Пока она была жива, в нем теплилась надежда: она поймет, она вернется. И он простит ей даже нож в спину. Но, как видно, не суждено было…

Уар забрал тело возлюбленной из полицейского морга, одел в красный сценический костюм и телефонировал Растопчину.

– Я хочу сделать из нее алмаз.

– Я могу, но он будет искусственным.

– Она и была искусственным алмазом. Это я его создал и огранил.

– Вы представляете себе, какая потребна для этого фокуса температура и какое давление? Это должен быть очень сильный взрыв в замкнутом пространстве. Вы это понимаете? Пол-Москвы разнести может к чертям собачьим.

– Я не ***приобщил*** ее. И потерял. А теперь я хочу, чтобы она всегда была со мной.

– Это вы, дружочек, к Дмитрию Ивановичу обратитесь, тезке вашему ученому. Тут особо твердый сплав для контейнера потребен. Чтоб взрывом не разорвало. А сам взрыв я вам организую со временем. Возлюбленную вашу следует сейчас сжечь в печи, а прах хранить. Из праха, погруженного в контейнер, при высочайших температуре и давлении и возникнет алмаз.

Тридцатого октября, в день рождения царевича Димитрия, Растопчин осуществил процедуру кремации.

Следующей ночью сыскная полиция наконец задержала перса Юсупа-оглы. Нашли его в одном из притонов на окраине Москвы. Опознать преступника было крайне трудно. Скрывшись, он сейчас же совершенно изменил свой внешний вид: сбрив бороду и усы, он вместо платья персидского торговца облекся в крестьянскую сермягу, онучи, лапти и рваную шапку.

Спустя всего двадцать три года специальный контейнер был внесен Растопчиным в подготавливаемый к взрыву храм Христа Спасителя. Летом 1931 года правительство СССР приняло решение снести храм, а на его месте воздвигнуть грандиозный Дворец Советов, на вершине которого поместить фигуру В. И. Ленина. В подготовленной директиве говорилось, что отныне граждане нового государства не будут ходить исповедоваться перед богом, а станут себя «под Лениным

чистить». И вместо поповских проповедей будут там слушать наставления старших товарищей по партии. Пятого декабря 1931 года в двенадцать часов всего за сорок пять минут храм был взорван.

На пепелище Уар отыскал контейнер и извлек из него крохотный кристалл углерода. Ювелир сделал из него серьгу, которую царевич и носил теперь в ухе, прикрывая от чужих любопытных глаз длинными прядями своих пепельных волос.

Часть вторая
Новые времена

Глава 1
Труды и дни московских нетрадиционных потребителей

Такого подлого расклада наши герои никак не ожидали. Красные, поманившие цветом, чудовищно обманули ожидания нетрадиционных потребителей. Элитная плоть была ими рассована по недоступным местам, а большей частью – уничтожена. Остатки разлетелись в дальние края. И тогда Общество предприняло отчаянный маневр. Как осеняют нечисть крестом и крестным знамением, так осенили и пометили они звездой эту страшную и бестрепетную орду своей бывшей челяди. И затаились в ожидании грядущего поколения сытых и свободных.

Резервную кубышку московских нетрадиционных потребителей – красный чудо-дом на Сретенке – новые смертные власти подвергли вивисекции: хоромы поделили на клетушки и набили их строителями коммунизма. Строители коммунизма пользовались, в силу исторически сложившейся привычки, черным ходом, а уникальные инженерные коммуникации им и вовсе были без надобности.

Однако новая власть и приближенные к ней особы одни только и были в те времена сыты. Пить в Москве было больше попросту некого. Власть оказалась чрезвычайно подозрительной, и подобраться к ней никак не получалось. Тогда Исидор Лангфельд предпринял сложный маневр: подсадил Максима Горького на разбирание замков. Хобби до такой степени увлекло буревестника революции, что в благодарность он ввел нового знакомого и его друзей в круг скороспелой коммунистической сытой знати.

Когда же самого Лангфельда новые власти однажды взяли на гоп-стопе, то не посадили, а, оценив его организаторскую хватку в сфере экспроприации, стали продвигать по комсомольской линии – прямо в ЦК: отвечать за комсомольские взносы.

Видя такое дело, Епифан подал заявление в единственную партию, был в нее принят и удивил нетрадиционных потребителей стремительным карьерным взлетом. Попивал вкусных однопартийцев, а на невкусных писал доносы.

Глава 2
Научный подход к кормлению плоти

Сразу после революции в Москву хлынула деревня. А элитная плоть наоборот, – отхлынула. Перед нетрадиционными потребителями во всей безрадостной полноте встал вопрос пропитания. И в 1920 году Общество «Взаимная польза», переименовавшись в духе новых веяний в артель «Организованный труд», состоявшую при УПОЛБЫТЕ, всерьез озаботилось продовольственными проблемами. Название артели отражало концепцию, которой традиционно придерживались нетрадиционные потребители: организовать труд так, чтобы не работать самим.

С целью преодоления продовольственных трудностей артель организовала Научно-исследовательский институт питания, который разместился в бывшем Воспитательном доме, построенном когда-то в Устьинском проезде с одобрения императрицы Екатерины II. Ранее при Воспитательном доме для опекаемых устроены были столярные, слесарные и другие мастерские, была учреждена ремесленная школа. Регулярные концертные вечера по пятницам и воскресеньям в театральном зале Воспитательного дома проходили с непременным участием хора питомцев.

Плоть нельзя сделать пригодной к употреблению путем воспитания, решили артельщики и пошли к цели биохимическим путем, собрав под крышей бывшего Воспитательного дома лучшие научные умы, не съеденные революцией. В клинике лечебного питания проводились исследования по восстановлению функций организма, нарушенных при алиментарных формах дистрофии; разрабатывались новые технологии по применению крови свежезабитого здорового рогатого скота, использованию сухой крови, сушеных рыбных продуктов, консервов из мяса, печени кашалота и прочих доступных деликатесов. Но ничего, годного к употреблению, из этого не получалось.

Неподалеку артельщиками был открыт ресторан «Труд Инвалида» и при нем казино: шмен-де-фер, баккара, коммерческие игры, буль. Новая элита несколько расширила ассортимент питания артельщиков. В этом смысле НЭП некоторым образом улучшил продовольственную ситуацию. Но с насильственным окончанием этого сладкого, но короткого отрезка отечественной истории ресторан был реквизирован под стройотдел горуправы.

Но московских нетрадиционных потребителей ожидала новая напасть, на сей раз – духовная: эта угодливая шестерка, этот подлипала – Ежов – вдруг загорелся переименовать Москву в Сталинград. Сколько нечеловеческих, сверхприродных сил положили московские на алтарь Отечества, возбуждая в сознании лукавого правителя проблески внутренних запретов и сомнений! Насилу отстояли.

С усугублением реквизиций алмаз потребовал серьезной охраны. По законам жанра его следовало положить на самое видное, но хорошо охраняемое место. Многие думают: сделал тайник, спрятал драгоценную вещь, и всё – она в надежном месте и в безопасности. На самом же деле сделать надежный тайник – это целое искусство, и обладают им только особы с неординарным мышлением. Причем надежность тайника порой определяется не глубиной его укрытия и крепостью запоров, а необычностью, непредсказуемостью его появления в различных предметах и конструкциях. При этом он может находиться в объектах, которые постоянно бывают на виду и поэтому не привлекают внимания. Кроме того, камень, по мнению нетрадиционных потребителей, нуждался в двойной охране: живой и мертвой. И артельщики обратились к смертным властям с предложением о возведении на Красной площади мавзолея для забальзамированного тела почившего вождя революции. Подкармливая и одновременно попивая архитектора, артельщики тайно выговорили себе в проекте тайник и поместили в него алмаз.

Не каждый вечный москвич нашел в те времена себе применение. Епифан был привлечен партией на передовой край визуальной пропаганды. Имевший светлые, солнечного блеска вихры и небесно-голубые глаза, а главное, очень довольный и при этом решительный вид, он как нельзя более подходил на роль строителя коммунизма. И воплощал его по мере сил. Мэтры соцреализма, не покладая кистей, трудились над созданием образа. Его рабочей одеждой на долгие годы стала синяя спецовка с аксессуарами в виде отбойного молотка, лопаты, булыжника, хотя в жизни ему доводилось работать только столовыми приборами и одежной щеткой. На полотнах же он трудился у доменной печи и у токарного станка, в поле и в цеху. Крепкой рукой вел куда-то в светлое будущее свой трактор, комбайн, паровоз. Скрещивал свой молот с чьим-то серпом из соседнего сектора отдела пропаганды. В общем, партия постановила сделать его образ каноническим и рекомендовать к использованию повсеместно. Каждый провинциальный отдел пропаганды имел

вырезанный из «Огонька» портрет, и местные «иконописцы» множили канонический образ Епифана в гипсе и бронзе, в станковой и монументальной живописи. Самым выдающимся воплощенным образом Епифана была и остается по сей день скульптура «Рабочий и колхозница».

Сначала непуганый архитектор Иофан предложил идею античной статуи «Тираноборцы», изображающей Гармодия и Аристогитона, стоящих бок о бок с мечами в руках, но, как читатель, очевидно, понимает, в 1937 году никакой тирании не существовало, поэтому руководство сочло образ неактуальным. И даже архитектора не тронули, сочтя блаженным. Был объявлен конкурс, который выиграла Мухина. И высится теперь над Москвой Епифан, занесший над ней свой молот. Вознесенный столь высоко, он снискал уважение и доверие руководства и получил допуск к большим и малым секретам партии. На самом деле партийцы были отчаянно суеверны, поэтому, проснувшись однажды поутру и увидев стального нержавеющего Епифана, занесшего над столицей молот, поспешили приблизить его и замазать в общих партийных грехах.

В скучные времена последующего развитого тоталитаризма для стимулирования у населения патриотических чувств, призванных заглушить чувство голода, смертная власть затеяла новый космический проект звездных войн, поскольку полагала, что звездные войны все же существенно лучше гражданских. Особенно в смысле финансирования. Грандиозность замыслов и свершений извиняла любые расходы. В соответствии с «лунной программой» к Луне была запущена «Царь-пушка». По счастливой случайности она не выстрелила, как и ее сестра в Кремле. А может, и не по случайности, а как раз потому, что ракетостроители, в соответствии с отечественной любовью к перегибам, решили, что аналог должен быть полным.

Искушению имперской гигантоманией подверглись и вечные москвичи, приложившие свои ледяные руки к космической отрасли.

Погожим летним днем в бесхитростной «стекляшке» у метро на юго-западе Лангфельд с Епифаном нависали над остывающими пельменями.

– Есть тема, – негромко говорил Лангфельд, выписывая ловкими пальцами пируэты алюминиевой погнутой вилкой.

– Тебе чего – в комсомоле не сытно? – удивился Епифан.

– Сытно. Но скучно, – пояснил Исидор. – А тут – тема!

– Что за тема? На гоп-стоп не подпишусь – по мелочам не работаю.

– Обижаешь… Космический отряд! Слышал?

– А смысл? – пожал плечами Епифан.

– А без смысла!

– Да ты не в себе… Хочешь, чтобы из тебя почетное чучело сделали, как из Белки и Стрелки?

– Я же не предлагаю тебе лететь в космос! – закатил глаза Исидор.

– А что ты мне предлагаешь?

– Там такие аттракционы на тренажерах! Никакой Парк Горького не переплюнет. Покатаемся… кровь взболтаем.

– А что, комсомолки уже не справляются?

– Манерные комсомолки пошли. Без огонька. А в комсомоле без огонька, без задора нельзя. К тому же кофе в постель требуют. Я им что – официант?

– Ну и с каких звездюлей ты решил, что нас возьмут? – засомневался Епифан.

– А мы по комсомольской и партийной путевке пойдем. По постановлению ЦК.

Епифан чувствовал, что соратник темнит. Какие еще аттракционы? Смешно, право. Или его за дурака держит? Быть болваном в чужой игре бывшему лакею, а ныне правоверному партийцу не хотелось.

– Давай колись, что затеял. Или Параклисиарху сдам, – без обиняков ответил на странное предложение Епифан.

Лангфельд поглядел в голубые канонизированные глаза бывшего лакея и вздохнул.

– Иди, иди… – отогнал он от столика колдыря, выразительно скребущего нечистую шею, и приступил к нелегкому разговору. – Вот мы с тобой – кто?

– Кто? – переспросил Епифан, не желая облегчать вору задачу.

– Мы с тобой – «и другие официальные лица». На мавзолее стоим вторым рядом в дни торжеств народных. Упираясь носом в первый ряд.

– Ну и?

– Носом упираемся в первый ряд. А задницей – в алмаз. Сечешь?

– Что? – Лангфельд вздохнул.

– А то, что я, к примеру, стою и думать больше ни о чем не могу. Я на этом мавзолее, как принцесса на горошине, – алмаз задницей чувствую… сквозь гранит… И ведь не нужен он мне. А только природа и призвание берут свое.

Ощущение это было Епифану хорошо знакомо, тем не менее никаких позывов оно в нем не рождало. А если когда и случался мысленный грех, то лакей гнал его от себя по причине

бессмысленности и бесперспективности каких-либо действий в этом направлении. Но Лангфельд по природе своей был противником общего. И теперь явно затевал нечто грандиозное, если не рассчитывал справиться в одиночку и привлек соратника. Птицелов молчал, с интересом ожидая, на какой козе предпримет следующий заезд к нему медвежатник. У соратников, подозревал Епифан, не должно быть общего имущества. Общее имущество, в отличие от общих взглядов, портит отношения. Общими у единомышленников должны быть только враги. Общий враг сплачивает, а общее имущество порождает нехорошие мысли и противоправные действия. Что и наблюдается среди плоти – сплошь несуны и растаскиватели общего добра по личным норам. А уж общий алмаз – и вовсе явление несусветное. Никому никакого проку. Одна головная боль по поводу сохранности. Так думал бывший лакей, но озвучивать свои мысли не спешил.

Делать было нечего, и Лангфельд приступил.

– В общем, не нравится мне это хранилище. Как специалист могу сказать, что оно – ненадежное.

– А ты знаешь надежней?

– Знаю.

– Ну не тяни уже меня за гланды…

– Я полагаю, что следует воспользоваться достижениями науки и техники и вывести алмаз на околоземную орбиту. Надо только подтолкнуть ракетостроителей к созданию проекта орбитальной пилотируемой станции. Я даже название ей придумал: «Алмаз».

– Ну что ж – хорошее название, – одобрил птицелов. – Полетит-то кто?

– Мы с тобой и полетим. Чего мы тут не видели? А там – красиво! И алмаз в безопасности. Затаримся сгущенкой и полетим.

Отмазка в виде заботы о безопасности объекта была, конечно, хороша. Но само мероприятие представлялось чрезвычайно хлопотным. Да и рискованным к тому же: в случае катастрофы станции соратникам светило на веки вечные остаться на околоземной орбите неказистыми спутниками Земли, заглядывающими мертвыми глазницами в иллюминаторы последующих покорителей космоса. Брр…

И вообще, что-то в голове Епифана не складывалось, и это его беспокоило. Сгущенка была неприкосновенным запасом нетрадиционных потребителей, и получить к ней доступ было еще сложнее, чем к алмазу. Отвечал за резервы Бомелий, строгий учет и контроль над ними вела главбух Митрофания.

– Скажи, ты это сам придумал или подсказали?

Тон, каким задан был вопрос, не оставил у Лангфельда сомнений, что лакея так просто не проведешь.

– Бомелий навел на мысль. А что такого? Беспокоится о сохранности…

– Ну-ну… А тебе не приходит в голову, что аптекарь этот – не так прост. Сам он доступа к алмазу не имеет. Власти не доверяет – диссидентствует. Вот и решил нашими руками жар загрести. А?

– Он же обещал сгущенку… А Митрофания согласилась профинансировать проект орбитальной станции.

Вот теперь интрига окончательно прояснилась, выявив истинного заказчика и автора затеи. Впрочем, кто сказал, что эта парочка сможет проконтролировать исполнение? Тем не менее лакей решил доиграть эту сцену до конца.

– Да на что тебе консервы, коли тут свежачок всегда под рукой?

Но Лангфельду надоело приводить аргументы.

– Слушай, если очканул, то так и скажи. Уламываю тебя, как девку. Да любой другой на твоем месте…

Епифан, не будучи любителем острых ощущений, по доброй воле ни в какой такой космический отряд, пожалуй, не пошел бы. Но плоть вся сплошь хотела в космонавты, и юшка тогдашних москвичей, в которой энтузиазма было больше, чем гемоглобина, подтолкнула его к неведомым приключениям.

К собственному немалому удивлению, приятели умудрились без сучка без задоринки пройти медкомиссию, руководствовавшуюся в данном случае, очевидно, не показаниями приборов, а своей партийной принадлежностью, и были допущены к тренажерам. С большим удовольствием покатались они на «аттракционах», но едва не сорвали программу подготовки космонавтов. Дело в том, что полученные в результате моделирования параметры выводились на приборы и средства индикации пульта космонавта. Данные о состоянии наших партийных нетрадиционных потребителей производили неизменный фурор в научной среде на протяжении всей серии опытов. Они рвали в клочья все представления о человеческих возможностях. Выходило, что в соответствии с полученными результатами их можно смело посылать в другую галактику – в полет продолжительностью в несколько миллионов световых лет. И экипаж можно было делать не сменным, а постоянным. Стрелки измерительных приборов начинали бешено вращаться в обратную сторону, приборы горели, ученые волновались, впадали попеременно то в депрессию, то в эйфорию, и уходили на больничные.

Несмотря на рекордные результаты, к полетам приятели допущены все же не были, поскольку не прошли главный тест: на улыбку. Улыбка данных партийцев выглядела несколько зловещей. Зато накатались они вволю и сохранили благодаря этому самые светлые воспоминания о социалистическом прошлом: грандиозном в смысле свершений и веселом в смысле собственной удали молодецкой.

Но камень уже был извлечен из хранилища и передан Элизию Бомелию. Впервые за долгую жизнь аптекарь не знал, как поступить с богатством. В его квартире оказался самый дорогой предмет в мире. Самый дорогой и самый бесполезный в нынешних исторических условиях. Бомелий мучился непростым вопросом до головной боли и бессонницы.

– Что за времена настали? Богатству невозможно найти применения. Ни продать, ни обменять… Только сдать государству. Или смахивать с него пыль, пока этот строй не рухнет.

– С чего бы ему рушиться? – пожимала плечами баронесса Розен. – Плоть находит строй правильным и справедливым.

– Это от отсутствия информации.

– Уж не собираешься ли ты взяться за открывание глаз социуму?

– Диссидентов и без меня хватает. Пока еда не кончится, так и будут с закрытыми глазами жить. Нет, ну ты подумай! Гипотетически я могу купить всю Москву. Но не позволяют законы.

Бомелий вздыхал, чесал затылок, носил по комнате камень.

– Да и черт с ней! Ну сам подумай, на кой тебе вся Москва? Что ты с ней делать станешь, если купишь? Что это тебе даст? – утешала аптекаря баронесса.

Кроме того, аптекарь опасался, что рано или поздно о том, что камень находится у него, узнают соратники. Вмиг воображение нарисовало ему знакомую до невыносимой боли картину: Малюта пытает его на дыбе. «Да пропади он пропадом, этот алмаз!» – подумал Бомелий и наконец решился. Сговорившись с Лангфельдом о встрече, он с облегчением передал ему алмаз и велел вернуть на место.

Лангфельд с Епифаном долго думали, как им распорядиться алмазом. Все жизненные блага они с легкостью получали в спецраспределителях и нарываться на неприятности в виде санкций от сообщества нетрадиционных потребителей не желали. А потому решили положить камень на место.

Кроме Епифана и Лангфельда, этих обласканных номенклатурной фортуной нетрадиционных потребителей,

допущенных к телу высшей партийной плоти и подрастающих кадров управленческого резерва, остальным приходилось довольствоваться органикой весьма сомнительного питательного качества. Дело в том, что потомки ниспровергателей так и не научились правильно питаться и отличались обидным нездоровьем. Бесконечные борщи на зажарке, сделавшиеся пожизненным адом малометражных московских кухонь, да и просто сплошь жареная еда, отравляли их организм. Даже новая интеллигентная плоть так и не избавилась от исторически сложившейся привычки своих пращуров – рабочих, крестьян да кухарок – пить чай из блюдец, пользоваться черным ходом и есть на кухне. Оттого в театральных фойе, где столовались некоторые нетрадиционные потребители, деликатно промокая пунцовые губы платочком, витал запах проклятой зажарки. Он исходил от причесок дам и плохо сшитых пиджаков сопровождавших их мужчин. И запах этот не удавалось перебить даже модным духам «Красная Москва», синтезированным когда-то, до революции, Бомелием под чутким руководством Жу-Жу. Ах, каких только легенд не насочиняли о нем, об этом удивительном аромате, смертные: эталонный 1913 год, Генрих Броккар, «Букет Императрицы» – последний запах Российской империи, ускользающей из-под ног Марии Федоровны. Или: жена наркома и министра иностранных дел Вячеслава Молотова Полина Жемчужина с душком подступающего ареста и уже советская фабрика «Новая Заря» со свалившимся на нее наследием Броккара… Любимый аромат советских «звезд». Никто, никакие самые выдающиеся «нюхачи» мира не могли разгадать удивительный букет этих духов, сложившийся в советское время, – полный купаж советской «Красной Москвы». Одни только нетрадиционные потребители безошибочно улавливали в нем запах борща. И теперь Бомелий и Жу-Жу гневно открещивались от своего покалеченного новой элитой детища.

Уар не мог простить советской власти периода развитого социализма той каверзы, что она окончательно испортила и без того не слишком изысканный вкус москвичей. Все, что было в царевиче эстетского, восставало против одежды смертных соотечественников, которых волею обстоятельств ему доводилось пить.

– Ты пойми, – жаловался он сокольничему, – это все равно что есть из алюминиевых плошек гнутыми вилками.

– То есть тебе мало того, что ты их потребляешь, тебе надо, чтобы они еще и сервировали себя согласно твоим вкусам, – качал головой приятель.

Уар вздыхал, понимая, что изыски ему не светят. Жизнь стремительно утрачивала краски, и он все чаще задумывался о своей ненужности даже самому себе. И алмаз, добытый с таким трудом, ни от чего не спас его, ничего ему не дал: никаких радостей и перспектив. Напротив, камень только ускорил страшную развязку. И теперь лежал мертвым грузом в этом странном месте.

Однажды, собравшись с духом, царевич отправился на балет. И с той поры зарекся. Не было там подлинных страстей, токов, которые исходили от Анастасии. Одна только холодная, отточенная, филигранная техника. Пружинистые мышцы, жилистые шеи, не вызывающие желания прильнуть и испить. Возвращаясь домой, он мучительно вспоминал теперь порывы своей возлюбленной, отдававшейся публике на каждом представлении и даривший ей истинные эмоции и откровения. Он корил себя за потерю танцовщицы. За то, что не понял ее, за то, что возжелал присвоить, лишив подпитки извне. Загубил, собственными руками загубил! Дал ей погибнуть от чужого кинжала. И если суждена ему когда-нибудь новая любовь, то он обязательно ***приобщит*** возлюбленную ***доподлинно***. Даже если безвозвратно испортит этим навеки. Зато он придумает ей такую смерть, которой она даже не заметит, – это ли не самый желанный и бесценный подарок? С таким подарком никакой алмаз не сравнится. Спросите любого смертного, чего он более желает: алмаз или легкой смерти?..

Смесь страха и энтузиазма, циркулирующая в крови подлежащей употреблению плоти, приносила нетрадиционным потребителям мучительную бессонницу. Им хотелось выстроиться дружно в плотно сомкнутые ряды, произвести перекличку, прогорланить речовку, а затем так же дружно попрятаться по своим клетушкам, примирившим их с действительностью и намертво привязавшим ремнями к пружинным кроватям этой пафосной и очень гордой собой психбольницы. Сановные доктора прописывали плоти аминазин в лошадиных дозах – внутримышечно, бром – орально и партийно-приворотное зелье – внутривенно. Зелье варилось в Кремле, отравляя смрадом округу. И плоть, как загипнотизированная, продолжала подпирать своими натруженными руками и согбенными плечами разлагающуюся смертную власть, несмотря на исходящий от нее трупный запах.

Уар как мог расшатывал основы строя: прикрывал фарцовщиков, валютчиков, частных нелегальных предпринимателей – истинных гениев бизнеса. Московская плоть, как обычно, увлекалась одеждой вероятного противника, что

сильно осложняло ей жизнь. Все эти годы нетрадиционные потребители не могли избавиться от всепоглощающего чувства стыда за внешний вид соотечественников, за их убогий быт и того более – за их продолжительный транс.

Глава 3
Теория и практика конца 80-х

– Абсурд! – уверенно констатировал Фофудьин, покачав головой. – Я не вижу ни малейшего проблеска логики в том, что творится вокруг.

– А нужна ли она – эта ваша логика? – Царевич неторопливо распечатал пачку контрабандных Treasurer и поднес к чутким ноздрям. – В мире нет ничего скучнее и бесполезнее логики. Отследить причинно-следственные связи может практически любой представитель фауны. Как бы это ни было обидно университетским преподавателям логики. В лабораториях белые мыши азартно давят на красную кнопку, раздражаясь отсутствием полета мысли у особей в белых халатах. Логика – атавистический инструмент. К тому же грубый, как монтировка.

– И чем же, по-вашему, абсурд лучше?

Святослав Рувимович колыхал в пухлой ладони фужер, любуясь тяжелыми масляными наплывами коньяка на его тонких стенках.

– Да хотя бы тем, что выявляет бессмысленность поиска истины, которым так озабочена плоть. – Царевич достал из пачки сигарету и прикурил от зажигалки Zippo. – Потому что логика тут не поможет.

– А абсурд, по-вашему, поможет! – возмутился Фофудьин всем телом, едва не расплескав коньяк.

– Да вы пейте, пейте, Святослав Рувимович, – усмехнулся царевич.

– Нет уж, извольте пояснить ваши умозаключения, идущие вразрез со здравым смыслом.

Был ли Святослав Рувимович на самом деле озабочен предметом разговора или просто под беседу вкуснее пилось, Царевича не слишком заботило. Тем не менее обстановка располагала, и он продолжил:

– Не исключено, что для того, чтобы познать истину, надо довести размышления о предмете до абсурда. И тогда мы быстрее поймем, что истина сокрыта от человечества ради него же самого. Абсурд, как лекарство, излечивает от страха перед бездной. Тогда как логика ведет человека железной рукой к ее краю, с детства внушая мысль о том, что жизнь – конечна. Представьте только, каково это: жить с сознанием конечности жизни. Но достаточно довести ужас до абсурда, и человечество будет не умирать от

ужаса, а смеяться. Правда, все равно умирать. Но уже не от страха.

– Да какая им к бесу разница – от чего умирать?

– Не скажите… Это нам с вами разницы нет, нам ведь – не умирать. А смертным совсем не все равно. Поясню на примере. Ну скажем, такая картинка видится: в захваченном террористами лайнере командир находит в себе силы довести ужас до абсурда. И он транслирует в салон: «По заказу гостей из солнечного Террористана звучит эта песня!»

…По аэродрому, по аэродрому,
Лайнер пробежал, как по судьбе…

Пассажиры смеются и аплодируют.

– Да ну вас, право, с вашими шутками дурацкими… – обиделся бывший бурсак, не рискнув открыто послать августейшую особу к черту. – Я ведь говорю об абсурде в высшем смысле, в метафизическом.

– А, ну извольте. Чем не абсурд – создать мыслящих и чувствующих, а потом жестко привязать их к пищеварительному тракту. К бесконечным хлопотам о добыче пропитания. Так, под пельмени и водочку, и размышляют о том, что имел в виду Создатель. Вот интересно: каким был бы мир, если бы все живое в нем не нуждалось в питании? Был бы тогда мир благостным и прекраснодушным? Или загнулся бы от скуки? Подозреваю, что в таком виде он вряд ли долго забавлял бы Создателя.

– В этом, по-вашему, и состоит истина? – В вопросе собеседника сквозило разочарование.

– Видите ли, Святослав Рувимович, логика и абсурд – это два разных уровня познания мироздания и два разных способа существования в нем. Вот, к примеру, посмотрите направо. Что вы видите?

– Окно, – пожал плечами Святослав Рувимович и пригубил коньяк.

– А я – пейзаж за окном. Понимаете?

– Так вы, мил-друг, на тумбочке сидите, а я на кровати возлежу.

– Вот! – обрадовался Уар. – Ну не абсурд ли, что разница в мировосприятии может быть обусловлена… тумбочкой!

– Нет, позвольте, здесь какая-то подмена понятий… Да вы меня намеренно морочите!

– Я говорю о ракурсе.

– Ракурс, дорогуша, нынче у всех один – телеящик, – отмахнулся Святослав Рувимович. – Что показывает, то и видим.

Уж не прикажете ли принять эту картинку за истину?

– Истина, мне думается, лежит за границами смысла, который доступен логике. Способностью к логике человечество наделено отродясь. До абсурда же надо подняться.

– Явите милость – поспособствуйте, – усмехнулся Фофудьин.

– Ну если вкратце, то обретение истинного знания происходит в момент перехода живого в неживое. Потому что «знать» и «уметь» – это разные вещи. Человек, познав устройство организма, все равно не может одномоментно командовать своему сердцу – перекачивать кровь, своим почкам – выводить токсины, своим легким – насыщать кровь кислородом. То есть выполнять работу Создателя. «Ах, ты узнал? Молодец какой! Ну на – делай ее сам».

– Да вот я тоже постоянно удивляюсь, до какой степени человечество интересует смерть. Прямо круглые сутки по всем каналам стали крутить. Того и гляди – до нас докопаются. А раньше-то как: один канал и все живенькие такие – надои повышают, зерно обмолачивают, куют чего-то…

– Мироздание, на мой взгляд, – это такая заводная игрушка. Создатель устроил и завел. А ключик человечеству не отдал. Да и с чего бы? Это человечество в гордыне своей решило, что оно – венец творения. И вполне возможно, что оно как раз удалось Создателю не самым лучшим образом. Человек жаден, завистлив, лжив, коварен, жесток… Уж что один человек может сделать с другим – ни одному зверю в голову не придет. Говоря коротко, абсурдом является сам поиск ключа-истины. Не следует, мне думается, задаваться вопросами не по рангу.

– Но зачем-то же наделил Создатель человека способностью к логическому мышлению? – продолжал сопротивляться Фофудьин.

– А это для того, чтоб он не убился вконец граблями на пути к познанию истины. Чтобы воспроизводство продолжалось. Логика решает дискретные задачи утилитарного характера и к поиску истины никакого отношения не имеет. Логично при прохудившихся сосудах делать аортокоронарное шунтирование, например. А теперь представьте себе смертную плоть как сосуд духовности. И вот, в силу каких-то внешних или внутренних обстоятельств, он поврежден: разуверился в своих идеалах человек. Абсурдом была бы попытка шунтирования такого сосуда.

– Я понимаю: человек стал просто свободен от себя. Что же тут лечить?..

– Ну где-то так… Абсурдность мысли выявляет абсурдность жизни погрязшего в грехах общества, которое в пафосности своей духовной ищет в ней какой-то смысл.

– Может, вы и правы. Да-да… – Собеседник поднес фужер к

ноздрям и вдохнул аромат. – Иногда хочется, знаете ли, задать обществу вопрос: если оно найдет смысл своего существования, что оно с этой находкой делать будет? А с другой стороны, чем же тогда жить, позвольте спросить?

– Эмоциями, чувствами. Это лучшее, что даровано всему живому Создателем.

Святослав Рувимович хотел было решительно возразить против такого легкомысленного подхода и даже напомнить собеседнику о том, что Создатель в милости своей даровал человеку еще и разум и зачем-то сделал его любознательным, но тут распахнулась белая дверь палаты и мужеподобная медсестра сердито гаркнула:

– Ужинать! Или вам что – отдельное приглашение? Сколько лет тут лежите, никак распорядок не усвоите!

Было понятно, что ее очень раздражало умение некоторых пациентов договариваться с начальством и устраиваться с комфортом. По ее убеждению, должно быть одинаково плохо всем. Но главврач – единственный, кто верил в подлинность документов этих пациентов, очень рассчитывал на ***доподлинное приобщение***, полагая справедливым такое завершение своей карьеры в данном учреждении. Недавно на него снизошло откровение: жизнь прошла в дурдоме.

– Зачем разум, если существует распорядок? – заметил сам себе Святослав Рувимович.

– Да, пожалуй, пора валить отсюда, – отозвался его собеседник. – Диссиденты кончаются, поговорить не с кем.

За период построения социализма царевичу и Фофудьину, как и другим московским нетрадиционным потребителям, не раз случалось попадать в обитель скорби. Причиной тому служили попытки бдительных организаций установить их личности. Впрочем, особой разницы между тем, что происходило внутри клиники и снаружи, они не наблюдали, поэтому относились к перемещению философски. Но к концу восьмидесятых интерес организаций к ним угас – исторический фон неумолимо менялся.

Закрома стремительно пустели. Вконец изголодавшиеся и одновременно изнывающие от жестокого несварения московские нетрадиционные потребители собрались на Совет безопасности. Граф Сен-Жермен не стал раскладывать пасьянс. Финтом профессионального каталы он выдернул из рукава пикового туза – Кашпировского. Вглядевшись в его горевшие глубинным пламенем утробной магмы глаза, московские поняли, что это – их последний шанс развеять чары и поднять «проклятьем заклейменных», и запустили его в телевизоры традиционных потребителей. Пиковый поработал с аудиторий: сначала снял

порчу, наведенную идеологами и спецслужбами, потом навел другую – оговоренную в контракте: замкнул потребителей на их собственную физиологию. И представьте – номер удался: плоть опустила руки, которыми ранее поддерживала окочурившегося монстра, и разомкнула ряды, в результате чего разлагающаяся смертная власть рухнула на брусчатку и распалась на элементы. Плоть испуганно взвизгнула, попряталась по норам, словно племя степных сурков, и припала к экранам телевизоров. И никак не удавалось ее выманить.

Экстренно созванный внеочередной совет проходил в последнем оплоте гурмана – ресторане «Арагви», покрывшем собой давнее владение боярина Иакинфа Шубы – сподвижника Дмитрия Донского. Боярин погиб в 1368 году, защищая Москву от нападения литовцев. В 1837 году новые владельцы надстроили сверху три этажа и превратили палаты в гостиницу «Дрезден». Новый ресторан, появившийся в 1937 году, пользовался дурной славой из-за имевшегося в нем личного кабинета смертного монстра Берии, с которым московские нетрадиционные потребители не водились – не простили ему истребления элитной московской плоти. Но после того как монстр сошел с исторической сцены, запах шашлыка по-карски и шашлыка любительского на ребрах, утративший нотки смертельного ужаса, ловил за ноздри всякого, кому случалось оказаться на углу улицы Горького и Столешникова переулка. В пятидесятых-шестидесятых годах интеллигентствующий Уар под шашлычок с удовольствием попивал там членов Союза писателей.

Параклисиарх вынужден был признать, что отсутствие сколько-нибудь просчитанной программы привело московское потребменьшинство на грань голода.

Бобрище взял слово:

– Предлагаю объявить охоту на москвичей. Надо выманивать их из нор, как сурков.

– А как выманивают сурков? – полюбопытствовал Фофудьин.

– А на ячий хвост.

– Как это?

– А так. Сурки выставляют на шухер специального дозорного. При возникновении опасности он свистит, и все сурки прячутся в нору. Но сурки, суки, любопытные очень. Помашешь ячьим хвостом перед норой, дозорный высунется и присвистнет так, мол, ух ты ж!.. Ну все и вылезут поглазеть.

– И на какой же «ячий хвост» будем выманивать москвичей?

– Ну да, вопрос… Тут, я полагаю, нечто чудесное потребно, чего они еще не видели. Какая-нибудь волнующая замануха, которая привлечет массы.

– Думайте, господа, чего не видело нынешнее поколение москвичей. Чем их можно сильно удивить?

– Разнообразием товаров группы «Б», – предложил самый радикальный ход Уар. – Можно выставку-продажу организовать. На ВДНХ, например.

И действительно, продажа товаров народного потребления, а еще лучше – привезенных из-за границы, показала бы московской плоти, что на самом деле следует потреблять. И не только показала бы, но и позволила поупотреблять. Но главное – продажа этих товаров выманила бы плоть, засевшую по домам.

– Да где ж товары-то взять? – задал логичный вопрос Бомелий, спустивший за пару последних десятилетий существенную часть своих накоплений в карманы московских фарцовщиков, покупая для Жу-Жу джинсы Levi's и трусики «неделька».

Товары было взять решительно негде. Те, что заполняли отечественные склады, никуда не годились, а других производить за семьдесят лет так и не научились. И тогда московское потребменьшинство решилось на егерский прием: «помахать ячьим хвостом» – распустить слух о распродаже на ВДНХ выставочных образцов достижений народного хозяйства.

В оговоренный в распущенных слухах день первыми к павильонам ВДНХ для предупреждения беспорядков съехались на бронетехнике войска московского гарнизона. И заняли очереди за достижениями народного хозяйства. Нетрадиционные потребители засели на одной из боковых аллей с правой стороны от центрального входа, в кафе «Мороженое», увенчанном скульптурой медведицы. И поскольку большинство братско-народных павильонов были представлены только «культурой», которой плоть была как раз сыта, нескончаемый поток мрачных обывателей тянулся от триумфальной арки к павильонам:

№ 36 «Переработка продукции сельского хозяйства»
№ 37 «Птицеводство»
№ 38 «Рыболовство»
№ 39 «Прудовое хозяйство»
№ 40 «Хлебопродукты»
№ 41 «Корма»
№ 42 «Животноводство»
№ 43 «Коневодство»
№ 44 «Кролиководство»
№ 47 «Свиноводство»
№ 48 «Овцеводство»
№ 49 «Воспроизводство сельскохозяйственных животных»
№ 50 «Молочная промышленность»

№ 51 «Мясная промышленность»

Поток тянулся, волновался в ожидании невиданной пищепромовской милости и небывалых щедрот. Невооруженным глазом было заметно, что поклоняться достижениям никто не собирается. Плоть громко лязгала зубами. Над чудом сохранившимися выставочными образцами достижений пищевой промышленности нависла реальная угроза быть съеденными. У павильона № 49 толпа угрожающе колыхалась и требовала немедленно воспроизвести сельскохозяйственных животных в количестве «по две головы в одни руки». У павильона № 69 «Товары народного потребления» плоть готовилась к штурму. Внутренние войска, занявшие очереди во все перечисленные павильоны еще с пяти часов утра, пытались навести порядок и с этой целью писали послюнявленным химическим карандашом порядковые номера на руках граждан.

Ко времени открытия павильонов ожидания плоти достигли апогея.

– Час пробил, господа! Пора! – скомандовал соратникам Параклисиарх, облизнув последний раз ложечку.

Отодвинув погнутые металлические креманки, напоминавшие кошачьи мисочки, московские нетрадиционные потребители, дрожа от нетерпения и разыгравшегося аппетита, вышли из кафе. И тут их ожидал неприятный сюрприз: плоть, осаждавшая павильоны, была какой угодно, только не московской. Подмосковьем – вплоть до Рязани – веяло от бурлящей органики.

Бобрище взвыл от разочарования.

– Где москвичи? – обернулся к главе службы безопасности Бомелий, брызгая набежавшей слюной.

Подруги Бомелия, осознав, что фейерверк неконтролируемого потребления московской органики так и не состоится, завизжав, обрушили свой гнев на ни в чем не повинное кафе «Мороженое», развалив его до основания.

А голодных москвичей теперь больше товаров народного потребления интересовали новости. Москвичи теперь жили, уткнувшись в телевизор в поисках пищи для нарождающегося самосознания.

За всей этой суетой московские нетрадиционные потребители совсем позабыли об алмазе.

Глава 4
1991 г. Москва, перестройка

В тот год тотального хаоса плоть роилась в цокольных этажах хрущевок, где ее наиболее продвинутыми представителями устроены были «качалки» и видеосалоны. К красоте и здоровью в последний раз можно было приобщиться всего за рубль. Но потная плоть мало интересовала вечных москвичей. Как, впрочем, и рубль.

– Святослав Рувимович, что это за молитвенный листок вы там теребите? – раздраженно буркнул Параклисиарх, зашедший с утра на кофеек, изготовлением которого так славилась очередная жена соратника. Самому главе службы безопасности варить элитный продукт было некому – бобылем жил.

– Вы не поверите, дружище! В голове не укладывается! Вот, полюбуйтесь, до чего дошло!

Фофудьин убрал чашку подальше и разложил перед Малютой «Известия». Но тот брезгливо отодвинул газетенку.

– Прочтите сами, Святослав Рувимович, а то – одни очки снять, другие найти и надеть. А без темных-то, пожалуй, полыхнет ваша газетка.

Фофудьин вновь произвел на столе рокировку: пододвинул чашку – гостю, газету – к себе, разгладил ее и с выражением зачитал печатное слово:

«ВЫВОЗ ТАИНСТВЕННЫХ «ВАЛЮТНЫХ ГРУЗОВ»

В минувшую субботу двумя рейсами – на Брюссель и Амстердам из Москвы «улетело» свыше трех центнеров «валютных грузов». От имени «АлмазЮвелирЭкспорта» в Бельгию и Нидерланды были отправлены палладий в слитках и родий в порошке. Для непрофессионалов уточним, что эти металлы относятся к платиновой группе и составляют часть нашего скудеющего богатства».

– Правильнее теперь сказать: составляли… – почесал затылок Параклисиарх. – Чему вы удивляетесь? В этих краях так заведено. Стоит кому-то дорваться до власти, как тут же, в первую очередь запускают руки в недра и Гохран.

– Что же это получается? Мы сокровища – сюда, а ОНИ – отсюда?!

– Ну стало быть, то на то и выходит.

– Нет уж, позвольте! Никакого взаимозачета я тут не вижу. Я полагаю, что этому следует воспрепятствовать! Я еще с

предыдущих властей должок за сокровища Алмазного фонда не струсил! На чьей вые ныне жемчужное ожерелье императрицы Александры Федоровны красуется? А? Где изумруды и бриллианты короны? Английская королева носит? Где эти тридцать шестилитровых банок из-под французского оливкового масла с сокровищами династии Романовых? Мыши сгрызли? Хапнули страну, а грамотный менеджмент наладить – мозгов не хватило. Только тырить и могут. Сплошные маньяки-тырщики. Почти десять тонн уникальной ювелирки из Алмазного фонда на вес продано!

– А давай посмотрим на это с другой стороны. Мы взяли чужое, а они отдали свое. А?

– Ты меня не путай! Какое-такое – свое? Они его, что ли, копили – богатство это?

– Лежит мертвым грузом, как наш алмаз. Меня уже такие мысли посещают иногда: а не продать ли нам его лондонским за абсорбент? Чтобы мы могли не только москвичей пить. Мир посмотреть хочется…

– Может, ты еще на сокровища Алмазного фонда этот абсорбент выменяешь?

– А что, плоти московской раздать брошки да короны? Так она тоже на Запад продавать их побежит, ломая ноги.

– Можно подумать, власти на это хлеб покупают!

– А если – хлеб?

– Тогда вообще – стыдоба! Чтобы на такой территории да хлеб не вырастить, это ж какими убогими надо быть. Или подлецами.

– Святослав Рувимович, ну не идут приличные люди во власть. Знают, что их там либо нагнут, либо убьют. Значит, надо вписываться в то, что есть.

– Самому пойти, что ли?

– Сиську сначала отрастите, Фофудьин, чтобы страну кормить. Больше пока нечем.

Оброненная соратником фраза об алмазе насторожила Фофудьина: у него давно уже созрел и даже был частично реализован план использования камня в своих целях: Жу-Жу, уставшая от советского быта и его эстетики, обещала бывшему бурсаку отдаться за алмаз навеки. Только Святослав Рувимович никак не мог взять в толк: эта дамская милость – счастье или кара? Но утереть нос Бомелию он почитал своей первостепенной задачей, с которой никак не мог справиться вот уже несколько десятилетий. А тут – такая оказия. Что станет делать с камнем Жу-Жу, было ему непонятно, но попробовать стоило.

Самому Святославу Рувимовичу красть алмаз было не с руки,

и он подрядил Лангфельда. Исидор долго думал, в чем тут кроется подвох, а потом прямо спросил Фофудьина, зачем тому понадобился камень, и приготовился слушать очередную пафосную фантазию. Ответ соратника потряс Исидора своей кристальной искренностью и легкомыслием. Сюжетец вырисовывался забавный.

После очередного парада на Красной площади вор вывалил на полированную столешницу финского гарнитура Святослава Рувимовича большой сверток, взял в оплату пачку облигаций трехпроцентного займа госбанка СССР и, подмигнув, удалился.

Теперь же, вникнув в предложение Параклисиарха, Святослав Рувимович устыдился своего эгоистического намерения и рискнул сделать Малюте предложение.

– Лондонским про камень говорить нельзя. Они ж не знают, что мы настоящий поперли. Скандал выйдет. Обострение международной обстановки и прочие пироги с дохлятиной…

Малюта подобными категориями не мыслил.

– Да клал я на международную обстановку. Я мир посмотреть хочу, пока он не кончился.

– Сами же себе и противоречите относительно мира, сударь, потому что алмазом как раз его и прикончите. А у меня имеется на примете путь более короткий.

– Практика показывает, что короткая дорога не всегда ведет к цели. Но я готов выслушать.

Параклисиарх пододвинул к себе тарелку с канапе и принялся последовательно отправлять их в рот, складывая разноцветные пластмассовые шпажки аккуратным «колодцем» на салфетке.

– Вы ведь с Иваном Выродковым приятельствуете, правильно?

– Ну «приятельствуем» – это сильно сказано. Как можно приятельствовать с социопатом? Терпим друг друга в силу необходимости.

– Так вот, хочу напомнить, что он ездит по всему миру. А что, если предложить ему алмаз в обмен на его абсорбент?

– Ну возможно, в этом есть резон. Хотя подозреваю, что в случае с легионером дело не в абсорбенте, а в его природе. Он же рожден был воином. Ему на роду было написано топтать чужие огороды и пить кого попало.

– Ну а вдруг все же снадобье какое?

– Можно, конечно, попробовать. Кислее не будет. А как алмаз добудем? Предлагаю обсудить на совете.

Святослав Рувимович малость струхнул, поскольку камень вот уже неделю покоился в недрах его секретера.

– Зачем же беспокоить соратников? – засуетился он. – Я с

Лангфельдом договорюсь, а уж потом преподнесем соратникам сюрприз.

В автоматизированной пивнухе, прозванной в народе «железным Феликсом», Малюта и Фофудьин соблазняли Выродкова алмазом.

– Что я с ним делать буду? – недоумевал легионер.

– Ну как – что? Танков накупишь себе. Хоть всю Таманскую дивизию. Вместе с ракетным полком.

– Мне не нужна техника. Я – автономная боевая единица. – Иван отхлебнул из тяжелой кружки штампованного стекла – гордости заведения – и поморщился.

– Ну не танки… Купи себе… ну не знаю… Оружейную палату Московского Кремля! Там доспехи твои, оружие однополчан…

Тихая грусть затуманила взор Ивана.

– Я бы купил. Да только не пойму, у кого. Но дело даже не в этом. Вам мой рецепт не поможет.

– Ванюш, – лез в душу ласковый Фофудьин, прижимая пухлые ладошки к диафрагме, – ты не горячись. Уж столько терпели… Еще подождем. А ты поразведай среди управделами…

– У Епишки, что ли? – удивился Выродков.

Соратники призадумались. Расклад вырисовывался престранный. В активе имелся самый большой в мире алмаз, и он же – в пассиве, поскольку активировать его не представлялось возможным. Они вдруг осознали, что «засветка» алмаза перед смертной властью могла стоить им свободы и отлучения от Москвы-кормилицы. Продать им никто ничего не мог, поскольку юридически не владел. Невыездные вечные москвичи не имели ни малейшей перспективы воспользоваться богатством. Нужно было срочно решать вопрос с частной собственностью, а для этого перестроить строй в другом порядке и с другими приоритетами. На том и порешили. Святослав Рувимович передумал связываться с Жу-Жу, поскольку выходило себе дороже, и отдал алмаз Лангфельду, попросив вернуть его на место.

– Как вы мне надоели, – вздохнул вор, – то укради алмаз, то положи на место, то в космос запусти…

Последняя фраза сильно зацепила Фофудьина размахом и каверзой затеи, в которой он заподозрил знакомый аптекарский почерк.

Камень вернулся в мавзолей, но ненадолго.

Глава 5
Прибытки и убытки

На расширенном заседании совета безопасности директор Института питания бодро докладывал о концепции сбалансированного питания, разработанной коллективом.

– Концепция оказала решающее влияние на теоретические представления о путях ассимиляции пищи и на решение важнейших практических задач. В частности, на создание новых видов продуктов с оптимальным содержанием факторов питания, предназначенных как для здоровых людей, занимающихся разнообразной профессиональной деятельностью, так и для людей, страдающих различными заболеваниями.

Совет столбенел и не мог надивиться такому иезуитскому подходу. Их категорически не устраивала замена полноценной еды для здоровой плоти какими-то сомнительными «факторами питания». Научный оплот откорма плоти, созданный для решения вполне определенных практических задач, совершенно вышел из-под контроля и в экстазе погрузился в пучину фундаментальных исследований, а есть, между тем, было решительно нечего.

– Плоть должна питаться натуральными продуктами, а не этими вашими «факторами питания»! – возмущался Фофудьин.

– Вы отстали от жизни, уважаемый Святослав Рувимович, – снисходительно улыбался директор. – За границей давным-давно питаются факторами. Это только у нас, отсталых, лаптем щи хлебают. Вы, батенька, за границу бы съездили, посмотрели.

Ошалелые отцы семейств носились вдоль витрин, уставленных пачками костного жира, и спрашивали отворачивающихся продавцов:

– Извините, а что тут едят? Где еда?

Матери семейств жили в очередях. Московская плоть передвигалась по столице с коленкоровыми тележками на колесах: на тот случай, если вдруг где-нибудь перепадет какой-то продукт.

Москва погружалась в хаос. Московское комьюнити находилось на грани дистрофии.

Плоть, остро почуяв неладное, страховалась заговором: «Я не мясо, я не кровь, я обычная морковь».

И заливалась спиртом «Ройял» с разведенным в нем «Инвайтом» для ослабления запаха жженой резины.

Нельзя было допустить, чтобы плоть чувствовала себя морковью. Это непременно скажется самым пагубным образом на

органике. Ибо мысли имеют свойство деформировать материю. Поедаемый москвичами на завтрак, обед и ужин картофель делал плоть рыхлой, юшку – из-за обилия крахмала – киселеобразной, сознание – мрачным. Фофудьин мечтал перевести плоть на ананасы, но те исчезали сразу после пересечения границы. На совещании по безопасности остро стоял вопрос, как быть и что делать с заговоренными морковками – жертвами разложения тоталитаризма и нарождающейся анемичной демократии.

Иногда нетрадиционных потребителей выручала «гуманитарка», присланная нью-йоркским комьюнити, сцедившим юшку со второй волны московской эмиграции. И тогда руководством холдинга ЗАО МОСКВА, образованного из артели «Организованный труд», было принято единственно жизнеспособствующее решение – взяться за перестройку. Кроме того, разругавшись в пух и прах с наглеющим день ото дня руководством Института Того, Чего Нет, члены комьюнити поклялись при первом же удобном случае возобновить там Воспитательный дом с ремесленной школой и непременным хором питомцев.

Еще в восьмидесятых Епифану подфартило напасть на след партийного общака. Дело оказалось весьма трудоемким и хлопотным. Неспроста, ох неспроста окопался в партии лакей! Нет такого холопа, который не мечтал бы стать барином. Ну или хотя бы поживиться за его счет. Под звуки очередного «Лебединого озера» он получил наконец доступ к святая святых – к документам, содержащим номера счетов. Скрытый и тщательно законспирированный даже от низшей номенклатуры сектор абсолютной собственности партии, точнее, – ее верхушки: колоссальные суммы в иностранной валюте, золоте, платине и бриллиантах хранились в сейфах западных банков. Часть этих средств крутилась в западной экономике, вкладывалась в недвижимость и ценные бумаги. Ориентировочно на Западе озвучивалась сумма в сто миллиардов долларов. Переварить такие огромные капиталы втихаря, не засветившись, было невозможно. Заглотившего обязательно бы выдал вздувшийся в одночасье живот. После развала колосса партийный общак должен был официально приплюсоваться к государственному бюджету и пополнить казну на сумму, сопоставимую с несколькими годовыми доходами. Но почему-то не приплюсовался, а исчез в неизвестном направлении. И государственная казна полнилась только долговыми обязательствами перед западными клубами, в которых ни выпить, ни закусить, – в общем, ничего человеческого, а только голый холодный расчет процентов по выданным некогда кредитам.

В августе 1991 года на московский потрескавшийся асфальт посыпались управделами ЦК КПСС. Все они последовательно, один за другим, с криком: «Я трус! Сообщите об этом советскому народу!» – выпадали из окон своих квартир. Как-то подозрительно своевременно и синхронно самоликвидировались эти высшие партийные чиновники, знавшие номера счетов. Среди выпавших из окна оказался и Епифан.

Смотритель больничного морга Семен Кабздоевич Ряжский, которого доктора отчего-то звали обидным словом «Харон», пил в те безотрадные времена «сухого закона» весьма умеренно. Не потому что не хотел, а по причине нелюбви к очередям. Он вообще плохо переносил большое скопление шумной публики. Подведомственный ему контингент лежал тихо, не буянил и не предъявлял претензий. И в тот маетный летний вечер Ряжский был до обидного трезв, поэтому, услышав за спиной шлепающие звуки, сильно удивился. Смотритель точно помнил, что входную дверь он запер на замок. Обернувшись на звук, он увидел вышедшего из покойницкой абсолютно голого гражданина, да притом с номерком на большом пальце правой ноги. Номерок был казенным, и Семен Кабздоевич его тотчас узнал. А потом узнал и гражданина, отчего холостяцкий «тормозок» выпал из его дрогнувших рук на враз похолодевшие колени. Еще утром сей гражданин был, что называется, – «в лепешку», не подлежавшую реанимации. Травма была настолько очевидно не совместимой с жизнью, что несовместимей просто-таки не бывает. Прибывшие в морг люди в штатском отметили это обстоятельство с глубоким удовлетворением. Смотритель морга не без гордости принимал сановного покойника и подтвердил, что тот действительно мертвее мертвого, хотя его мнения никто не спрашивал. Впрочем, за долгую свою службу он навидался всякого. И теперь данный гражданин выглядел, по мнению Ряжского, ничуть не лучше, чем при поступлении, тем не менее он уверенно стоял на своих переломанных ногах, а глаза его, утратившие физиологически допустимую симметрию относительно переносицы, были открыты и смотрели на Семена Кабздоевича пытливо.

– Чего не лежится-то? – тихо спросил Ряжский, отодвигая от края стола журнал поступлений. Черт знает, зачем он это сделал. Должно быть, машинально.

– Чай, не перины тут у вас. Не належишься, – попрекнул Семена голый гражданин. – Да и пора мне.

– Э-э-э… А зачем же своим ходом-то? Придет распоряжение – вынесут.

– И не уговаривайте. Лучше вон чаем угостите. Окоченел

совсем.

Гражданин потянулся через сторожево плечо за стаканом, да так неловко, что, зацепившись одной босой ногой за другую, клюнул Ряжского прямо в шею. Правда, извинился вежливо, отпил из стакана и поморщился. Видать, у них там чай-то погуще заваривали. О том, что произошло дальше, Ряжский вспоминать не любил, не говоря уже об рассказывать. Долго еще в больнице пеняли безвинному смотрителю на беспробудное пьянство и вычитали из его и без того скудного жалованья деньги за утраченную спецодежду, в которой якобы, по уверениям ополоумевшего Ряжского, ушел в ночь покойник, оставив в журнале поступлений собственноручную нецензурную запись о своем выбытии.

А партийные сто миллиардов с подачи вечного главбуха Митрофании были прокачаны через мировую банковскую систему на государственном уровне. Реально на это способны были только две державы: США и Великобритания. Если учесть, мягко говоря, не очень дружественные отношения московского и лондонского комьюнити, то остается только один реальный герой этой эпопеи – Superman. Лояльно настроенное нью-йоркское комьюнити сделало для московских нетрадиционных потребителей все, что было по плечу самой мощной организации. А новая смертная власть продолжала метаться и нанимать для поиска партийного общака подозрительные иностранные конторы, услуги которых при полном фиаско обошлись казне еще в полтора миллиона долларов.

Глава 6
1994 г. Москва, криминальная обстановка

Улице Герцена было возвращено название Большая Никитская в честь вернувшегося в ее лоно Большого Никитоса, чье имя она и носила изначально. Большим Никитосом велел называть себя теперь бывший боярин и бывший монах Никита Романович Захарьин, сдавший пост ответственного секретаря московского потребменьшинства и возглавивший теперь группировку Чертольских, которая крышевала зеленхозы – предприятия по переработке партийных миллиардов. Зеленхозам отряжены были бойцы, обеспечивающие безопасность высадки «зелени» в грунт на потаенных «клумбах» Москвы. «Зелень» должна была прорасти в срок и дать обильный урожай валюты. У крыльца штаб-квартиры московских зеленхозов в Трубниковском переулке топтались с переговорными устройствами опутанные слуховой гарнитурой, словно заминированные, добротно одетые господа и руководили погрузкой и разгрузкой коробок из-под ксерокса. В смысле бумажных денег комьюнити шиковало. Большой Никитос, в эйфории нахлынувшего изобилия, желал заказать себе на обед невиданное блюдо – нобелевского лауреата, да московских в тот год опять не случилось.

И все-таки с органикой дело обстояло не очень. Московская плоть вновь мутировала. Кто был никем, тот становился всем. Как и семьдесят лет назад. И выдавал обманщиков только состав крови. «Белые» и тогда были куда вкуснее и уж точно питательнее «красных».

– Прикинь, – жаловался Бобрище Уару, – братва на раене голодает…

– Постятся, что ли?

– Не, реально! А тут – раз! – такой я, типа… Фрик с плеером.

– И что?

– Одно пиво в крови! И тестостерон, – махнул рукой сокольничий. – Скоро бандитствовать пойдут, – предрек он.

– Радуйся, что мы не мозги пьем. Сколько их утекло… Сами с голоду подохли бы. И чего тебя вообще в спальные районы понесло? Приличный корм только в пределах Садового кольца нынче остался.

– В пределах Садового кольца только и слышно: баксы, факсы… С души воротит. А к хорошему продукту близко не подойдешь – его целый взвод охраняет. Да и стремно, сам знаешь.

От снайперской пули или взрыва никакой взвод не убережет. Пока восстановишься, то, се, в больнице обалдеют, когда кровь на анализ возьмут. Того и гляди – в диссертацию попадешь.

– Какие диссертации, дружище? – пожал плечами Уар. – Доктора нынче в палатках китайщиной торгуют. Хирурги в ночные сторожа подались!

– Заметь, – отозвался сокольничий, – хорошо, что не ночные сторожа – в хирурги. Плоть нынче пробует себя во всем. Дилетанты прорвались во все отрасли.

Бобрище оказался прав: в смысле бандитского беспредела 1994 год стал рекордным. За год по статистике в столице произошло пятьсот заказных убийств. Такой цифры в истории криминального мира еще не было. В столице шла новая бандитская война. Пришлая плоть яростно делила Москву. Невозможно было пообедать в относительно приличном для того времени ресторане, чтобы «на десерт» кого-нибудь не расстреляли за соседним столиком. А уж припарковаться у дорогого авто – и говорить нечего. Опасней, чем стоять под стрелой с подпиленным тросом.

Николенька Трубницкий, сунувшийся было в новую милицию, скоро очумел от вала преступлений и отчаялся везде поспеть и все раскрыть (а кроме него, почти некому было), но пока еще стоял за деревом – за старой липой – при совершении каждого преступления в Москве. Придя в отдел, который он мечтал переименовать из «ОТ-дела» в «К-делу», он заводил очередное «Дело», складывал документы в папку и водружал ее на полку. Шкаф ломился, и очень скоро места в нем не осталось. Тогда он стал использовать все горизонтальные поверхности кабинета, а потом и всего отдела. И вскоре в отдел нельзя было войти. Николенька и не входил больше. А просто переходил от одной старой липы к другой и записывал увиденное стенографическим письмом прямо на коре дерева. Нет такой старой липы в Москве, которая не была бы свидетелем преступлений. И все – исписаны. Зато единственный купленный Большим Никитосом в те годы компьютер достался именно Трубницкому. И дело пошло. Как только память новомодного агрегата иссякала, выходил новый, усовершенствованный. И вновь заполнялся описаниями московских безобразий переходного периода. Если бы компьютер был живым, он навсегда утратил бы веру в человечество и, пожалуй, окончил бы свою жизнь посредством суицида.

На фоне всеобщего дележа и перераспределения сфер московские нетрадиционные потребители поставили перед смертными властями вопрос ребром: немедленно отделить

государство от права. Смертным достается государство в полную и безраздельную собственность, а право переходит к нетрадиционным потребителям. Над проблемой раздела трудился целый Институт Государства и Права.

Московское комьюнити собиралось первым делом узаконить частную собственность, а потом провозгласить курс на защиту соотечественников (москвичей) экономическими и правовыми средствами. А главным основанием такого курса указывало архаичный цивилизационный принцип «общей крови». Такой подход получил горячую поддержку московской плоти с точки зрения региональной безопасности. Но Институт умудрился втихаря так замылить Право, что, когда холдинг ЗАО МОСКВА собрался оформить его приватизацию с последующим акционированием, Право выскользнуло из его рук. Смертная власть живо подставила подол и подхватила Право с целью его приватизации и дальнейшего акционирования.

Правом власть распоряжалась с большим размахом и исключительной изобретательностью. В первую очередь был принят Закон о Свете и отделении его от Тьмы. За некоторое количество денег, разумеется. Далее последовал Закон о Тверди и Мировом океане, вскоре подоспели Закон о небесных светилах, Закон о вольном полете птиц, Закон о молчании рыб, и на этом законотворческая мысль власти иссякла.

Депутаты раззвонили о вот-вот долженствующем случиться благоденствии, буквально, через какие-нибудь сто дней, и Мосоху подумалось, что нарождавшейся национальной идеей и станет «звон». И припомнился ему треснувший в начале века «полиелейный» колокол храма Святых бессребреников Космы и Дамиана, что на Маросейке. В государстве, возведшем «звон» в национальную идею, потребны целые, а не треснувшие «колокола», полагал основатель Москвы, пытаясь сортировать депутатский корпус. Но, как назло, депутаты были все сплошь щербленые. Звон выходил пустой.

Спонсируя многочисленные выборы, московские пили первый десяток кандидатов прямо по партийным спискам, потому что знаменитую фразу «я тебя уважаю, но пить не буду» находили абсурдной.

Над Москвой разносилось эхо парламентских дебатов. Время требовало ярких лидеров. Лидеры требовали паблисити и пиара. Депутат Марычев требовал принять судьбоносное для страны решение о запрете продавать в стенах Госдумы порнографический журнал «Махаон», в котором дискредитируется депутат Жириновский. Жили большими ожиданиями. Вкусы и политические симпатии членов московского комьюнити

разделили его на несколько столов, разнящихся степенью диетичности продукта: одни пили либералов, другие предпочитали консерваторов.

В кулуарах народные избранники фонтанировали идеями обустройства России. Планировали возобновить земства и Дома Трудолюбия, хотя мотив радения о народе все более напоминал «Мурку» – на смену наивной и выспренней интеллигенции в Думу пришли бандиты. Оттуда, с верхов, крышевать бизнес было значительно удобней. Да и депутатские полномочия были необременительны, а привилегии – волшебны. Привилегии потребно было защищать, в первую очередь – от собственных граждан.

Граждане защищали себя сами, как умели. Тексты в газетных колонках происшествий отличались только названием пострадавшего предприятия и количеством фигурантов.

«В среду утром на Преображенском рынке в павильон магазина «Семена» ввалились четверо молодцов и потребовали от заведующей освободить помещение, объяснив ей матерными словами, что оно – помещение – уже давно принадлежит им. Заведующая магазином, устав от бульварного мата, достала ружье и…»

– Нет, ты глянь! – восхищался Бобрище, толкая в бок Уара. – Дамочка устала от мата и достала ружье! И это она еще семенами огурцов торговала, а не героином! А-то бы, глядишь, под прилавком гашетку пулемета ножкой втопила!

Глава 7
Оживление полезных трудов

Первым, у кого пропал интерес к перетаскиванию денег с места на место, стал Бобрище.

Неожиданно ясным апрельским днем, случившимся после долгого ненастного марта, сокольничий катил по текущей ручьями Покровке и подрезал – не по злобе, а из веселой весенней шалости – расплодившиеся в ту пору «Мерседесы 600», доставленные угонщиками в Москву по заказу депутатского корпуса. Сокольничий наматывал круги, размышляя о сущем. Мысли крутились в его кудлатой голове все больше того свойства, что надоела эта сухомятка.

– К людям хочу! Настоящего дела! Плоти горячей! – кричал он под рвущийся из автомагнитолы бодрый попсовый хит, проезжая мимо «Джелторанга», где москвичи любили попивать кофе с пряностями. По веранде индийского ресторана прогуливались голуби, коты с буддийским спокойствием игнорировали сизую пернатую еду, которая, можно сказать, по усам ходила, зато с живым интересом следили за лебедями в оттаявших прудах. Котов Бобрище сторонился, потому в «Джелторанг» не ходил, а ждал клиентов под козырьком станции метро «Комсомольская». Однажды, утомившись ожиданием, сокольничий подпрыгнул, ухватился за козырек, чтобы подтянуться для разминки, и неожиданно обрушил его. Вызванные на разбор завала пожарная часть и милиция не верили рассказу очевидцев. И совершенно напрасно. А недавно сокольничий размечтался отведать худосочных в ту пору московских кришнаитов, совершенно очаровавших его своими песнопениями и ярким нездешним прикидом посреди заплеванного Арбата. Он тогда еще спросил их, не обещают ли им московские власти помещение. И получил исчерпывающий ответ:

– Предложили подземный туалет в переходе.

Бобрище сильно за кришнаитов обиделся. А с другой стороны, чего еще можно было ожидать от безбожной власти?

Весенняя непросыхающая грязь и общая обшарпанность столицы действовали на сокольничего удручающе. Неметеная Покровка вызывала сожаления о ретивых некогда дворниках и о досадной привычке новых московских властей к милым с детства их сердцу баракам и бытовой неустроенности. Увязавшись за облезлым трамваем, позвякивающим вдоль Чистых Прудов, сокольничий вспоминал, что до конца 20-х годов чугунные ворота

все были на местах. При воротах всегда состоял дворник, исправно запиравший их с наступлением сумерек, поэтому припозднившиеся жильцы звонили в дворницкую. Дворник с ворчанием отпирал, и ему давали монетку-другую за беспокойство. И царили, как ему помнилось, чистота и порядок. Впрочем, разные случались времена. Но нынешние как-то уж очень тяготили. От нестерпимой их беспросветности сокольничий затосковал и от этой гложущей тоски предался пьянству.

Однажды, проснувшись к полудню и сгорая от сушняка, он узрел замутненным взором синхронно покачивающиеся силуэты в ногах своего лежбища.

– Мужики, вы кто? – прохрипел сокольничий.

– Мы, анатолии чубайсы, пришли поздравить тебя с белой горячкой! – сказал Уар другу. – И с новым поприщем!

Бобрище протер кулаками глаза и, откинувшись на подушку, спросил сипло:

– Братуха, мы с тобой вчера одни такие пьяные под столом валялись? Мне кажется, я там всю Москву видел…

– Я тебя огорчу, наверное, но под столом валялся ты один. Говорил, что это – лучший вид Москвы. Самый правильный ракурс.

– Черт! Надо было курскую водку с Таганки нести, а не паленый «Наполеон» в ресторане пить.

– Ну Наполеону на роду написано быть в Москве паленым.

Уар взглянул на батарею пустых бутылок у стены и попенял соратнику:

– Пустая тара затягивает в себя мысли, которым можно найти более достойное применение. Я тебе его нашел. Собирайся!

На производстве Бобрище почувствовал почти охотничий азарт. Осталось только засучить рукава, чтобы по локоть погрузить руки в кровь. Это поприще сокольничий счел своим кровным делом. Придя на «МосМясо» в качестве внешнего управляющего, он весьма усовершенствовал процесс. Еще недавно основное сырье – сухая кровь – направлялось на производство животных кормов. Но, находясь перманентно в думах о подрастающем поколении потребителей, Бобрище наладил производство дешевого гематогена. Кроме того, поиск и мобилизация внутренних резервов привели к необходимости рационально использовать отходы производства. На предприятие пришли высококлассные специалисты из бедствующей оборонки, которые умудрялись выжать из костей полудохлых от голода буренок не только костную муку, но и костный жир. И, что было еще удивительней, произвести клей, желатин, а также детское и туалетное мыло. Венцом деятельности сокольничего на поприще

московской мясной промышленности стало производство из отходов сырья лекарственного препарата – лидазы. Куда при этом девалось само мясо, так и оставалось загадкой.

Все эти цирковые трюки он виртуозно проделывал на фоне бедственной обстановки с общепитом в Москве. Дошло до того, что в ресторан «Савой» был приглашен финский повар Кеннет Линдберг со своей рыбой, что позволяло заведению дотягивать стоимость обеда в зеркальном зале, оснащенном фонтаном и увешанном подлинниками произведений искусства, почти до тридцати пяти долларов.

Всех остальных вдруг тоже обуяла жажда деятельности. Исидор Лангфельд неожиданно явил преступную любовь к искусству: выпася «на раёне» мальчонку с дурными наклонностями и пронзительной хрипотцой в голосе, он избавил его от грядущего тюремного бытия, приспособив к исполнению «шансона». Мальчонка быстро освоился на новом поприще и донимал продюсера капризами и жадностью, выказывая при этом мало рвения. Раскручивая будущую «звезду», Лангфельд мстил ему, как умел: обворовывал. Дело в том, что ягодицы «звезды шансона» были накачаны до такой степени спелости, что, когда он поднимался по ступеням шоу-бизнеса, они выталкивали из его заднего кармана портмоне. Ну и подпирающий его с тылу Лангфельд, натурально, не мог справиться с искусом.

Растопчин тоже не удержался от того, чтоб не попробовать себя в бизнесе: снаряжал коробейников. И теперь «канадская оптовая компания» в лице молодых шалопаев из числа нетрадиционных потребителей целый день сновала по офисам и учреждениям, попивая кабинетных работников и впаривая москвичам предметы двадцать восьмой необходимости, да и то – не в этой жизни.

Фофудьину пришлась по сердцу модная концепция устойчивого развития – главным образом заграничным жирным грантом. И он всеми силами пытался воплотить ее в границах ареала обитания, который он мечтал сделать самодостаточным, не забывая при этом о пределах роста, за которыми начинается неконтролируемый процесс, подобный делению раковых клеток. И Святослав Рувимович с энтузиазмом взялся за регулирование процессов, возглавив Фонд «За выживание и развитие человечества».

Мосох свил гнездо меж ветвей власти и аккуратно выклевывал оттуда московскую элитную органику. Действовал он вполне легитимно, в соответствии с текущей тенденцией: нашел ресурсы – и соси их. Но ресурсы эти оказались с сюрпризом – Мосоха стали одолевать галлюцинации. Сильнодействующие

препараты, потребляемые властью, подобно детектору лжи являли ее истинные намерения. Услышав однажды сказанную за трибуной фразу «Нет денег для сева», Мосох разослал на пейджеры своим соратникам сообщение о том, что смертная власть собралась сеять деньги, и дал поручение отследить, когда заколосятся озимые.

После думского обеда власть в клеенчатом фартуке и резиновых перчатках препарировала социум, орудуя нестерильными инструментами. Средний класс, о котором так долго говорили депутаты, оказался средним только по составу крови. Генотип был изрядно попорчен опытами. Надо было срочно что-то делать с популяцией. Смертная власть занялась селекцией. Не умея целенаправленно управлять появлением мутаций, власть совсем уж было собралась обратиться к ведущим генетикам, но обнаружила, что генетики отбыли за рубеж. Кто на ПМЖ – по приглашению ведущих университетов, а кто и в китайские шоп-туры. Тогда власть с присказкой «Не боги горшки обжигают!» самостоятельно вывела нечто и назвала его средним классом. Плод оказался совершенно непригодным к употреблению, да и просто нежизнеспособным. Беспорядочный отбор и скрещивание приводили к различным болезням, поскольку комбинации признаков власть выбирала по собственному усмотрению, подразумевая в итоге получение высоких надоев при слабом вскармливании. Уродец зачах прямо в колбе. Власть утешала народ тем, что отрицательный результат – это тоже результат.

Московское потребменьшинство, связывавшее большие гастрономические надежды с появлением среднего класса, инициировало сооружение памятника жертвам отрицательного результата опытов. Поскольку любой новый памятник – отличный позитивный инфоповод, власть заказала изделие Михаилу Шемякину, и вскоре его творение появилось на Болотной площади. Элизий Бомелий почувствовал себя отмщенным.

На фоне общего ухудшения здоровья у москвичей проявилось расстройство зрения и слуха, особенно при просмотре теленовостей, и они потянулись к знахарям. Бомелий велел именовать себя целителем, лечил московскую плоть портретом Кашпировского и рекламировал чудотворные вклады.

Параклисиарх отрядил сам себя на позиции информационного бизнеса. Спрос на конфиденциальную информацию рос как на дрожжах. Бизнесмены хотели отслеживать, что происходит у конкурентов и партнеров. Политики желали знать, что затевают оппоненты, да и товарищи по партии. Информация стоила приличных, а иногда и

неприличных денег. А могла бы стоить и жизни, если бы Малюта был простым смертным. Сезон охоты за информацией был открыт круглый год. Арсенал средств ее добычи совершенствовался со скоростью, которая не снилась «Росвооружению», исповедующему ныне доктрину «Прощай, оружие!» А тем временем на не обремененное рефлексиями и пацифизмом московское комьюнити работал целый завод «Спецприбор». Оборудование, которое раньше было по карману только державам, теперь поступало в распоряжение информационного подразделения холдинга ЗАО МОСКВА и распродавалось нуждающимся.

В сером здании на Знаменке, куда Параклисиарх заехал по служебной надобности, из чисто патриотических побуждений желая снабдить отечественные вооруженные силы новейшим оборудованием слежения, было малолюдно. Пройдя прохладными коридорами к финансистам, он столкнулся в дверях с молодым человеком в подозрительных джинсах, сетчатой майке и красно-желто-зеленой вязаной шапочке а-ля Боб Марли.

– Что это? – поморщившись, спросил Малюта обитателей кабинета.

– Не «что», а совладелец Северной верфи, – ответили ему.

– Дожили… – подивился Параклисиарх столь экзотическому виду пришельца в здешних строгих стенах и позволил себе уточнить: – Так верфь-то ведь в Питере?

– Верфь-то в Питере. А деньги-то в Москве…

Мало нам лондонских, подумал с раздражением глава службы безопасности московского потребменьшинства, так теперь еще и Питер Москву пить навострится.

– С чем пожаловали? – поинтересовались хозяева кабинета.

– С радиоэлектронным комплексом. Не только ловит, но и дешифрует любой кодированный сигнал. Покрывает территорию одного полушария.

– Ну что ж вы недоработали? Нам как раз другое полушарие слушать надо.

– Так это же только вопрос размещения! Поставите на Кубе.

– Зачем нам второй Карибский кризис?

– Это же не ракеты. Просто будете все знать.

– Видите ли, уважаемый, все знать – очень хлопотно.

– Да почему же?

– Потому что реагировать на информацию придется. Решения, знаете ли, принимать. А потом еще и отвечать за них, за решения эти. Куда как спокойней ничего не знать!

– Так не вам же реагировать. А комплекс стоит гораздо дороже любых ракет. Поэтому ваши тридцать процентов в абсолютном значении выглядят очень привлекательно.

– Это меняет дело. Испытания проводили?

– Так точно!

– Что удалось услышать?

– Вероятный противник обсуждает информацию о том, что специалисты КБ «Рубин» с голодухи монтируют колумбийским наркобаронам узлы мини-подлодок для переправки зелья.

– Врут, негодяи! Сами тендер проиграли, вот и клевещут от зависти. Или дешифровщик ваш, сука, запил!

– Дешифрует программа. Программа водку пить не может…

Покинув учреждение, Малюта связался с Растопчиным:

– Федор Васильич, следите за рекламой: как Генштаб на продажу выставят, так и покупайте.

Вершиной деятельности Ивана Выродкова на поприще возрождения бизнеса стала перевозка подержанных нью-йоркским комьюнити автомобилей на отечественных авианосцах, еще недопроданных на иголки и выходящих на боевое дежурство на топливе, закупленном для них московскими нетрадиционными потребителями в виде бартерного взаимозачета. Иван решился на этот шаг не выгоды для, а исключительно с целью поддержания российского флота на плаву.

Царевич взялся за телевидение. Поделив с БАБсом акции Главного канала, он затеял реорганизацию. Полистав проекты, скривился от оскомины, причиной которой стал блок передач под названием «Старая Москва». Он прекрасно понимал, что зрители жаждут нового: скандальных разоблачений и сладких перспектив. Всем захотелось делать телевидение. Возникшие было альтернативные телекомпании, пробавляющиеся по причине малых средств ретрансляцией канала «Дискавери», потянулись к матке с целью прильнуть и подкормиться. Директора каналов приносили амбициозные предложения о сотрудничестве, в которых оговаривалась их творческая независимость от того, сколько они отопьют из корыта Главного канала.

– Какая-такая «творческая независимость»? – удивлялся Уар, читая документ, принесенный очередным соискателем халявного бабла. – Твой канал как ни включишь, у тебя там то муравьи трахаются, то носороги. Чем спонсора привлекать?

– Так этим самым… и привлекать… животным миром… – прятал глаза смущенный соискатель.

– Знаешь, Вася (Петя, Лена), вот если бы у тебя там публичные люди этим занимались, то спонсоры, пожалуй, сами бы стучали в фанерную дверь твоего подвала в Нижних Бобырях.

В глазах соискателей, выходивших из кабинета Уара, секретарши подмечали напряженную работу мысли. Спустя неделю от соискателя следовал звонок.

– А не могли бы вы нам камеру VHS и несколько кассет одолжить?

Москва говорила и показывала.

Впрочем, это публичное и излишне суетное поприще быстро утомило царевича. Он продал свою долю акций БАБсу и шиковал в появляющихся там и сям московских ночных клубах, убранством более походивших в те времена на средней руки бордели, в которые стекалась позолоченная сановными родителями молодежь столицы.

К Митрофании тянулась бесконечная очередь прожектеров в дорогих, но кем-то уже изрядно поношенных костюмах, в золотом «роллексе» и в туфлях на босу ногу. Сии господа приносили якобы миллиардные сделки, при этом просили оплатить их постой в третьеразрядной гостинице, а при отказе поминали Рентгена, которому не верящий в успех дела банкир отказал в десяти тысячах на изготовление аппарата. И ой как прогадал!

Бомелий пенял членам комьюнити на их досадное чистоплюйство, из-за которого они упустили такой важный, не охваченный попечением сектор московской экономики, как рынки. Но желающих, при всей очевидной выгоде, все же не находилось – по причине несъедобности тамошней иногородней плоти. Самого же Вечного Принца, как любил называть себя Бомелий, одолел бес азарта.

– Говорят, наш аптекарь играет в казино, – слил Малюте неприятеля Фофудьин.

– Что, на деньги? – насторожился тот.

– Нет, на щелбаны! Ну что вы, право, дурацкие вопросы задаете, голубчик?

– Совсем не дурацкие. Я его вчера как раз с сотрясением мозга домой доставил.

– А! Так это не от казино. Это – Митрофания его. Как раз – за азартные игры. И Лангфельда там тоже видели. Комсомольские взносы спускает.

– А говорил, что ваучеров на них накупил…

– Так одно другому не мешает. Видать, все ваучеры уже скупил, а взносы никак не кончатся.

Революционные преобразования не считались с границами. Какое поле ни возьмется возделывать плоть, оно рано или поздно станет полем брани. 1994 год был ознаменован первой серьезной бранью на новом поле – в Интернете. Шестого апреля мировые информационные агентства с удивлением сообщили, что ракетой «земля – воздух» сбит самолет, в котором находился президент Руанды Жювеналь Хабияримана. Обломки самолета упали на территории, находившейся под контролем племени тутси, а

президент Руанды принадлежал к племени хуту. Это вызвало острейший конфликт между двумя племенами, в результате которого погибло более восьмисот тысяч руандийцев и около миллиона бежали из страны. Седьмого апреля руандийцам, понятное дело, стало не до Интернета, и в этот день Россия смогла наконец зарегистрировать национальный домен верхнего уровня для России – ru, который оспаривала у Руанды. Мосох же полагал, что более гуманным было бы просто переименовать государство Руанду за небольшие деньги. В рядах комьюнити ходили слухи, что это ФИДОшники наняли Ивана Выродкова и он решил вопрос как умел.

Глава 8
Сгущаются тучи

Смертная власть успехов не прощала. Конференц-сервис в те времена еще не был столь распространен, как ныне, по причине отсутствия в Москве малых залов и флипчартов. В пыльной библиотеке мрачного серого здания, известного как бывший Институт марксизма-ленинизма, давно не ступала нога человека. Параклисиарх проводил здесь летучку, обозначенную в заявке руководству как лекторий. С 1931 года в этих стенах трудились ученые на ниве развития марксистской теории. Но развить ее, несмотря на многодесятилетние усилия коллектива, так и не удалось. Очевидно, основоположник сказал по этому поводу все возможное. Или же имел в виду нечто совсем иное, а не то, что получилось в результате революции и строительства социализма. Поэтому ученых с наступлением перестройки разогнали, а здание с той поры являло собой гробницу почивших теорий. В нем едва жива была еще эта самая библиотека, хранившая тома классиков революционной прозы.

Большой Никитос пребывал в недоумении, отчего это ему в последнее время стала сниться пагода. На летучке руководитель Чертольской группировки жаловался царевичу:

– Понимаете ли, дом такой китайский, – шептал он, – одна крыша, над ней другая, над той третья и так до самого неба – крыши, крыши, крыши одна над другой… И стоит эта пагода тут, в Москве у нас. И адрес на штатном месте: «Охотный ряд, 1». То есть на месте здания Государственной Думы. Может, это я их сон вижу – депутатский?

«При чем тут китайцы?» – подумал Уар.

– Никита Романович, вы бы наведались в Думу, послушали, о чем там говорят. Мало ли…

И тут ушей собеседников достиг голос Параклисиарха:

– Дума прислала факс. Предлагают нам свою «крышу».

– Позвольте! – возмутился Фофудьин, – да мы сами кому хочешь – «крыша»!

– Получается, что над каждой «крышей» может сложиться другая, более высокая «крыша», – размышлял Малюта вслух. – Такие настали времена.

Все посмотрели на Мосоха. Статус позволял родоначальнику посетить заседание Думы лично – послушать «терки». Ему частенько случалось туда наведываться – с целью подкормиться. Но слушать думские дебаты ему и в голову не приходило. И вот

теперь довелось. Машина была подана к подъезду, и патриарха проводили.

Летучка прервалась на кофе-брейк, который проходил скучно: буфет Института марксизма-ленинизма изысками не изобиловал.

Растопчин подсел к легионеру с газеткой, в которой среди объявлений «Обналичиваем» и «Киллер. Недорого!» фломастером было обведено сообщение о продаже богатого золотого прииска в Туруханском крае.

– Вот же как бездарно и неэффективно проводили там время сосланные революционеры! – посетовал Выродков, краем глаза скользнув по объявлению. – А могли бы озолотиться, если бы физическим трудом не брезговали. Не пришлось бы Алмазный фонд и Гохран распродавать на вес.

– Купи, Ваня, прииск! Купи! – воодушевился Растопчин. – Я тебе денег ссужу! – соблазнял «дикого гуся» граф. – Ведь никто, кроме тебя, выехать туда не может! Что ж добру-то пропадать?

– И не просите! – решительно отказал Выродков. – Вы сами не знаете, о чем просите. Золотая промышленность сейчас у нас – обвально убыточна. Затраты на добычу вдвое превышают продажную цену золота.

– Да как же это? – изумлялся граф. – Всегда ведь выгодно было. Золото же, а не хухры-мухры…

– Продажная цена золота ограничивается фиксингом Лондонской биржи металлов, – объяснил Иван.

– И тут изловчились – нагадили! – сердился Растопчин и мечтал спалить Лондонскую биржу, которая работала даже под бомбами во время Второй мировой войны, только торги были перенесены в подвал, в подполье.

Нетрадиционные потребители томились, но не расходились. Ждали вестей от Мосоха.

– А где этот ваш… певун? – обратится Фофудьин к Лангфельду. – Развлек бы.

– Улетел, – вздохнул продюсер.

– Позвольте, как улетел?

– Как-как… Я его слишком сильно раскрутил. Он и сорвался.

– С пальца сорвался? – полюбопытствовал Бобрище.

– С внутренней оси. Сорвался и улетел.

– Надо было на резьбу посадить, – покачал головой сокольничий.

– Самое обидное, что я уже с симфоническим оркестром МВД договорился, арендовал под мальца эту… малину… как, бишь, ее?.. А! Кремлевский Дворец съездов. И даже декорировал его под зону. Вы представить себе не можете, как дорого нынче декорации обходятся! Почти как новый дворец построить.

Пенопласт крашеный – дороже каррарского мрамора.

Наконец вернулся Мосох. Был он чернее тучи и, хмуря кустистые сивые брови, приступил к допросу:

– Кто нанял этих бабуинов?

– Вы о депутатах? – уточнил Фофудьин. – Так это извольте получить народное волеизвержение… волеизъязвление… тьфуты… волеизъявление…

– Говорите проще, Святослав Рувимович!

– Народ явил волю…

– Какая же она страшная… – поразился Мосох. И, вздохнув, добавил: – Я о нашей «крыше».

– Они еще пожалеют о своем предложении. – Параклисиарх мрачно улыбнулся. – А пока сделаем вид, что принимаем. Придется некоторое время пользоваться услугами этого гоп-стоп сервиса. Они не до конца понимают, на кого наехали.

– Я протестую! – подал голос Бомелий. – Сначала – эти, потом исполнительная власть захочет.

– Уже захотела, – подтвердила предположение Вечного Принца Митрофания. – Тридцать процентов. Не меньше!

– Вот это номер! – заерзал Фофудьин. – Так недолго и без штанов остаться.

Акционеры возмущенно загалдели и постановили: «крышам» отказать!

– Отомстят! – предупредил Малюта. – Как пить дать… даже не сомневайтесь… Будьте готовы.

– Всегда готовы! – ответили московские нетрадиционные потребители.

Часть третья
Алмазная лихорадка

Глава 1
Предательство

БАБс любил эксклюзив. Причем самый эксклюзивный эксклюзив. Прослышав от знающих людей во власти о существовании московского комьюнити, он решил, что вполне достоин пользоваться плодами его трудов и зонами рекреации. Собственно, получить доступ к любым VIP-зонам ему не стоило ничего, кроме денег. А деньги у БАБса имелись. У кого же еще, если не у него? Но пока комьюнити раздумывало над ***доподлиннымприобщением*** сего господина, Фофудьин, не удержавшись, а может, имея дальние планы и не доверяя «инициативщикам», отпил БАБСа на одной из великосветских вечеринок, сделав невозможным его последующее ***приобщение***: хоть раз отпитый – навсегда терял возможность приобщиться. Но факт сей из трусости скрыл от соратников.

Под нажимом Бомелия Совет безопасности одобрил кандидатуру неофита и торжественно провел процедуру ***доподлинного приобщения***.

Проснувшись на следующий день, БАБс позавтракал плотно и стал ждать, когда же ему захочется отпить крови москвичей. В кругах, где вращался сей господин, ассортимент был велик. Но желания не возникало. К концу недели БАБс решил, что комьюнисты его надули самым примитивным образом, как распространители гербалайфа, или же они сами никакие не вампиры, а поклонники ролевых игр. Странным было только то, что московские теперь делились с БАБсом информацией, считая его своим, а он был совершенно свободен в своих перемещениях и не испытывал зависимости от московской плоти. Выяснять отношения он не спешил – такая ситуация была ему пока на руку.

– Старик, ты не представляешь, как достали эти смертные урки, – делился БАБс с Никитой Захарьиным в СПА на Покровке, где в золотой процедурной их покрывали сусальным золотом.

Воздействие кисточек понемногу вводило клиентов в транс и развязывало языки. И если смертные говорили, что не со всяким пойдешь в разведку, то члены комьюнити очень осторожно относились к выбору партнера по этой процедуре. А принимать золотое обертывание одному было скучно – хотелось, чтобы кто-то увидел тебя золотым и сияющим. Но эта причина тщательно скрывалась комьюнистами даже от самих себя.

– Так не водитесь с ними, – отвечал уже изрядно позолоченный Большой Никитос. – Не следует подпускать к себе

смертную власть близко. Не ровен час соскоблит с нас все золото. Не оголодав даже, а от ненасытности. Я вон сыт, так меня даже алмазом на их мавзолей не заманишь. Даже самым большим в мире.

– Старик, самый большой алмаз – не в мавзолее, а в короне и скипетре британских монархов. Распиленный, – ответил просвещенный оппонент.

– Это они так думают, – хмыкнул Большой Никитос. – Кто ж им позволил бы самый крупный алмаз пилить, чтобы цацки из него делать? Эдуард тот, прямо как баба: если на себя нацепить нельзя, то это вроде и не ценность. Ну пусть теперь в подмене красуются. А как пыжатся-то! Мы просто помираем со смеху, когда этих монархов британских с их символами власти показывают по телевизору.

БАБс на некоторое время лишился дара речи. Соображал он очень быстро, поэтому и жив был. Ему не нужно было намекать на обстоятельства дважды. Но то, что он сейчас услышал, резко меняло картину мира.

– Как же это они так лоханулись? – потрясенно спросил он.

– Да по укурке… – засмеялся Никитос.

– Так они что – до сих пор не в курсе? – БАБс никак не мог поверить в свою удачу.

– Откуда? Это же наша Главная Тайна! Только – молчок! – спохватился вдруг Никитос, осознав, что сболтнул лишнее. – Обещаешь?

– Обещаю! – заверил собеседник.

– Зуб даешь? – подстраховывался бывший секретарь.

– А так ты мне не веришь? – оскорбленно вскинул бровь БАБс.

– Ну смотри у меня! – Никитос погрозил БАБсу пальцем.

Кто только БАБсу не грозил! И отнюдь не пальцем. Не далее как в мае он едва не погиб, выезжая из ворот особняка на Новокузнецкой, от взрыва припаркованного у тротуара автомобиля. Радиоуправляемая мина направленного действия, по заключению экспертов-взрывотехников, обладала силой не менее пяти килограммов в тротиловом эквиваленте, к тому же имела начинку из металлических шариков. Радиус разлета осколков составил сто пятьдесят метров. Водитель «Мерседеса» скончался на месте, охранник оказался ранен, а сам БАБс получил резаные раны лица и термические ожоги. В Москве становилось жарко.

Разбрасываться информацией – это один из видов «распальцовки», подумал БАБс, поглядывая на разомлевшего позолоченного Большого Никитоса, и упрятал полученные сведения в дальний ящичек памяти. Авось пригодится. Но источник утечки был в теперешнем раскладе лишним.

Очень скоро, воспользовавшись тем обстоятельством, что руководитель Чертольской группировки отсосал из бюджета средства на программу компьютеризации всей страны, а потом бездарно и некреативно обналичил их через оффшор, БАБс слил эту информацию заинтересованным структурам. Выяснив, что Большой Никитос не удосужился поделиться с кем следует, следственные органы привлекли его к ответственности, потому что факты в виде отсутствия компьютеризации были налицо. И несмотря на то, что Никитос полагал, что с фактами можно и нужно бороться, ему впаяли ради хохмы пожизненный срок, отбывать который, в виде исключения, назначили в «Матросской тишине», где он и остался на вечные времена.

– Хорошо, что не к смертной казни приговорили, – ворчал Мосох, собирая сидельцу передачу, – а то бы имели они перманентный аттракцион!

– Ошельмовали, опорочили! – бился в застенках Большой Никитос, но вскоре затих, подсел на интеллигентных сокамерников, проходящих по экономическим статьям, и успокоился. И даже зажил с комфортом. Попросил только передать ему бескозырку и гюйс. С тех пор и несет бессменную вахту вечный матрос линкора «Матросская тишина».

Москва уже горела под ногами БАБСа, и он стал готовить себе «запасной аэродром». Он давно понял, что трюк с ***доподлинным приобщением*** по какой-то причине не сработал, о чем московское комьюнити оставалось в неведении. Не до того им, видать, было.

И вот настало в его жизни такое лютое время, которое, пожалуй, он едва мог выносить. Желая заручиться поддержкой против новых смертных властей и обеспечить себе проживание в Лондоне, где его никто не достанет, БАБс сдал лондонскому комьюнити инфу о месте хранения алмаза, оговорив, что продает информацию о камне за паспорт беженца.

Такого стыда лондонскому комьюнити не доводилось испытывать никогда. Лучшие силы были брошены на разработку операции по возвращению алмаза в Лондон. Времена были таковы, что Россию раскупали вагонами. Знай грузи. Плати деньги – и вывози. Но место схрона алмаза было уж очень заметным. Мавзолей торчал на самом виду, в самом центре, как оголенный пуп распутницы-Москвы. Пуп охранялся вооруженным караулом, на зрелище торжественной смены которого стекались туристы. Оставалась призрачная надежда, что московская плоть рано или поздно захоронит мумифицированного вождя революции и охрану уберут. Но терпеть позор долее лондонские не хотели. Нагло стыренный алмаз стучал в их сердца.

Предъявлять претензии на правительственном уровне было позором, который британским монархам, более ста лет носившим в короне и скипетре подмену, просто не пережить. Поэтому лондонское комьюнити поначалу не поставило монарший дом в известность.

Глава 2
Мумия

В конце лета фарфоровый Герцен, живший в настенных часах Параклисиарха, известил о новой шифрограмме. От резидента поступила новость, ужаснувшая московских нетрадиционных потребителей: лондонские прознали о подмене и собираются выкрасть алмаз из мавзолея. С этой целью они готовят переброску в Москву диверсанта.

В выбранной из соображений конспирации конченой забегаловке, притулившейся в одной из подворотен Замоскворечья, заседали московские нетрадиционные потребители. Забегаловка по этому случаю была закрыта «на спецобслуживание». Безофисные предприниматели, привыкшие проводить здесь рабочие будни и переговоры подальше от ушей органов, осуществлявших надзор за денежными потоками, перемещавшимися окольными путями, толклись у порога и скреблись в железную, заляпанную грязью дверь.

За сдвинутыми колченогими столиками кипел объединенный разум московского комьюнити, возмущенный тревожным известием.

Фофудьин – исчадие бурсы – зажалел мумифицированного вождя:

– Выкинет ведь, шельмец, коли доберется. Чисто по-христиански возьмет и выкинет. Христианам не дозволено мумиям поклоняться. Только мощам. А у нас что ни день, то – очередь.

Сочувствующих мумифицированному вождю в аудитории более не нашлось.

– Мумии, мощи – один черт – хоррор… – поежился Уар. – Отчего смертные так на хоррор падки? Полагаю, нездоровое любопытство это.

– Кстати, о мумиях, – ни к селу ни к городу вдруг вспомнил Бобрище, – видел утром на Киевском вокзале, как хохлы продавали мумию, якобы из Тернопольской пирамиды.

Ах, что только ни продавали в те годы на московских вокзалах! В том числе и сами вокзалы.

– Ну и что ж ты не купил? – засмеялся Уар.

– А на кой она мне? – пожал могучими плечами сокольничий.

В голове Параклисиарха созрел план.

– Поезжайте на вокзал. Если этих продавцов еще не забрала милиция, купите у них мумию.

– А если мумию уже менты пользуют?

– Тогда действуйте по обстановке.

В вокзальной милиции пахло, как и на всем вокзале, – мочой и застарелыми окурками. Дежурный наряд с сосредоточенными лицами сидел за подростковым письменным столом с незакрывающейся дверцей тумбы, из которой свисало подозрительное барахло. Пили чай. А может быть, и не чай, но в стаканы исправно дули, возможно отгоняя чаинки от ближнего борта. Уару пришло на ум, что милиционеры исповедуют дзен-буддизм и прислушиваются к шуму рассекаемой чаинками волны, хотя нельзя было исключить, что они слушали, как растворяется в стаканах железнодорожный рафинированный сахар.

Водруженная на сейф мумия скособочилась и медленно клонилась к столу.

– Приятного аппетита! – принялся налаживать контакт Уар.

– Чего вам? – напряглись милиционеры, не верящие в добрые намерения граждан.

– Нам бы мумию забрать.

– Чего это?

– Так наша она. В поезде забыли.

– Ага, вы ее забыли, а она слонялась по вагонам и втирала пассажирам, что сама она не местная. Будто по ней не видно…

– Это – не она, а он, – вдруг сказал Бобрище. – Кобель. То есть мальчик.

Дежурный наряд повернул головы к мумии и тщательно обследовал взглядом область гипотетических признаков пола.

– Так бинтовали же на совесть, – пояснил Бобрище.

Стражи порядка сочувственно покачали головами.

– Дрессированный, что ли? Побираетесь?

– Господь с вами! Киношники мы, – нашелся Уар. – С киностудии «Нетрадисьон-филм». Отдайте, пожалуйста, реквизит. У нас… э-э-э… съемочный процесс стоит.

– Ну ты скажи! – развеселились милиционеры. – И у этих стоит. У всех что-нибудь стоит, а мумия дрессированная – одна.

Стало понятно, что объект можно изъять за деньги.

– А что значит – дрессированная? – вдруг обеспокоенно поинтересовался Уар.

– А то и значит, что говорящая. Только по-украински размовляет.

– И что же, она, то есть он, говорит?

– Да много чего. На жизнь в основном жалуется. Ну и прикидывается сиротой тернопольской, как водится: «Раскопа-а-али, припё-о-орли… без денег, без курева…» Хохлы при ней тоже

ваши? А то мы их в черные копатели определили. Статья такая имеется.

– Не-не! Хохлы не наши. Хохлы теперь нэзалэжные. Мы просто в поезде реквизит забыли. А уж кто нашел, не знаем – не ведаем…

Клонящаяся на правый бок мумия наконец завершила траекторию, согласно законам физики, на полу у письменного стола, ногой смахнув с него стакан.

– Ёшкин кот! – высказался один из милиционеров.

Неожиданно «мумия-мальчик» поднялся, достал из тумбы припрятанный милиционерами шкалик, и, открутив крышку, плеснул водку в подобранный с полу стакан. Махнул одним глотком.

– Мальчик, говорите? – усомнились милиционеры. – А водку жрет по-взрослому…

– Издержки переходного возраста, – пояснил Уар.

Мумия поскреб ушибленный бок, с которого тотчас осыпался налипший мусор, и, прихватив свою торбу, пошел к выходу.

– Эй! Гражданин! А документики? А протокол задержания? – опомнились милиционеры, но удовлетворились стодолларовой купюрой, сунутой им Уаром, и пошли к грубо сваренному металлическому ларьку с надписью «Foreing exchange» – менять на две по пятьдесят.

Нежно завернув мумию в прихваченное покрывало, Бобрище аккуратно устроил реквизит в багажник своего Porsche.

Глава 3
Вражеский рейд

Секретный диверсант лондонских – простой сквайр и выдающийся полководец Оливер Кромвель, ***приобщенный*** своим тестем-меховщиком ***доподлинно***, высадился из аэропортовского автобуса, доставлявшего пассажиров от лайнера к залу прибытия. Получив свой нехитрый багаж с мушкетом и мешочком пудры жемчужного пороха, со сменой белья и бутылками питьевой воды, взятой по причине известной скверной экологии Москвы, сквайр был тут же сметен толпами потных «челноков» со стамбульского и пекинского рейсов, вернувшихся из очередного шоп-тура с чудовищной поклажей. Сметен и затоптан. Дальнейшее пребывание сего достойного джентльмена в Москве ограничилось на долгие месяцы клиникой им. Склифосовского. Доктора, исследовавшие организм пострадавшего сквайра, который, надо вам напомнить, после смерти был извлечен из могилы, повешен, а затем и четвертован за измену трону, пребывали в большом недоумении и, как могли, затягивали выписку, собирая удивительный материал для своих диссертаций. Лондонские были в ярости и немедленно приступили к реализации резервного плана.

Каких только миссионеров ни повидала в те годы Москва: адвентисты Седьмого дня, Свидетели Иеговы и прочая и прочая братия стучалась в двери частных квартир и проповедовала в ветшающих залах кинотеатров. Московская изголодавшаяся, разуверившаяся плоть слушала всех подряд.

Поскольку дело представлялось неотложным, лондонские снарядили в Москву святого Патрика, пристроив его к группе чернокожих американских миссионерок, передающих благие вести посредством спиричуэлс – духовных песнопений, представляющих собой джазовые и блюзовые композиции. Патрику потребовался грим, в результате чего его лик абсолютно слился с сутаной. Ничего предосудительного в этом преображении Патрик не находил, поскольку по молодости ***приобщил*** ненароком к истинной вере Нигерию, обретя нечаянный статус ее покровителя наряду с Ирландией. Святой рассчитывал, что по прибытии ему удастся потихоньку отстать от совершенно ненужной ему в дальнейшем компании, но первую псалмодию истовые и усердные попутчицы завели прямо в аэропорту, собрав вокруг себя плотную толпу любопытствующих

пассажиров с отложенных рейсов. Патрик не любил джаз даже слушать, а не то что исполнять. Да и к соответствующим телодвижениям его стати не были приспособлены. Он, не отрываясь, следил за вихляющими бедрами и подрагивающими ягодицами проповедниц и пытался вписаться в алгоритм, не впав при этом в грех мысленного прелюбодеяния.

Взяв добровольное шефство над волонтером, афроамериканские проповедницы заботливо следили, чтобы он не потерялся в Москве: стучали в дверь туалета, если он подолгу не выходил, ждали у сувенирных киосков, опекали в гостинице, где Патрику приходилось особенно туго. Во-первых, в гостиницах начисто отсутствовали заглушки для раковин, а во-вторых, легкий нрав миссионерок подвергал его еженощному искусу. Чтобы не вводить святого в грех, миссионерки взяли ответственность на себя, и после продолжительных оргий танцы под псалмодии стали выходить у Патрика значительно лучше. Однажды, будучи приглашенным в составе миссии на офисную пьянку свежевылупившейся московской бизнес-элиты, принявшей проповедниц за гастролирующую американскую музыкальную группу, Патрик увидел на пальце хозяйки приема увесистый бриллиант и вспомнил наконец о возложенной на него миссии: за чем, собственно, он приехал в Москву.

С трудом ускользнув от миссионерок, отбившись по дороге от цыган, скинхедов и таксистов при полном попустительстве и невмешательстве милиции, святой Патрик, изрядно обобранный и с пробитой в трех местах черепной коробкой, криво заклеенной теперь скотчем, добрался до Красной площади вконец вымотанным. Заслуженный и результативный миссионер, в совершенстве владевший техникой нейролингвистического программирования, вплоть до гипноза, поздней ночью подошел к караулу у мавзолея. Но оказалось, что караул по-английски не понимает. И тогда святой Патрик поднял правую руку и, покачивая ею из стороны в сторону, как метроном, стал внушать солдатам:

«Помаши маме ручкой, помаши маме ручкой…»

Караул уснул стоя. Патрик достал фомку и, поковырявшись, открыл массивную дверь. Внутри было накурено. Эта странность заставила Патрика насторожиться. Скурят они своего вождя, подумал он. Дикие люди – ни бога, ни кумира в головах. Патрик продвигался в глубь мавзолея на цыпочках, мелкими шажками, и вдруг услышал явственно:

– Хто там? Зачинить двері, будь ласка! Протягає! У мене ішіас!

От представшей его взору картины святой замер, осенив себя

крестным знамением. На самом деле он давно забыл, как это делается, но моторика не подвела.

На крышке саркофага сидела мумия и курила что-то вроде самокрутки.

«И этому поклонялась целая нация?» – подумал Патрик с изумлением.

– Махорочкою не побалуєте? – спросила мумия.

«Гадкий какой», – подумал с отвращением Патрик. Святой отсыпал в протянутую руку мумии горсть сушеного трилистника и заметил наставительно:

– Курить вредно.

– Мені? Пан не шутит? – искренне удивилась мумия.

Патрик лихорадочно соображал, что делать с этой образиной. Применять гипноз не имело смысла, поскольку даже глаз мумии не было видно. Вступать в прения – бессмысленно.

– На себе подывись, макака иерейская! – неполиткорректно ответила мумия мыслепосылу Патрика, обидевшись на «образину».

И тогда святой Патрик вынул из-под сутаны бейсбольную биту, купленную в сувенирном лотке на подходе к Красной площади, – самый надежный инструмент практикующего миссионера, последний аргумент в дебатах о свободе совести. Надпись на бите гласила «Москва златоглавая». Патрик тогда еще подумал, что члены московского комьюнити с жиру бесятся – головы золотом покрывают. Но зачем об этом на битах писать? Только плоть раздражать своими забавами.

Мумии бита явно не понравилась. Повозившись в тряпичной торбе и достав из ее недр старый табельный ТТ, прихваченный в вокзальной милиции, Мумия на глазах у Патрика зарядил его серебряными пулями и навел ствол. Патрик опустил биту.

– Может, договоримся? – спросил он, сообразив, что Мумия – не вампир. Вампиры никогда не возьмут в руки серебро.

Мумия кивком одобрил конструктивный подход, но ТТ не убрал.

– Що пан має запропонувати? (Что господин имеет предложить?)

Патрик полез в карман и вынул жвачку, банку пива «Гиннесс», магнитики с видами Лондона.

Мумия кивнул и спросил:

– Що пан бажає в обмін? (Что господин желает в обмен?) – и достал из торбы луковицу, краюшку ржаного хлеба, сало, завернутое в тряпицу, и три початые бутылки горилки с перцем.

Ответ был явно асимметричным. И вообще, Патрика вся эта белибердень начинала раздражать. К тому же он точно не знал,

как долго будет в отрубе караул.

– Мне бы камень. – Патрик потыкал вверх указательным пальцем.

– Мм? А ваша Галю балувана! – покачал головой Мумия, наслушавшийся анекдотов в киевском поезде.

Расстелив на саркофаге газетку «Спид-инфо», нежданный-негаданный хранитель алмаза звякнул стопками, разлил горилку и сказал, шматуя сало швейцарским перочинным ножичком Древних Укров:

– Домовилися, гаразд, згоден. А потім пивом заполіруем консенсус! – и поболтал баночку «Гиннесса».

Святой Патрик отродясь в рот не брал спиртного. Он вообще много чего не делал до посещения Москвы, но альтернатива в виде серебряной пули кого хочешь обратит к познанию.

Утром Уар с сокольничим сдавали пьяного до беспамятства святого Патрика в Шереметьево на рейс до Глазго. У стойки регистрации миссионер пришел в себя и запел «Ти ж мене підманула».

– Москва – она такая… – подтвердил Бобрище.

– Где вы это все взяли, любезный? Все эти водки-селедки в мавзолее? – удивлялся Параклисиарх

– У Ильича в заначке разжился, – ответил Мумия.

Малюта остолбенел.

– Значит, я был прав! Я всегда подозревал… – поразился он, думая о чем-то о своем. – Что – правда?

– Та ні. Це я трішечки гоню, – смущенно признался Мумия. – Добрі люди в потягу обдарували. (Добрые люди в поезде надарили).

Лондонские учинили Патрику допрос. Россказни святого привели их в крайнее раздражение. Они еще могли поверить в то, что русский вождь мирового пролетариата пил водку и отстреливался, но то, что он говорил по-украински, находили чистейшим абсурдом и тухлыми враками. В наказание Патрик был выслан на год в Нигерию – разруливать тамошние межплеменные заморочки словом божьим, поскольку договориться посредством автомата Калашникова у них не получалось. А Москве он своего фиаско не простил и поклялся в скором времени показательно отомстить ей: заставить поклоняться себе хотя бы раз в год.

Глава 4
Новый тайник и внутренние угрозы

В кремлевском малахитовом кабинете Сталина с еще не выветрившимся духом «Герцеговины Флор» восседали на высоких готических стульях с острыми навершиями державных спинок представители ветвей власти. Полным ходом шла работа над сотворением Меморандума о согласии в обществе. «Тело» документа создавалось усилиями согнанных сюда хедлайнеров из федеральных и московских СМИ, в результате чего пресса выходила без заголовков уже вторую неделю.

В срочном порядке была создана парламентская Комиссия по поиску истины. В результате рьяных поисков и последующего расследования деятельности самой Комиссии в стране была упразднена система лечебно-трудовых профилакториев для хронических алкоголиков.

Плоть на Пасху целовалась под насущное:

– Плюрализм!

– Воистину, плюрализм!

Параклисиарх разослал на пейджеры соратников информацию об общем сборе. Отметив, как полагается, победу над злокозненным врагом, глава службы безопасности высказал соображение, что алмаз теперь по-любому придется перепрятывать. Объявлялся план-перехват из одной руки в другую под названием «Обознатушки-перепрятушки».

В Москве к тому времени назрела проблема парковки в границах Садового кольца.

– Пора сливать бассейн «Москва», – убеждал Малюту Бомелий, – и делать там парковку.

– Можно под бассейном.

– Да помню я, как его строили. И знаю, как строят теперь. Шарахнет одно на другое того и гляди. Если уж обставляться, то чем-то новым.

– Можно храм Христа Спасителя возобновить.

– Дельное предложение, – одобрил Параклисиарх. – Там и новый тайник оборудовать можно.

– А не дороговато для камуфляжа выйдет? – сомневалась главбух холдинга Митрофания.

– Во-первых, безопасность не может обходиться дешево, а во-вторых, кто говорит, что мы его будем строить? Вон пусть власть смертная во искупление грехов своих строит. А мы – только парковочку и тайничок.

Сказано – сделано! Обмыв идею, комьюнити связалось со смертной властью.

В тот же год храм был заложен, а через три года строительство уже было завершено. Ни один храм, сооруженный за всю историю человечества, не мог похвастать такими темпами. Очевидно, смертной власти было что замаливать.

Холдинг ЗАО МОСКВА решился на амбициозный проект: взять Москву в концессию у смертной власти. Первоначально предполагалось добиться объявления Чертолья свободной экономической зоной. Удалось даже достичь устной договоренности со смертной исполнительной властью, которая начала понуждать депутатов к принятию незаконных решений о выборочных льготах. Принципиальность депутатов под воздействием чудотворных купюр таяла как прошлогодний снег. Самые устойчивые становились уступчивыми. Но концессионный проект выглядел гораздо внушительней и вкуснее. Бомелий пошел еще дальше и предложил превратить Москву, раз уж она – «порт пяти морей» – в порто-франко – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Власть кивала и нежно шептала московским нетрадиционным потребителям:

– У нас так много общего… – намекая, что общим следует делиться.

Московские и не возражали. Ради воплощения концессионных планов требовалось изыскать средства. И дело уже совсем было пошло. Но смертная власть сдавала карты, как заправский шулер.

Никто тогда не предполагал, какую злую шутку сыграет с московским комьюнити смертная власть. Беда пришла откуда не ждали. А все потому, что члены комьюнити поверили заверениям о возврате к свободному рынку. Они, прошедшие развитие капитализма от его зарождения до трагической гибели в границах одного города, ждали цивилизованного рынка во всей его европейской логике, обогащенной американскими технологиями. Поэтому непростое дело построения финансовой пирамиды доверили московскому предпринимателю с гигиенически чистой кровью. Зубастый логотип «МММ» красовался на всех поверхностях Москвы и исправно приносил холдингу ЗАО МОСКВА изрядные барыши. Холдинг ЗАО МОСКВА все средства вложил в любимое детище, уверовав в жизнеспособность своего творения. Раз за разом прокручивали они свои деньги, вкладывая дивиденды обратно в пирамиду. На радостях московские ринулись пить предпринимателя. Исключительно из большого уважения. ПРА выходила полноценной и очень питательной. После худосочных советских лет настал настоящий праздник.

Поэтическая натура Уара разглядела в логотипе бабочек, эфемерных созданий – беззаботные души, выпавшие в мир из усохшего савана своего кокона. Они не едят, не пьют, и вся их короткая жизнь суть любовь. А потом опять саван. И он предложил рекламный слоган: «Из света в тень перелетая». Но практичный Бомелий наложил на бабочку и на слоган строжайший запрет.

– Распугаете нам всех вкладчиков своим слоганом, – сказал он. – И не бабочки это, а зубы.

И его послушались. И из бизнеса ушла поэзия. А за поэзией ушла любовь. Уар потерял всякий интерес к делу и ушел вслед за любовью. Потому что считал, что и в бизнесе должны быть поэзия и любовь.

Перед членами московского комьюнити вопрос «пить или не пить?» не стоял никогда. Беда в том, что нетрадиционных потребителей покинуло чувство меры. Буйный безоглядный бизнес при сырых законах, призванных его регулировать в отсутствие мало-мальски пригодных инструментов для их исполнения, на некоторое время притупил бдительность. В результате выпитый почти до дна московский предприниматель, курирующий по заданию московского комьюнити эту расчудесную пирамиду, был извлечен смертными властями из-за зубцов «МММ» вместе со всеми деньгами и помещен за решетку. Так холдинг ЗАО МОСКВА в одночасье лишился средств.

– Что ж вы так обмишурились, Святослав Рувимович?! – спрашивал в сердцах Параклисиарх Фофудьина, особенно часто употреблявшего Сергея Мавроди.

– Так ведь сладкий какой! Как тут устоишь?

Но виноватыми себя члены комьюнити вовсе не считали. Они прекрасно понимали, что именно из-за ГКО властями было так грубо разрушено «МММ», ставшее после выпуска государством ГКО главным и практически единственным реальным конкурентом государства по привлечению средств населения. Это сейчас смертная власть признает, что делиться надо, а в 1994 году государство делиться с «МММ» не захотело. Ему казалось проще и надежнее просто уничтожить «МММ» чисто силовыми методами. Этот кидок московское комьюнити властям не простило и стало готовить ответный удар.

А пока особо пострадавшие нетрадиционные потребители требовали решить вопрос усекновением московского головы, хотя Параклисиарх с Бомелием уверяли буянов, что именно эта голова была совсем не при делах. Традиционные же, ортодоксальные потребители, обманутые аббревиатурой, которую они привыкли расшифровывать как Государственный Комитет Обороны, считали

ее фортификационным сооружением, призванным поставить заслон или положить конец, в общем, как получится. Получилось, следует признать, неожиданно.

Что же до нетрадиционных потребителей, то кое-кто из их числа уже стал подумывать о продаже алмаза, мертвым грузом лежащего в тайнике мавзолея. Но краденое можно было продать только с новой легендой или со значительными убытками. Краденое ведь не выставишь напоказ, не натешишься реакцией окружающих. А без этого владение чем-либо особо ценным не представлялось новым московским бизнесменам привлекательным.

Московское потребменьшинство сидело на жесткой экономии, но держалось из последних сил. Были и такие, кто последовал в эмиграцию за московской плотью, как сама московская плоть – за демократической колбасой.

Пили – на последнее.

А на средства, изъятые у «МММ», московские власти построили храм Христа Спасителя. Можно сказать, на истинно народные деньги. Получилось красиво. Иногда на стройку заглядывали разные подозрительные личности, приставая к строителям с одним и тем же дурацким вопросом:

– Что вы делаете?

Строители исправно отвечали:

– Заливаем бетон.

– Вяжем арматуру.

– Штукатурим.

– Деньги зарабатываем.

Малюта на основании полученных ответов, убеждал Фофудьина:

– Обратите внимание, Святослав Рувимович, никто не сказал, что строит храм.

– Так не слезами, постом и молением же строится, а – деньгами! Да еще и краденными… – со знанием дела пояснил бывший бурсак.

Члены комьюнити выживали как могли: Бобрище организовал своих подручных в наперсточники и рассадил их по вокзалам. Но там было мало московской плоти, все больше металась с сумками и тележками иногородняя. В обеденный перерыв сокольничий приходил и звал всех на базар – кур копченых нюхать. Ну и похлебать юшки зажиточных москвичей, которым базарные цены оказались в тот год по-карману.

Растопчин сидел на Арбате с картонной табличкой «Дам прикурить». Жу-Жу занялась гаданием. Выходило у нее вполне складно. Несмотря на то что звезды сулили благоприятный

период, удвоение энергии и успех в работе, тем не менее они предостерегали от опасности бесперспективных финансовых предложений друзей. Жу-Жу призывала клиентов к сдержанности вплоть до разрыва дружеских отношений. Вскоре бывшая моделька, спонсируемая заинтересованными сторонами, уже предсказывала по звездам, куда лучше вкладывать деньги и какие покупать акции. Спустя пару лет ее карьера пошла в гору: она стала первым человеком московского рынка глянца. Однако продолжала сидеть на Арбате под видом гадалки, направляя рекламные денежные потоки в нужное русло.

Уар звонил чиновникам высокого ранга и предлагал за небольшие деньги выкупить у него компромат. Чиновники никогда не интересовались характером компромата, а просто меняли не глядя один кейс на другой. Нащелкать компромата в любой сауне в тот период было пара пустяков. Плати банщику – и делай что пожелаешь.

Фофудьин соглашался работать кем угодно за еду (лобстеры, осетрина, пармезан, «Дом Периньон»). Но, к чести московского комьюнити, ни одна единица хранения Алмазного фонда не была продана за хлеб.

Лангфельд пошел бомжевать и скоро обнаружил, что занятие сие приносит доход гораздо больший, чем все прежние его труды. Признавшись самому себе в заблуждениях молодости, он стал Вечным Бомжом. Очень скоро обрел авторитет у коллег по промыслу, среди которых нашел много бывших однопартийцев, и возглавил движение, поставив его на правильные экономические рельсы. Надо сказать, что Исидор не случайно пришел на это поприще. В конце минувшего января он споткнулся поздним вечером о выброшенную елку, а упав на нее, обнаружил под рукой киндер-сюрприз. Разломал его из простого любопытства и извлек бумажку с номером. Зайдя в ближайший магазин, торговавший шоколадными яйцами, он поинтересовался у кассира, что означает номер. Девушка всплеснула руками, кликнула охрану. Лангфельд уже было встал в правильную стойку, но охранник вежливо проводил его в кабинет администратора, где Исидору торжественно вручили выигрыш: сертификат на недельный отдых в Турции.

Надо ли вам говорить, в какое бешенство и одновременно отчаяние впал наш герой, лишенный возможности выехать из Москвы? Даже в Турцию… Вот от этого самого, вдруг осознанного, невыездного отчаяния и затосковал Лангфельд. И стал Вечным Московским Бомжом.

Параклисиарх коротал свои дни в обществе одних только тараканов, травить которых у него не поднималась рука,

несмотря на то что недавно он выменял вагон украинского сахара на целую фуру китайских карандашей для травли насекомых. Теперь же он подумывал пойти поработать по основной специальности, но вспомнил, что в стране объявлен мораторий на смертную казнь. В киллеры наниматься не имело смысла, поскольку уже назревал кризис неплатежей. Впрочем, киллеры в тот год были, пожалуй, единственной рабочей силой, которой таки платили. Работа была без выходных и соцпакета. Но заказы поступали сплошь на элитную плоть, на которую у московских нетрадиционных потребителей были совсем другие виды. В конце концов Малюта подался в частные сантехники: и плоть элитная стала доступней, и заработок на ниве прочистки был неслабым, и аппаратуру удалось нужную установить – кое-что из непроданного Параклисиархом Министерству обороны. Информация оказалась очень кстати.

И никогда, никогда еще члены московского комьюнити не были так счастливы, не жили такой полной жизнью, как в эти голодные времена. Борьба за жизнь до краев наполняла смыслом их существование. Выживание оказалось самой занимательной, самой азартной игрой.

Что же до смертной власти, то теперь в плане расходов бюджета аналогом «Лунной» статьи выступала статья о латании озоновой дыры над страной. И ассигнования на нее росли год от года.

Вскоре московское комьюнити, утомившееся перебиваться с хлеба на воду, затеяло ответные меры. Игуменья-фармазонка Митрофания, в прошлом баронесса Розен, выступила с аналитическим докладом, напомнив слушателям, что государственная пирамида ГКО – всего лишь грубая подделка схемы «МММ», причем скопированная крайне неумело и поверхностно, и ее крах предопределен в самый момент ее создания.

– Лично мне очень грустно наблюдать за тем, как устроители этой классической финансовой пирамиды – так называемые «умные ребята из Минфина» – судорожно пытаются удержать ее на плаву, делают резкие движения, погружаясь с каждым таким движением все глубже и глубже в долговое болото. А ведь всякому известно, что в болоте дергаться нельзя, это только ускоряет гибель в него угодившего.

– Ах, прохиндеи! – возмущался Фофудьин.

– Следует, я полагаю, инициировать возобновление Расправной палаты! – внес предложение Малюта, и, вспомнив об опричниках царя Иоанна, уточнил: – В первоначальном ее виде.

– Ну пока они не переварили сожранное у нас, рыпаться не будем. Подождем завершения пищеварительного процесса. А как обсерятся, так и жахнем! – предложил логичный ход Бомелий, понимая, что хоть и придется ждать, но время работает против смертной власти.

– Да, процесс, я полагаю, ускорится новыми грядущими выборами, которые изрядно вытрусят кассу, и «умные ребята из Минфина» объявят миру, что они этими краткосрочными облигациями подтерлись, – подвела черту Митрофания. – Посидим на берегу, подождем.

Глава 5
Визит королевы

Октябрь потряс московское комьюнити ошеломительной новостью.

– Козырная дама пожаловать изволят, – доложил Параклисиарху граф Сен-Жермен результаты послеобеденного пасьянса.

И верно: пресса сообщала, что в Москву с визитом планирует наведаться сама королева Елизавета II.

– С чего бы такая резвость? – размышлял вслух Параклисиарх. – Никогда британские монархи не ездили в Россию. Разве что Эдуард II в 1908 году приезжал покрасоваться в подмененном алмазе. Да и то смелости хватило только до наших территориальных вод.

– Причем, заметьте, не одна прибывает. Есть информация, что в Кремле выступит знаменитый хор Вестминстерского аббатства, созданный еще в 1540 году по приказу короля Генриха VIII, – двадцать два мальчика-хориста из школы при аббатстве и шестнадцать взрослых певцов – альтов, теноров и басов под управлением дирижера и органиста.

– Знаем мы этих «мальчиков» 1540 года ***приобщения***, – выразил обеспокоенность Параклисиарх. – Сами такие.

– Там еще куча артистов с ней едет. – Фофудьин тралил колонки новостей. – «Новый Шекспировский театр», лондонская группа «Аут оф Джойнт», еще какие-то скульпторы, живописцы, фотографы. Полный комплект. Кстати, театральная труппа привезет комедию «Как вам это понравится?». Издеваются, право… Мне это уже сейчас не нравится. Экий десант! Штурмом, что ли, мавзолей брать собрались?

– Если бы планировался штурм, не брали бы с собой ее величество. Если в государство с визитом прибывает первое лицо другого государства, то оно, по протоколу, обязательно встречается с первым лицом принимающей стороны. Обязательно, прошу заметить.

– Я себе представляю эту встречу, – засмеялся Фофудьин.

– И о чем, интересно, они будут говорить?

– «Говорить» – это, пожалуй, сильно сказано. Наше Первое Лицо лыка не вяжет, но обязательно качнется в сторону монаршей ручки с целью лобызнуть. Никакая служба протокола не удержит.

– Меня больше интересует вопрос, кто кого в данном визите

прикрывать будет: королева – штурм или артисты – переговоры первых лиц.

– Ладно, не будут же они в самом деле штурмовать мавзолей. Скорее всего, артисты – это отвлекающий маневр. А королева, видать, решила сама камень у президента выманить. Воспользоваться, так сказать, широтой русской души.

– Предлагаю внедрить в службу протокола царевича. У них все равно все специалисты поразбежались, а новые ничего не смыслят. Теплые места позанимали из кумовства. Или их специально президенту спецслужбы подсунули – следить, чтоб он ничего лишнего не узнал или не сболтнул.

– Хорошая идея. Надо постараться его туда пропихнуть, – одобрил предложенный ход Фофудьин.

Новой службе протокола Первого Лица державы царевич оказался весьма кстати. Ему, правда, так и не удалось побороть приверженность официальных лиц принимающей стороны к кожаным пальто и клубным пиджакам в дневное, официальное время, зато он неотлучно находился при королеве во всех ее передвижениях. Прекрасный английский язык царевича быстро расположил к себе ее величество, скромное поведение позволяло ему выпадать, когда это было необходимо, из поля зрения королевы и заставляло ее забывать в эти моменты о его присутствии.

Королева благоволила к молодому, красивому, хорошо воспитанному человеку с безукоризненными манерами и благородным ароматом, исходившим от него. В ароматах она понимала. Ей даже почудился совсем другой – высший – статус этого человека, но она приписала это обстоятельство отсутствию должных знаний у кагэбэ о таких тонких материях. Даже непротокольный бриллиантик в ухе молодого человека леди ему простила за приятность общения. К тому же молодой человек разбирался, как оказалось, в лошадях. Королева увлекалась скачками, как и должно. И лошади приносили ее величеству дополнительный доход, наряду с ценными бумагами и со сдаваемыми в аренду землями. А Уар был поклонником бегов.

Бобрище, собрав всех молодых шалопаев-комьюнити, выдал им британские флажки и велел организовать окладную охоту на артистов, как на волков: обступать плотным кольцом гостей, когда они появлялись на улице, и загонять их от самой гостиницы к месту выступления. При этом попросил, размахивая приветственно флажками, не улыбаться, чтобы не показывать клыков, невольно создавая тем самым у иностранцев впечатление неулыбчивости москвичей.

Встреча Первого Лица с королевой Елизаветой II состоялась в

понедельник в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Песочного цвета туалет ее величества, дополненный черными длинными перчатками и шляпкой, взволновал московских дам и заставил их пересмотреть свой гардероб, наполненный одеждой из германских каталогов-неликвидов «Квелли» и «ОТТО». Встреча была расписана поминутно и не оставила ее величеству никаких шансов перекинуться с Первым Лицом парой конфиденциальных слов. Уар, видя озабоченность королевы, шепнул ей на ушко, что русские в понедельник никаких серьезных дел не начинают, потому что бывают «после вчерашнего». Даже примета такая в народе родилась. В том, что представший перед ней в понедельник президент есть отец, сын и дух своего народа, королева видела невооруженным глазом.

За «Жизель» Елизавета II была особенно благодарна президенту. Еще в Лондоне супруг ее величества – герцог Эдинбургский – опасался «Лебединого озера». Он слышал, что у русских это плохая примета, касающаяся непосредственно первых лиц государства.

От протокольной службы не ускользнуло то обстоятельство, что королева постоянно искала возможность уединиться с президентом. Это настораживало службу и нервировало. Королева стоически выдерживала многочисленные экскурсии: окинула равнодушным взглядом, диссонирующим с вежливой улыбкой, Успенский собор, прослезилась у Английского подворья, покивала ученикам одной из московских спецшкол. Чуть оживилась на специально устроенной к ее приезду выставке, посвященной российско-британским отношениям, и без того хорошо ей известным. Московские небеса благоволили ее величеству, оттеняя золотом хрустально-прозрачной осени ее фиалковый костюм на фоне черного королевского «роллс-ройса».

Самым тягостным номером программы оказался обед, данный в честь именитых гостей в Грановитой палате. Количество потребленного на обеде съестного не оставило у королевы сомнений относительно загадочности души русского народа. Уар же отметил кружевное платье королевы и ее корону, к которым очень шел бокал шампанского в ее руке, затянутой в перчатку. Королева выглядела и вела себя безупречно, так что в действиях царевича не стоило усматривать враждебных намерений. Ничего личного. Только безопасность алмаза и честь московского комьюнити руководили им.

Теперь же, сидя в ложе Большого театра, президент смотрел в театральный бинокль на бесконечно мельтешащие ноги и откровенно маялся. Утомившись вконец, он решительно наплевал на увещевания службы протокола и пустился в светскую беседу.

На самом деле президент хотел, конечно, просто употребить положенное, но ему было неловко бросить даму.

– Мадам, я предлагаю сбежать потихоньку в буфет.

Как бы королева ни стремилась к разговору в формате тет-а-тет, она прекрасно понимала, что в тиши буфета под бдительным оком и ухом своей и чужой охраны переговорить о главном все равно не удастся.

– Боюсь, моя служба безопасности будет против, – попыталась увильнуть ее величество.

– Да не бойтесь! Там сейчас нет никого.

– Я опасаюсь, что герцог Эдинбургский… – зашептала леди, косясь на супруга.

– Да чего ему сделается? Сидит себе в тепле, на бархате. Как домашний любимец, – вспомнил президент своего кота, но вдруг наткнулся на умоляющий взгляд супруги.

Крякнув, он вновь приложился к биноклю и, задремав через несколько минут, едва не упустил его в партер. Стало понятно, что до конца представления «отец народа» не дотянет.

– Извините, поработать еще надо – страна большая, дел много… – выбираясь из кресла, расшаркался он перед гостями.

Переводчик не рискнул изложить королеве суть обращенной к ней речи, и правильно сделал: королева решила, что гостеприимный хозяин вышел «попудрить носик», а через несколько минут президентское место в ложе занял его двойник и честно отработал номер.

Визит королевы подходил к концу. Далее гостей ждали в Санкт-Петербурге, где пришвартована была королевская яхта.

– Чего ваше величество желает получить в подарок? – спрашивал перед расставанием президент, обводя рукой сокровища Московского Кремля. Щедрость Первого Лица, обыгравшего этим визитом всех своих исторических предшественников, не знала границ.

– Я бы с удовольствием приняла в дар камень на память о Москве, – прошептала, потупив взор, королева.

– Горсть земли московской, что ли? Извините, мэм, но пи ляди… извиняюсь… ни пяди… земли русской…

– Камень из мавзолея… сувенир… – совсем смешалась ее величество.

– Скромничаете, мадам, – улыбнулся, разведя большие руки, президент. – Камень – разве ж это сувенир? У нас же не пляж, чтобы камешки с него домой увозить.

– Нет-нет, не с пляжа камень, а из мавзолея, – краснея, шептала взволнованная королева.

– Да как же это, матушка? – растерялся президент. –

Выпиливать, что ли? Дырка же будет. А Ильичу температура постоянная нужна… Пока он там квартирует… Но мы можем написать на мавзолее «Здесь была Елизавета Вторая».

– В каком смысле? – Королева побледнела.

– А вот! – воскликнул вдруг президент и подозвал посредством пальца Уара, оказавшегося ближе всех. – А что, у нас храмы католические имеются в Москве?

– Так точно, есть, господин президент, англиканский собор небольшой, – отрапортовал вполголоса царевич, – в Воскресенском переулке стоит.

– Действующий? – деликатно поинтересовался президент.

– Никак нет, господин президент, там нынче фирма грамзаписи функционирует.

– Совсем рехнулись! В святом месте безобразят! – подивился президент, не знающий истинной цены вопроса. – Велю дарственную составить.

Уар преднамеренно умолчал о том, что в помещении бывшей англиканской церкви находилась в тот момент не какая-нибудь частная звукозаписывающая лавочка, а фирма «Мелодия». «Мелодию» потеснили, оставив ей жалкие двести квадратных метров и общий проход, в котором постоянно сталкивались, обливая друг друга презрением, гендиректор фирмы и пастор, старавшиеся при встрече ненароком наступить один другому на ногу, переобувшись в шипованные бутсы.

Зато новое гнездо лондонских находилось теперь под надежным присмотром.

Таким образом, миссия королевы завершилась безрезультатно.

Глава 6
1997 г. Новый диверсант

Мэр Москвы явно метил в президентское кресло. Московским нетрадиционным потребителям сама идея очень нравилась. Давно им уже не случалось приложиться к верховной власти. С начала осени 1996 года Жу-Жу, сидящей на Арбате со своим гаданием, казалось странным, что, кому бы и на что бы она ни гадала, обязательно на следующую осень выпадала то ли война, то ли свадьба. Московскому оракулу из московской администрации снился календарь, а Параклисиарху – летающие лошади. В октябре разведка донесла, что, по прикидкам пиарщиков московской смертной власти, Большим Кучкам как раз должно стукнуть 850 лет. А сколько лет истинно Москве, ***доподлинно*** известно было только Мосоху.

Московские власти понимали, что пора формировать позитивный инфоповод собственными руками. Искали только ту самую «кривую козу», на которой будет сподручней въехать в историю. Кроме того, затеянное мероприятие должно было позволить смертным властям – московской и верховной – совершенно открыто пощупать карманы друг друга. А то ведь как случалось: шаришь в собственном кармане и натыкаешься там на постороннюю руку. Ну пожмешь в знак приветствия. Вежливо так. Не ломая.

Чем хороша любая чума? Конечно же – пирами! Пировать планировалось с размахом. А потому ожидалось приглашение в Москву для выступления на Красной площади Патрисии Каас, Лучано Паваротти, Криса де Бурга и, возможно, Элтона Джона, Стинга, Дэвида Боуи и Билли Джоэла. По неофициальным сведениям, Стас Намин, которому была поручена организация вокальной части торжеств, даже получил уже около одного миллиона долларов.

– На всех??? – изумлялся царевич.

– Как договорятся. А не договорятся, так запустят на Манежную Иосифа Кобзона, Аллу Пугачеву, Эдиту Пьеху, Льва Лещенко, Юрия Антонова, Софию Ротару, Вахтанга Кикабидзе и Карела Готта.

В народе ходили слухи, что гвоздем программы станет инсценировка на Красной площади Андроном Кончаловским «Утра стрелецкой казни», писанного маслом по холсту прадедушкой. Во всяком случае, московские нетрадиционные потребители склоняли режиссера именно к этому сюжету.

Московская власть повелела населению готовиться к зрелищам и ликованию. Эпицентрами ликования назначила Красную площадь, Лужники и Воробьевы горы. Ведь что делают на последнее? Известно, что – банкет и рекламу. Смертная власть широко принимала гостей: около миллиарда рублей было затрачено правительством Москвы только на мероприятия по аккредитации гостей и участников празднования 850-летия столицы.

Британский сердечный резидент доносил, что лондонские ведут переговоры с Кэвидом Допперфильдом. Известный фокусник, по замыслу устроителей торжеств, должен был привезти свою программу «Сны и кошмары» и показать ее в Кремле, чтобы кремлевские обитатели сравнили их со своими. Какие еще фокусы приготовил Допперфильд, следовало выяснить, не мешкая, хотя и дураку было ясно, что готовится очередная попытка экспроприации алмаза. В городе рос и ширился слух, будто маг собирается пройти сквозь Кремлевскую стену, как давеча прошел сквозь Великую китайскую, и растворить в воздухе мавзолей. Хотя неуспокоившаяся интеллигенция надеялась с его помощью избавить древнюю столицу от памятника Петру. Ведь не зря же фокусник, по уверениям прессы, привез в Москву восемьдесят тонн оборудования? Сам же великий иллюзионист, согласно информации, добытой Параклисиархом, поражался в этой жизни только одному необъяснимому фокусу: каким образом все белье, помещенное в стиральную машину, по окончании процесса стирки оказывается внутри пододеяльника.

Проблемы начались у иллюзиониста сразу же, как только он приехал в Москву. Во-первых, на таможне у него изъяли часть оборудования. Во-вторых, выяснилось, что хороших гостиниц в Москве было много только на первый взгляд. Как ни суетились лица, ответственные за мага, селить его оказалось решительно некуда. И не удивительно: все имеющиеся номера были забронированы нетрадиционными потребителями под особ категории «А» – глав всех держав. И совсем неважно, что главы были не в курсе. И маг пропал, возможно сделавшись невидимым. Организаторы облегченно вздохнули, справедливо полагая, что он сам о себе в состоянии позаботиться. Где и по каким ночлежкам мыкался великий обманщик, так и осталось загадкой.

Параклисиарх договорился и с маэстро Жарром о дополнительном лазерном шоу на Воробьевых горах.

С самого утра Театральную и Лубянскую площади бороздили верблюды с клочковатой шерстью, старые, словно воскресшие первопроходцы Великого Шелкового пути. Раздавали автографы многочисленные Ленины, празднично убранная плоть выжимала

пудовые гири и вброд пересекала фонтаны, вылавливая накиданную в них мелочь, томилась в очередях в походные туалеты, покупала на ярмарке маленьких аллигаторов и ожидала появления обещанных дирижаблей, но вместо них над городом плыла надувная бутылка «Балтики». По Тверской в направлении Красной площади потекли ряженые. На самой же площади лихие люди, дорвавшись, с упоением рубили голову отечественному дракону с чешуей из щитов в исполнении ОМОНа. ОМОН стоически терпел позор, скрипел зубами и мечтал отомстить. К большому сожалению членов московского комьюнити, «Утро стрелецкой казни» Кончаловский, в отличие от прадедушки, не потянул. Но некий исторический фаст-фуд все же учинил. Праздник постепенно угасал, радостный и бессмысленный, как флешмоб.

Едва стемнело, публика схлынула с потешного холма и двинулась крестным ходом к Воробьевым горам в ожидании Жаррова чуда. В тот же момент за спинами москвичей, вспыхивая отраженными огнями, заплескался на Красной площади наведенный лазером гигантский бассейн, доходивший до зубцов Кремлевской стены, и затопил мавзолей. Для полноты и достоверности картины лазер превратил здание Исторического музея в вышку для прыжков. Параклисиарх распорядился насчет установки проектора на крыше ГУМа, и теперь аппаратура наполняла лазерные воды акулами.

Оседлав зубцы Кремлевской стены, прямо над Климом Ворошиловым восседали «дежурные по алмазу» царевич и Бобрище. Лазерные волны колыхались и убаюкивали, но звучавшая в наушниках Уара музыка не давала уснуть. С некоторых пор он вынужден был признаться себе, что увлекся не только одеждой врага, но и его музыкой. Беллами утюжил его нутро ковровой бомбардировкой, сквозь которую иногда прорывался его любимый и потерянный им навсегда Рахманинов. За Muse Уар был даже готов списать кое-какие исторические долги лондонским. «Неужели они не догадаются приобщить Беллами доподлинно? – думал он. – Я бы, пожалуй, даже алмаз для этого не пожалел. Все равно от него никакого проку. Все-таки каждый знает, за что может продаться». В этот момент царевичу пришла в голову мысль организовать концерт группы Muse в Москве.

– Мне думается, что, когда этот смертный британец карабкался вверх, дьявол подал ему руку… – поделился мыслями и чувствами с другом царевич, хотя отлично знал, что Бобрище плотно подсел на шансон.

– Слушай, а что это перед входом в мавзолей вспыхивает? –

спросил сокольничий. – Разобрать не могу отсюда…

– Это караул от акул отстреливается.

– Гляди-ка! – дернул Уара за рукав Бобрище и указал на крышу Исторического музея. Там неуверенно топталась тонкая фигурка.

– Зря мы вышку для прыжков на здание навели, – покачал головой Уар. – Он же ее один к одному воспринимает. Забрался как-то. Прямо по наведенным лазером ступеням.

– Спорим, я его с первого раза собью? Ботинком. – Бобрище, войдя в охотничий азарт, принялся развязывать шнурки. – На что бьемся?

– С ума сошел?! Он же – гость Москвы!

– Засланный он, а не гость, – проворчал Бобрище. – Продался лондонским.

– Я его сдуть могу. Но ведь грохнется… разобьется… А на него билеты куплены. Плоть томится в ожидании зрелищ.

– Ну смотри, – размышлял сокольничий, – если сейчас сам сиганет с «вышки», все равно разобьется. Он же, значит, и бассейн один к одному воспринимает?

– Тогда – поплывет, – кивнул Уар.

– Тогда – будет съеден акулами.

– Логично.

– Думаешь? – усомнился Бобрище. – Странно, почему он на это дело вообще купился?

– Он не сам купился. Ему Малюта помог.

– Смотри – руки поднял! Может, сдается?

В этот момент на глазах у изумленных друзей фигурка оторвалась от «вышки» и поплыла над площадью. Царевич с сокольничим стали единственными свидетелями левитации иллюзиониста.

– А ты говорил – «обман зрения»!..

– Этого не может быть…

Но иллюзионист, поправ законы гравитации, медленно летел над Красной площадью с поднятыми вверх руками.

– Смотри, он держится за что-то! Ха! Я так и знал, что это надувательство!

И действительно, над головой иллюзиониста в темноте едва угадывалась давешняя надувная рекламная бутылка «Балтики».

– А знаешь, я подозреваю, что это питерские Москву мониторят… Ох, не к добру это… – высказал свои опасения царевич.

Секретный дозор питерских, изучавших Кремль на предмет возможности дальнейшего квартирования в оном, повинуясь телодвижениям мага и сообразуясь с собственными целями, взял

курс на Дворец съездов, где мага ждали пытливые московские зрители, заплатившие за билеты такую сумму, за которую можно было требовать не только фокусов, но и их разоблачения.

Утром маг ходил по Красной площади, оглядывал в недоумении Исторический музей. Был молчалив и сосредоточен.

Согласно представленному в британский парламент документу, расходы на финансирование спецслужб Соединенного Королевства с этого года росли ежегодно на четыре процента – быстрее, чем ассигнования на социальные нужды. Усилия и средства спецслужб направлялись на мониторинг московского мавзолея и прилегающих гробниц.

В том же 1997 году, после безрезультатно завершившейся миссии нанятого американского иллюзиониста, министр финансов в правительстве лейбористов Гордон Браун объявил о ревизии средств, предназначенных для разведывательных служб. Но эта попытка не дала окончательного результата. По мнению члена парламента от консервативной партии Эндрю Тайри, бюджет разведслужб удвоился в сравнении с периодом «холодной войны», что должно озаботить следователей из Национальной аудиторской службы и налогоплательщиков.

Опережая события, упомянем невзначай, что с 1998 по 2003 год общие ассигнования на MI5, MI6 и GCHQ возросли с семисот до восьмисот шестидесяти миллионов фунтов в год. По оценке авторитетного лондонского журнала «Экономист», реальная величина бюджета всех британских спецслужб с учетом военной разведки и службы космического электронного наблюдения превосходила один миллиард фунтов.

Всем становилось ясно, что только алмаз может окупить гигантские средства, затраченные на его поиск и возвращение.

Но ХХС уже был воздвигнут, и алмаз обрел новый тайник. Это событие стоило отпраздновать.

От полноты чувств и в поисках элитной подкормки, московские нетрадиционные потребители решили порадовать Москву ярким зрелищем и дать надежду страждущим. Собрались на совет.

– Можно, к примеру, мощи святые привезти в Москву. Плоть того и гляди опять уверует, соберется поглазеть да припасть, – предложил бывший бурсак Фофудьин.

– Чьи мощи? Где взять? Давайте по существу.

– Ну, в Муроме когда-то были мощи Ильи Муромского, потом их увезли в Киево-Печерскую лавру. Но не целиком. В Муроме еще кое-что осталось.

– Что конкретно?

– Точно не знаю, но какая разница в конце концов?

– Хорошо, Святослав Рувимович, займитесь, – постановил главный отрыватель голов.

Фофудьин с энтузиазмом принялся за дело. В назначенный день мощи были доставлены в Москву и выложены с почестями посреди центрального нефа ХХС.

Параклисиарх, обеспечивающий безопасность мероприятия, доступ элитной плоти к мощам и доступ нетрадиционных потребителей к элитной плоти, с тревогой следил за подземной парковкой, которая быстро наполнялась автомобилями представительского класса. Глядя на пассажиров, он невольно сглатывал набежавшую слюну. Пройдясь еще раз зорким оком по месту предстоящей деликатесной трапезы, поправил галстук и кивнул охране.

Один за другим нетрадиционные потребители встречали и сопровождали к мощам элитную московскую плоть, не забывая в процессе нашептывания каких-то любезностей прикладываться к сановным шеям. Озабоченные перечислением своих пожеланий и чаяний Господу, сановники не обращали на это никакого внимания.

Наконец Малюта заметил, что поклонение мощам происходит с некоторой заминкой. Насытившись вполне и уже едва сдерживая зевоту, он бросил взгляд на мощи и закашлялся. На специальном возвышении возлежал средний палец святого. А между тем с минуты на минуту ожидали приезда Первых Лиц. Параклисиарх бросил обеспокоенный взгляд на царевича и рукой изобразил нечто вроде «накрывай!». Уар в свою очередь отдал распоряжения сокольничему и обслуге.

Но было поздно: к мощам приближались Первые Лица. А приблизившись, сильно удивились.

– Боюсь, я еще не в должной мере уверовал, – сказало Первое Лицо Второму Лицу, разглядев мощи.

– При чем тут вера? – тихо спросило Второе Лицо. – Нам верить не обязательно. Нам главное – в храм ходить. И даже неважно – за каким чертом.

– Это – хорошо, – кивнуло Первое Лицо и добавило: – и еще вот это, когда вкушают тело и кровь Христа, тоже не понимаю.

– Евхаристия. Так верующие с Богом соединяются, – пояснило стоящее рядом лицо духовного звания.

– Дикость какая-то первобытнообщинная! Вампиризм с каннибализмом, прости господи… – поморщилось Первое Лицо.

– Такая она, всенародная любовь, – кивнуло Второе Лицо. – Если уж кого полюбят, то непременно сожрут.

– Известное дело, – обреченно вздохнуло Первое Лицо.

– А знаете, мне тут вдруг пришло в голову, что в этом что-то

есть, – пробормотало Второе Лицо на ухо Первому.

– В чем «в этом»? – насторожилось Первое Лицо.

– Да в поклонении среднему пальцу. Как пить дать что-то есть. Я вам потом объясню.

Первые Лица поклонились мощам и перекрестились как сумели.

– Тут главное – народ не допустить. Пусть это будет только наша святыня – сакральный символ власти.

Первое Лицо никак не ожидало, что Второе знает такие мудреные слова, и посмотрело на него с интересом.

В этот момент Уар получил сигнал от сокольничего.

– А теперь, господа, позвольте пригласить всех на фуршет по случая поклонения святым мощам, – объявил царевич. – Прошу вас! – Он простер руку в направлении помещения для торжеств, предусмотренного на этот случай в храме.

Глава 7
1998 г. Москва дефолтная

В начале года некий вкусный гражданин позвонил Параклисиарху и сказал только одно слово:

– Пора!

В тот же день Митрофания предъявила к погашению смертным властям ГКО на астрономическую сумму, образованную большей частью из всех облигаций, на которые комьюнити удалось раскрутить БАБса за ***доподлинное приобщение***, и немножко собственных, купленных когда-то сгоряча и на всякий случай. Поделив полученное по-братски и отложив немножко в стабфонд, комьюнити приступило к выполнению второй части плана.

– Это ж как медведя на брусничнике взять! – радовался Бобрище.

Отчего бы не подтолкнуть стоящего на краю пропасти? Сил нет смотреть, как его корежит! Единственной не контролируемой смертными властями площадкой оставался в ту пору мало кому доступный Интернет. Им-то и решено было воспользоваться для праведной мести.

Лето 1998 года утомляло московских обывателей раскаленной жаровней асфальта. Граждане едва удерживались от того, чтобы плюнуть себе под ноги и посмотреть, как зашипит. Панки пели про непрерывный суицид, телеканалы обнажали претенденток на звание «Мисс-98». Но чуткому уху было отчетливо слышно, как скрежетала по ночам зубами Москва.

Душным до изнеможения вечером двадцатого июля утомленные москвичи, открыв все окна в своих лишенных кондиционеров квартирах в надежде дождаться спасительного сквозняка, без особого азарта следили в компании с запотевшей бутылкой пива за ЧМ-98, проходившим во Франции. В тот острый момент, когда парагвайский вратарь Чилаверт чуть не забил гол со штрафного своему болгарскому коллеге, оконные створки, распахнутые в московскую ночь, вдруг отчаянно захлопали. Москвичи бросились спасать оконные стекла и увидели, что ливень буквально стоит стеной. Его грозная барабанная дробь, походившая на стрельбу, заглушала звон бьющегося и осыпающегося стекла. Вымокшие в одно мгновение до нутра прохожие, которых гроза застигла на улице, бежали к подземным переходам в надежде найти убежище. Но потоки воды уже неслись под землю. Налетевший ураганный ветер срывал листву с

деревьев, белье с балконов, а потом и кровлю с крыш. Гром и молнии ярко и звучно возвещали о приближающейся развязке. Москвичам казалось, что наступает конец света и Москва, как когда-то Атлантида, уйдет на дно очередного Всемирного Потопа. Город погружался в хаос: тысячи поломанных и вырванных с корнем деревьев, сорванные крыши и поврежденные фасады, оборванные провода, разбитые авто, поваленные ларьки, рекламные щиты и строительные краны; затопленные подвалы и переходы… Центр экстренной медицинской помощи сообщал о раненых и погибших.

Уар, мчавшийся по Новому Арбату, рассекая бурлящие пузырями потоки, вспомнил май 1908 года – наводнение, погрузившее Москву в пучину на несколько дней. Тот год принес московскому комьюнити вожделенный алмаз. «Дождь – это к счастью, – подумал он. – Хоть и не для всех, а только для избранных. Да, думал он, мы – особая когорта избранных. И в основе нашей избранности лежит биологическое превосходство. Мы и есть аристократия мира! Мы – вечные, а значит – лучшие! Эти горячие смертные так смешны в своей тщете урвать все за одну жизнь! И раз за разом попадают в капканы собственной жадности».

Навстречу Уару неслись множимые отражениями в бурных водах горящие буквы «М» – нижние зубы города-кровососа и алхимические символы Великой Пучины. Отраженный огонь плескался в воде. Столкновение горячей и холодной воздушных масс над зубастым городом стало предвестником другого столкновения: холодного и горячего московского социума. Ураган, как набат, возвестил начало Большой Игры.

На сей раз банковало московское комьюнити. Джокером в его колоде оказался Вячеслав, брат почти обескровленного Сергея Мавроди. В этот июльский день виртуозно, со знанием дела, на сайте «МММ» открыл он изумленной публике глаза на истинное положение дел, которое состояло в том, что рынок ГКО должен рухнуть с минуты на минуту. Наверняка от слов столь авторитетного эксперта в головах аудитории зазвучала та же барабанная дробь, что и во время грозы. В гигантском шапито, именуемом Москвой, под эту барабанную дробь исполнялся смертельный номер: под куполом над жестким манежем без всякой страховочной лонжи крутились «умные ребята из Минфина»!

– Как же так? – изумлялась плоть. – Ведь все спокойно было!

Аргументы «играющего тренера» развеяли розовый флер. Сказать по чести, любая операция по открыванию глаз социуму есть мероприятие весьма опасное. Можно запросто нарваться как

на зубы волков, так и на толоконные лбы овец. На этот случай оператор снабжался простым, как долото, инструментом – фразой «На самом деле все очень просто».

«На самом деле все очень просто, – прозвучало в тот июльский день над растерзанной ночным ураганом Москвой, – *в любой финансовой пирамиде нарастание долгов вкладчикам идет в геометрической прогрессии. И однажды наступает момент, когда долги за один шаг уже увеличиваются на столько же, сколько было долгов всего, за весь предыдущий период ее работы. На графике простейшей геометрической прогрессии ясно видно, что за 19-й шаг долги увеличились примерно на столько же, сколько было долгов за все предыдущие 18 шагов. Именно поэтому рушатся все пирамиды».*

Для облегчения восприятия речи аудиторией оператору требовался простой визуальный образ. Например, шаги. Шаги к пропасти. Максимальную достоверность образу грядущего краха придавало их четко обозначенное количество.

«На сегодняшний день пирамида, по моим оценкам, находится где-то около 16–17 шага, если брать чисто условно упомянутый выше график. Причем касса пирамиды уменьшена как минимум на величину выборных затрат 1996-го. И на каком из последующих шагов произойдет полный обвал, зависит лишь от того количества денег, которое «умные ребята из Минфина» готовы вложить в нее уже себе в убыток, исходя не из экономических, а из чисто политических соображений».

Аудитория сомневалась в альтруизме «умных ребят». Номер под названием «Себе в убыток» в их репертуаре не значился. Вот «сами мы не местные, отстали от поезда» – это да. Этим куплетам никто бы не удивился. Более того, именно этот куплет и был тайным паролем данной операции смертных. К тому же при специальном освещении он легко читался на их визитных карточках.

Председатель Центробанка уверял граждан, что скачка цен не будет, и жрал землю в подтверждение. Объяснял, что «государство не «МММ», и печатный станок в крайнем случае всегда под рукой». Но оператор был сильнее в математике любого отечественного председателя Центробанка:

«Такого количества денег, которое будет необходимо для погашения всех долгов по ГКО уже через два-три шага, не сможет быстро напечатать чисто физически даже десяток «Гознаков». Долг по ГКО будет через несколько шагов превышать эту самую денежную массу в два-три раза».

Плоть вообще плохо себе представляла, как выглядит «денежная масса».

– Подождите, подождите, – засомневалась продвинутая

интернет-аудитория, – а мы-то тут при чем? Мы – простые белые овечки, никаких ГКО не покупали. Вообще от вас первый раз о них слышим.

«Устроители пирамиды просто заставили неявно участвовать в ГКО всех россиян, независимо от их желания. Как? Да очень просто – через насильственное вовлечение в пирамиду всех коммерческих банков. На уровне государства сделать это очень легко. Центробанк искусственно создает для банков такие условия, при которых выполнить все повышающиеся требования ЦБ можно только одним способом – играя в ГКО. Очень быстро все банки это поняли, а кто не понял – тот разорился.

А давайте теперь вспомним, что ведь у банка нет своих средств, кроме средств учредителей. Все остальное – это на девяносто девять процентов деньги вкладчиков банка, т. е. ваши деньги. Либо напрямую положенные вами на счет, либо та самая ваша будущая пенсия или пособие на ребенка, подготовленные к отправке вам, либо деньги вашего предприятия, вашей коммерческой организации, в которые входит ведь и ваша личная будущая зарплата. И если учесть, что одновременно с вовлечением практически всех коммерческих банков в пирамиду ГКО государство через налоговые службы позаботилось и о том, чтобы предприятия не могли хранить свои деньги в собственной кассе, а в обязательном порядке сдавали их в банк, то становится понятным, что на самом деле это не банки сейчас играют в ГКО, это ваши деньги сейчас играют в ГКО, а вы даже не подозреваете об этом… И крах ГКО означает не просто одновременный крах банков, а потерю вами ваших денег».

Аудитория была шокирована.

– Что же нам, белым овечкам, делать?! – возопила она.

И получила логичный ответ:

*«Обычным людям, не связанным напрямую с ГКО и не имеющим своей фирмы, **я советую**, по крайней мере, **до сентября забрать все свои деньги из банка**, насколько бы надежным он ни казался. В первую очередь из Сбербанка, являющегося крупнейшим держателем ГКО. После чего обменять их на наличные доллары и положить до осени в «кубышку».*

Слово прозвучало, и экшн у забаррикадированных дверей банков не заставил себя долго ждать. Это и был первый отечественный флешмоб, организованный при помощи Интернета. И грянул август. Продвинутые воспользовались советом авторитетного эксперта, остальные рухнули в пропасть. Смертным властям не оставалось ничего другого, кроме как рассказывать обывателям сказку о подлых «финансовых спекулянтах», обрушивших рынок. Себя к этим мифическим

персонажам власть не причисляла.

Московское комьюнити потирало руки. Митрофания распорядилась изготовить для акционеров холдинга ЗАО МОСКВА черные карточки с высеченной звездой. Средства на карточку поступали из той самой черной дыры, в которую и ухнули сбережения обманутых граждан, слепо доверившихся декларированной смертной властью надежности банковской системы.

И пока плоть обирала с себя катышки, смертная власть счищала с черных костюмов от «Бриони» завитки состриженной с овец белой шерсти и прятала глаза от иностранных игроков, подорвавшихся на этом минном поле.

Если бы не техногенный шум мегаполиса, обыватели могли бы различить урчание, чавканье и сытую отрыжку Москвы.

Таким образом, холдинг ЗАО МОСКВА стал единственным, кто в результате дефолта сказочно обогатился. А тут еще вспомнили о клумбах с зарытой зеленью, сведения о местонахождении которых унес в тюрьму Большой Никитос. За понюшку табачку и плазменный телевизор удалось эти сведения у сидельца добыть. Правда, не в полном объеме. С тех пор нетрадиционные потребители взялись рыть Москву в поисках мест расположения залежей, пока они не превратились в культурные слои. Холдинг приподнялся и с высоты заоблачных гор денег обозревал Москву в поисках новых сфер.

Царевич озаботился корпоративным стилем. Извечный, исторически сложившийся логотип в виде сакральной зубастой буквы М ревизии не подлежал, но рекламщики ждали от главного эстета комьюнити решения о корпоративном цвете. Навязываемый ему красный он отверг как лобовое решение, да к тому же слишком откровенное. И вообще, он полагал, что красный цвет – скорее донорский.

– CMYK вам в помощь! Пробуйте! Выбирайте! Работа же стоит… – увещевали его отчаявшиеся угодить рекламисты холдинга.

– Мне не нужны подсказки электроники. Цвет не выбирают. Он возникает сам, в голове, – отвечал царевич.

Но время шло, а в голове ничего не возникало. Голова царевича была занята весной, музыкой и ожиданием новой коллекции одежды. Еще Уара беспокоили изыскания нанятого им дизайнера по интерьеру. Уникальные мастера-умельцы творили для его апартаментов невиданную мебель, инкрустировали ее камеями, выполненными из океанических раковин. Мастерицами ткался эксклюзивный текстиль для обивки и портьер… В общем, голова шла кругом. Царевич мыслил объемно, предметно, и

плоскостное решение корпоративного пакета со всеми его визитками, бумагой для писем, конвертами и буклетами царевича не вдохновляло. Плоское он находил чрезвычайно скучным. Но передоверить никому не мог.

Повстречав как-то в обеденное время сокольничего возле палатки с шаурмой, которыми полнилась в тот год Москва, Уар увлек друга в старый добрый «Савой».

– Что это за порции, скажи на милость? – злился Бобрище. – Котам на смех… А стоит как… как… пятьдесят две шаурмы, между прочим…

– Расслабься. Я угощаю.

– Да я не про деньги. Ты мне скажи: что тут есть? – возмущенно тыкал он пальцем в тарелку. – Это ж не еда, а натюрморт!

– А я как раз натюрмортами и питаюсь. Посмотри, – попытался извлечь из друга эстетические чувства Уар, – разве не шедевр? И во рту тает…

– Да мне – фиолетово! И когда тает – не люблю. Я люблю, чтоб полный рот был.

– Как ты сказал? – насторожился Уар. – Фиолетово? Фиолетово! Умница! Вот он – наш корпоративный цвет!

И он засмеялся счастливо: цвет выходил концептуальным.

– Как странно, что это не пришло мне в голову самому! Фиолетовое… с золотым обрезом! Ведь шедевры великих мастеров!.. – вспомнил он покрывало Богородицы с иконы Феофана. – Только, боюсь, мне фиолетовый теперь будет пахнуть шаурмой…

– Впечатлительный ты, – искренне пожалел друга Бобрище, – тонкий… Все тебе пахнет. Ну назови его лиловым. И чуть подправь. Просто меньше крови.

В голову Уара лезло неполиткорректное «…лиловый негр ей подает манто» и белая дорожка.

– Не скажи. Для нас «фиолетово» – это концептуально. И крови там – много! Все брендбуки пишутся клерковой кровью.

Покончив с бренным, царевич вспомнил о душе и организовал гастроли Muse в Москве. Делалось все наспех, в нетерпении сердца и крайнем возбуждении. В качестве спонсора удалось привлечь Ваганьковское кладбище, а оно уж оговорило формат мероприятия: Фестиваль каскадеров. Что, впрочем, неудивительно, хотя для приглашенных звезд явилось полной неожиданностью.

В последующем интервью одному из изданий Беллами, чрезвычайно впечатленный событиями, участником коих ему довелось быть, рассказывал:

«Положение заезжей рок-звезды помогло мне на собственной шкуре ощутить все своеобразие и всю многогранность России. Когда наш менеджер сказал, что мы будем хедлайнерами на Фестивале каскадеров, я обрадовался: крутое название, лучше наших Фестов Придурков и Посудозвонов! Но я не ожидал, что в России все надо понимать буквально. Мы оказались не только хедлайнерами, но и вообще единственной группой на фестивале трюков. Весь тот день публику развлекали отвязные экстремалы. Дед-рейсинг на самосвалах, сальто на автобусах – чего они только ни делали! Понятия не имею, кому в голову могла прийти такая парадоксальная идея, но – черт подери! – мне она пришлась по душе».

Позднее британец проговорился корреспонденту газеты Guardian:

«Никак не могу понять двух вещей: чего же хотят женщины и какого … мы так популярны в России…»

И если первый вопрос так же мучил и самого Уара, то ответ на второй был ему хорошо известен.

Глава 8
БАБс и алмаз

Дальнейшее пребывание БАБса в Москве могло стоить ему жизни. В этом академику сомневаться не приходилось. Лондонские его конечно же надули и никакому виду на жительство не поспособствовали, хотя свою часть договора претендент на убежище выполнил безупречно. Ну не виноват же он в самом деле, что засланные диверсанты оказались неспособными сделать дело. Даже августейшая особа и та не справилась. И что тут будешь делать? В суд не подашь, киллеров на них не наймешь. Придется опять возвращаться к переговорам.

– Есть условие, – сказали ему по телефону, – мы вам его передадим.

БАБса нисколько не удивило, что новым условием получения вида на жительство вновь стал поиск местонахождения алмаза. Использование для этой цели поисковых бригад не допускалось во избежание утечки информации. Он должен был сделать все сам. Но не зря же он был доктором технических наук, членом-корреспондентом РАН. А самое главное – в шестидесятых годах довелось ему работать инженером НИИ испытательных машин, приборов и средств измерения масс. Собрав в спешном порядке по помойкам, базарам и вокзалам эмэнэсов, он засадил их за разработку сканера, способного найти алмаз по частоте его излучения. Что они и сделали в кратчайшие сроки. Больше этих эмэнэсов никто не видел. Оптимисты могут, конечно, предположить, что БАБс в благодарность отправил их отдыхать до конца жизни на Сейшелы. Вольно им, оптимистам, предполагать…

Не доверяя никому из своего окружения, переодевшись в простое платье и туфли-лодочки, БАБс восходил на кучки, коих в Москве, как и в Риме, насчитывалось семь, и сканировал местность прибором, спрятанным в пакете с логотипом «ГУМ». Наконец он поймал сигнал, исходивший из центральной луковицы ХХС.

На сей раз БАБс потребовал от лондонских гарантий. Лондонские сочли довод убедительным. БАБс наконец водворился в Лондоне и перегрыз пуповину, связывающую его с Москвой, сдав лондонским место хранения алмаза за паспорт беженца. Посол Великобритании в Москве Эндрю Марли Вуд особо поблагодарил БАБса за содействие и помощь. Отечественная смертная власть и верные ей спецслужбы сильно

удивились и долго ломали голову о поводе к такой благодарности, но достать добровольного помощника чужой державы уже не смогли, поскольку окоп, выделенный БАБсу лондонскими, он быстро переоборудовал в долговременную огневую точку.

Глава 9
Руководители Проектов

Новая элитная московская плоть породила молодняк усовершенствованного образца: так называемый продвинутый. Выучившись за границей, молодые люди возвращались в Москву и становились Руководителями Проектов. И хотя многие из них были в своих заграничных учебных заведениях двоечниками, это никак не умаляло их апломба на родине. Вернувшись с чужбины в Москву, они вдруг подпадали под влекущее настроение ее готики, ранее, до отъезда, ими не замеченной или не узнанной, и вечерами они преображались. Их влекло изысканное извращение ролевых игр. Дорогих ролевых игр. Днем они «пили кровь» из подчиненного им персонала своих компаний, а вечерами мечтали делать это медленно, печально и по-настоящему. Но не решались. И если первые готы в Москве появились когда-то от скуки, невостребованности и заброшенности, то теперешнее поколение – от сытости. Обросли «готишными» подружками, придававшими тусовке пикантность. Случайно прибившийся к ним «гот по убеждению» обречен был на унизительное положение «поверившего народа». Большую часть рабочего времени отнимали у Руководителей Проектов отчеты перед нанимателями, поэтому досуг они любили за его безотчетность.

Однажды, нежно-ясным осенним днем, когда город стал на один слой прозрачней, сокольничему послышался в воздухе тоненький звон, и тотчас явлена ему была нереально прекрасная картина: навстречу брела мертвенно-бледная девушка, богато декорированная пирсингом, в длинном черном пальто, перехваченном в талии замшевым поясом с пряжкой в виде черепа. Смоляные волосы рассыпались по плечам, на груди бряцали металлические аксессуары. Образ мрачный и печальный дополняли черные шнурованные сапоги. Черная лохматая собачка бежала на поводке, чуть обгоняя хозяйку. Обе были в шипованных ошейниках.

Поскольку тротуар Старосадского переулка узковат, а ошеломленный сокольничий залип на месте, девушка остановилась перед ним и подняла глаза на ротозея, адресуя ему свой немой вопрос. Бобрище, придя в себя, даже не подумал посторониться. Собачка завыла.

– Богиня! – выразил нахлынувший восторг Бобрище. – Будьте моей! – не стал он терять времени на политес.

– Фигасе – темпы… – застенчиво потупилась девушка, сняв

наушники, из которых до Бобрище донесся лязг металла.

– А вы – кто? – млея от восторга, спросил сокольничий.

– Я – гот, – уверенно ответила девушка и, посмотрев на собачку, добавила: – мы – готы!

Сокольничий вспомнил, что в одном из внутренних дворов Ивановской горки, известной обилием храмов, где однажды ему случилось разворачиваться, притаился GOTHSHOP. И вот оно – прекрасное создание, экипированное амуницией из того шопа! Даже два создания. В этот момент собачка дотрусила до неподвижного Бобрища и, задрав ногу, справила нужду на его брючину.

Девушка была начитанной. Она понимала тайные знаки и поведение животных. «Да он – неживой!» – пронеслось в ее голове. Собачки не писают на живых людей! Девушка присмотрелась к трясущему ногой парню и увидела его бледность, натуральную, а не наведенную макияжем. Ей захотелось убежать, но любопытство пересилило. Встретить вампира ясным днем на Солянке – это совсем не то, что ночью на кладбище. К тому же он так мило дрыгал ногой, что выглядел совершенно безобидным. Ее абстрактное пристрастие обрело вдруг реальное воплощение. «Вот наши офигеют!» – подумала она.

Бобрище осознал, что в таком, подмоченном, виде приглашать в кафе девушку-гота как бы ни комильфо. А потерять – никак нельзя. Он наметанным глазом оценил обстановку: сумочки нет, в руке – ключи. Значит, она живет где-то неподалеку.

– Я вас найду, – уверенно пообещал сокольничий и ринулся к своей машине.

Девушка проводила его заинтригованным взглядом.

Поздним вечером Бобрище ввалился в апартаменты Уара, и в тот же момент рант его ботинка был пригвожден к паркету дамасским клинком. Приятель развлекался.

– Водки! – в эйфории потребовал сокольничий и, выдернув клинок, упал в широкое разлапистое кресло.

– Сколько можно пить? – недовольно проворчал Уар, наливая другу из запотевшего графинчика.

– С тех пор как я стал бессмертным, я понял, что от водки не умру. Так что сколько тебе не жалко, столько и выпью. Чисто сахар в крови разбавить. Сладко мне чересчур.

– Ну как знаешь. Лангфельд вон тоже так подумал, а умудрился даже мастерство пропить.

– А зачем ему теперь его мастерство? Он на ворованные ирландские исторические ценности и утаенные комсомольские

взносы сможет до конца времен жить.

– Сможет, – согласился Уар. – Только при неудачном раскладе – в тюрьме. Как Большой Никитос. Воруют все, но наказывают кого-то одного – показательно. Причем обязательно того, кто не поделился. Да и не живет он на них. Разочаровался, видать.

Уар звякнул колокольчиком, и лакей Большого Никитоса, вышколенный столетиями и взятый Уаром в дом после посадки его хозяина, вмиг сервировал закуску. Смертной прислуге царевич не доверял, а Епифан из партийных тенет так и не вернулся. Он пробовал на вкус партии, одну за другой, и находил в этом свои выгоды и развлечения.

– Я встретил девушку! – поделился радостью Бобрище, гоняя оливку вилкой по тарелке.

– «Полумесяцем бровь»?

– Хуже! То есть лучше! Она – гот. И собака у нее – гот. Брюки мне обоссал, паршивец! – Сокольничий счастливо засмеялся.

– Что это значит – гот?

– Молодняк с жиру бесится. У них даже форумы свои есть в Сети. Я узнавал. Смерти поклоняются. Нас уважают. Фаны!

– Извращенцы, что ли?

– Не больше, чем мы с тобой. Завтра пойду ее выслеживать и загонять. В кафе приглашу.

– Слушай, дружище, а подружки у нее нет? С собачкой-готом.

– Я спрошу. Обязательно должна быть. Они ж не для себя, они ж друг для друга – готы.

Глава 10
Мрачное личное и новые перспективы

В кафе девушка попросила заказать ей томатный сок, похожий, по ее утверждению, на кровь. Особенно если посолить.

Бобрище, заказав все виды имеющихся в ассортименте пирожных и десертов и попивая джин из мстительного стремления выпить в Москве все лондонское, пустился в светскую беседу:

– Ну так что исповедуете? Какова, так сказать, идеология?

– Какая еще на фиг идеология? – удивилась девушка, уписывая тирамису. – Мы ж субкультура, а не партия. Нет никакой идеологии.

– А что есть? В смысле идентификации…

Девушка посмотрела на сокольничего с подозрением.

– Ну одни тупо прутся от музла, другие – от экипировки.

– Ага. Понял. А ты? Ты от чего прешься?

– Я – другое дело. Меня влечет романтика смерти. Такие у нас тоже есть. Я вампиров люблю. И во мне есть ангст, – сказала девушка-гот со значением.

– А вампиров любить – это, мне кажется, уже не в тренде. Старо.

– Не старо, не ново. Вампиры – это классика! – уверенно заявила девушка.

– Кто бы мог подумать! – обрадовался польщенный сокольничий. – А собачка твоя? У нее тоже есть этот… ангст?

– Не знаю. Но мысли о суициде ей точно чужды.

– А тебе?

– Я размышляю об этом иногда. Но – абстрактно. Что-то не нравится мне этот томатный сок… – заметила она, поморщившись.

– Пей, пока он не свернулся, – засмеялся Бобрище.

– На кладбище пойдем ночью? – понизив голос, спросила девушка.

– Это еще зачем? – ужаснулся Бобрище. – Я покойников боюсь. Говорят, они ночью из могил встают и воют.

Девушка недоверчиво посмотрела на Бобрище.

– Я ж не гот! – объяснил он. – Я смерти не поклоняюсь. Кстати, а подружка у тебя есть? Мой друг тоже хочет себе девушку-гота с собачкой.

Девушка, покопавшись в черном чешуйчатом клатче, достала телефон.

– Марта, у тебя есть собачка? – спросила она абонента. – Жаль. Тогда ты крупно пролетаешь.

Обзвонив еще пяток подружек, готическая красавица наконец нашла искомое.

– Есть одна со шпицем, – доложила она сокольничему, – правда, он не гот. Но она его покрасит и пирсингует, пока родители в отъезде.

А в это время Уар бороздил Москву без всякой цели. Ему не сиделось дома, потому что там одолевали его тяжелые, как церковные врата, мысли. Он сбежал от них, но мысли пустились в погоню.

Куда бы он ни сворачивал, над ним нависала «Башня 2000» Москва-Сити. Уару казалось, что Москва, утрачивая былую разудалую женскую натуру, превращается в город-гермафродит, восставая архитектурными фаллосами и являя истинный смысл понятия единства и борьбы противоположностей. «На высокой башне много печального ветра», вспомнил он. И в каждой чудилась ему плененная царевна. Ему вдруг захотелось заточить себя в башню. Да, в ту самую – из слоновой кости, которая превращает изгнанника в избранника. Он набрал номер научного департамента холдинга ЗАО МОСКВА и велел предоставить ему в срочном порядке сведения о численности популяции слонов на планете. Идея стоила жертв. Башня должна вознестись над городом так высоко, чтобы с нее стал виден наконец горизонт, а не стены соседних строений. Он очень хотел увидеть границы Москвы, но она расползалась, словно некий ловчила норовил натянуть ее на всю Россию.

Слонов потребуется много, думал царевич. Сонмы слонов. Все, что есть на этой планете. Да, он отдавал себе отчет в том, что это будет грандиозный и немыслимо дорогостоящий проект! Но если гнать слонов в Москву своим ходом, то можно будет сэкономить на транспортных расходах. И ничего, что они загадят по дороге полмира. Можно было бы, конечно, напилить бивней на месте, а мясо гигантов оставить аборигенам. Во всяком случае, это выглядело бы гуманнее. Но что такое гуманизм в сравнении с эпичностью? Мясо аборигены съедят, потом аборигенов съедят львы или другие соседи по эйкумене… Плоть – тленна, а легенды – вечны. Соображения эпичности проекта превосходили гуманитарные с большим отрывом.

Внутренний дуализм царевича не позволял ему простить жестокосердную Москву за то, что она «слезам не верит», но в то же время он любил ее как женщину: отчаянно ревнуя и молясь на нее. А она вдруг восстала, обманчивая, как транссексуал. И он не

понимал, что ему теперь со всем этим делать. Или это восстал в ней кто-то другой – новый молодой любовник Москвы, возжелавший довести ее до оргазма? А затем, восторженную и расслабленную, использовать в своих целях? Он продолжал любить ее как женщину и хотел удивить, порадовать развратницу достойным, соразмерным ее пышному телу лингамом из слоновой кости, но ее уже пользовал кто-то другой или она больше не была женщиной. Царевич впадал в отчаяние, но тут же находил, что все эти мысли были, пожалуй, слишком прямолинейны, слишком тестостеронны… Оставалось одно проверенное средство: запереться дома и напиться.

После свидания, проводив девушку, Бобрище поспешил к другу и застал его у окна с фужером в руке. По всему было видно, что друга накрыл отечественный осенний сплин.

– С Бомелием чуть не столкнулся на въезде. Что он у тебя делал? – с тревогой спросил сокольничий, зная, что царевич и аптекарь никогда не были близкими приятелями.

– Печеньки, дурак, с изумрудами привез. Как их есть? Наверное, хотел, чтобы я клыки обломал.

– Это Жу-Жу упражняется в гламуре.

– Да и черт с ними! Тут другое. Я с ним поделился своими опасениями относительно торчащих башен, а он сказал, что это наш строительный департамент холдинга ЗАО МОСКВА их заказывает. Представляешь? А я-то думал… я-то опасался, что это чьи-то чужие линга… башни, а это, оказывается, – наши… ПРА-напорные. Они уже набиты органикой и деньгами по самые макушки. ПРА качать будем…

– Ну так, значит, все хорошо? – Бобрище с некоторым беспокойством заглядывал другу в глаза. – Я, правда, ничего не понял… Так что печеньки?

– Понимаешь, – царевич взял со стола нелепый и подозрительный десерт, – есть какие-то отличия между мыслью, сказанным словом и тем, что имеет место быть. Дельта. Сухой остаток. Дефект массы.

– Человек так устроен, – вздохнул Бобрище.

– А ты его вскрывал? – разозлился Уар, качнувшись на уже нетвердых ногах.

– Конечно, все одинаковые, один ты – уникальный перец, – проворчал Бобрище, покосившись на пустую бутылку Remy Martin.

– Да, внезапно пьян… – без всякого чувства вины признался царевич. – Знаешь, иногда мне кажется, что жизнь не то чтобы говно, но занят я не тем…

– …сказал один вампир другому. Прикинь? – хмыкнул сокольничий, но понял, что царевичу не до шуток, и устыдился. – А чем бы ты хотел заниматься?

– Если я пойму это, других вопросов у меня не будет.

– Ну ты это… ты не грусти… – Бобрище положил свою могучую лапу на плечо друга. – Я нашел тебе нескучное занятие. Это тебя развлечет. На некоторое время…

– А потом?

– Потом еще что-нибудь придумаем.

– Надолго ли? У нас с тобой такое длинное, такое бесконечное «потом»… Ты знаешь, меня ведь никто никогда не любил. И я их пил. Надрывно, захлебываясь, мстя им за нелюбовь. А теперь я и сам утратил эту способность – любить. Наверное, она не рассчитана на такой долгий срок эксплуатации. Износилась.

Бобрище, далекий от столь хрупких чувств и тонких переживаний, смущенный откровениями друга, вертел в руках очередную бутылку.

– А ты хотел, чтобы они позволяли тебе пить себя из большой любви? – спросил он деликатно. – Вот тогда бы ты их залюбил до полного всасывания…

– Не мучь меня. Я и сам не знаю, чего хочу. Ну что ты на меня смотришь? Наливай! Или дай я сам. – Уар разлил коньяк по фужерам, расплескав половину. – И что за наказание – наши ледяные руки?..

Бобрище вдруг вспомнил, что у друга сегодня день рождения, и по-настоящему испугался. Он понял, что царевич в этот момент решает ежегодный мучительный вопрос: уйти или остаться. «Да что ж ему не живется-то? – недоумевал сокольничий. – И хорош, и богат, и родовит, а поди ж ты…»

– Послушай, я нашел тех, кто будет давать себя пить по любви, – поспешил утешить царевича сокольничий и увидел обращенный к нему взгляд друга, исполненный нежности и печали. Не вынеся распиравших грудь чувств, Бобрище отвел глаза, подозрительно хрюкнул над фужером, уронил что-то со стола и полез поднимать.

В этот момент встрепенулся телефон царевича.

– Докладываю, – заговорила трубка специальным офисным голосом, который отрабатывался на многочисленных тренингах и мастер-классах, – на данный момент на Земле живет от тридцати до пятидесяти тысяч азиатских слонов. Во всей Азии насчитывается около тринадцати тысяч рабочих слонов, а в самой Индии имеется всего лишь пять тысяч одомашненных слонов. Вам какие конкретно нужны? Одомашненные или дикие?

– Вы что там, спятили?! – обиделся Уар. – Какие к черту

слоны?

– Э-э-э… а в Африке – около двухсот пятидесяти тысяч… Есть кустарниковые, а есть саванные… Каких предпочитаете?..

– Идите к дьяволу с вашими слонами!.. – закричал царевич и швырнул в сердцах трубку. Ну всё сегодня было против него! Решительно всё! Он оглянулся на друга в поисках поддержки. Но тот по-прежнему сидел под столом, похрюкивая, но теперь уже как-то неделикатно.

Оставшись в одиночестве, Уар полез в Сеть в поисках информации о новых знакомцах сокольничего. Таковых оказалась чертова уйма. Открыв один из форумов, он обнаружил в нем близкую сердцу и радующую глаз фиолетовость бэкграунда и углубился в изучение контента. Чем дальше читал царевич ленивую перебранку готов, тем лучше представлял их. Тем роднее и ближе они казались ему.

«Вот у меня, например, никого нет, – писал, как Уару казалось, молодой человек с трагическим выражением лица, непременно трагическим! – Где мне найти тепло?»

Ах, как близок был Уару мучивший юношу вопрос! Он и сам хотел найти на него ответ.

«В крематории», – ответил другой, бестрепетный.

«Ну и сцуко же ты, Кролик», – без лишних эмоций констатировал третий.

«А что такого? Нагнетаю депресняк. Издевательства над готом делают его еще более депрессивным. То есть – тру. Так что все в порядке. И Кролик – не сцуко, Кролик – циничный и озабоченный тру», – объяснялся персонаж под ником Кролик.

«А как это у тебя никого нет? Куда ты их дел? Убил и съел?»

«Да настоящих друзей и не бывает. Каждый, кто к тебе приближается, старается поживиться твоим теплом. Есть только паршивая жизнь, в которой проще согреться в одиночку. И вечное разочарование смерти…»

У царевича дрогнула кисть руки на мышке и заныло за грудиной. Этот трагический персонаж словно озвучил давно мучившие его самого мысли и чувства. Да, он не уходил лишь потому, что боялся разочароваться в смерти. И он очень хотел поживиться чьим-нибудь теплом. Ему жизненно необходимо было, чтобы его согрели…

«Ты че такой серьезный?» – выразил обеспокоенность гот с ником Мефисто.

«На гопоту вчера нарвался. Вид им мой не понравился…»

«А как ты одет был?»

«Да вполне обыкновенно: джинсы, гады, ошейник, пирсинг… Я ж не панк какой-нибудь… Мы же – мирные, если к нам не лезут,

то и мы никого не трогаем…»

«А за что ты обычно трогаешь?» – поинтересовался Кролик.

«У меня нож есть. Я даже зимой хожу расстегнутым для быстрого доступа к оружию. Поэтому часто болею…»

«Ну и зачем ты в готы пошел?»

«Силу воли тренировать. Готика, по-моему, самое сложное в материальном субъективном мире, поэтому я в ней…»

«Ну ты вштырил…»

«Умные гопники давно пошли в нелегальные бизнесы посерьезней и теперь делают что-то нехорошее исключительно из-за серьезных денег…»

«Это – прежние. А уже новое быдло народилось. Проходу не дают. Да и тетки с дядьками не лучше. Пройти мимо без замечаний не могут».

«Да уж знаю, на своей шкуре испытала, – писала девушка, – летом, когда я готела, эти… ничего не представляющие из себя существа меня на работу не взяли из-за того, что я пришла на собеседование в черных кожаных шортиках, топе, гольфах в сетку и на платформе… Такие интересные, мне в жару в плащ надо было, что ли, наряжаться?..»

Какие же они, право, трогательные, умилялся царевич, ощущая в себе ускоряющиеся токи и обильное слюноотделение.

Глава 11
Нескучное занятие

Что могло его выгнать в эту скучную серую осень? Надежда на новую любовь или предощущение неординарных событий в его жизни?

Уар припарковался возле одного из популярных суши-баров столицы, в котором была назначена встреча. Иван Выродков считал распространившиеся по Москве суши местью японской за Курильские острова. Но никого из московских нетрадиционных потребителей это обстоятельство не смущало. Где эти мифические острова? Что им за дело до них, примостившихся на краю света?

Царевич огляделся. Машины сокольничего в пределах видимости не оказалось. Ветреный день нагонял на город сизые тучи и тонкий аромат тления. Последние сухие листья скребли скукоженными подмерзшими краями асфальт, словно цеплялись за равнодушную к их смерти твердь, тщась продлить свой уход подобно приме – с большой сцены. Но ветер уносил их в неотвратимость близкого конца в виде мусорного контейнера и последующего перерождения в корм земли.

Напротив входа в «сушильню» на широком парапете подземного перехода сидели одетые в черные гламурные «бушлаты» молодые люди в слегка внедорожных сапогах. Обмундирование выглядело недешевым. Тусовка у них тут, что ли? Царевич прислушался к негромкому разговору.

– А что, «Урал» разве круче «Харлея»? – удивлялся молодой человек в шарфе под самый подбородок, разглядывая отечественный мотоцикл.

– Он не круче, он готичней, – объяснили ему знатоки.

– Как много умирающих листиков… – сказала девушка, глядя на неметеный тротуар.

– Хочешь их похоронить? – спросил ее участливо молодой человек с длинной черной шелковой кистью в серьге, напоминающей аксессуар катафалка. – Организуем панихиду…

– Жаль, у меня плюсики кончились. Буду должен, – кивнул другой.

Э, да это – форумчане, понял Уар. Решили посмотреть друг на друга в реале?

– А что у тебя с лицом? – спросил кто-то парня с трагическим выражением лица.

– Я ж писал вчера: на гопоту нарвался, – ответил

«трагический».

Так они – те самые? Со вчерашнего форума? Вот так совпадение! Уар попросил прикурить, постоял рядом: от всех исходило ровное тепло. Чего им не хватает? – удивился он. Разговор был ленивым, вязким. И происходил, казалось, оттого, что молодым людям было не о чем помолчать.

– Знаешь, даже если б ты был одет белым ангелом, ты бы все равно отхватил. Выражение лица у тебя такое – просящее. Вот и подают, – ответил кто-то «трагическому».

Царевичу захотелось обнять «трагического» и нежно уткнуться в его теплую мальчишечью шею. Так близко, так пронзительно понятно было ему это состояние, когда ты – ничей.

Уар отвернулся, устыдившись своей слабости. Накрапывал мелкий дождик, а может, и не дождик, а первый осенний неурочный снежок таял в городском смоге, не долетая до земли. Получасовое ожидание кого хочешь разозлит. Уар и злился, подозревая сокольничего в незапланированной пьянке. Наконец показалась сокольничья сизая БМВ (Боевая Машина Вампиров) и, заложив лихой вираж, виртуозно вписалась в очерченное парковочное место у входа в «сушильню», как раз между двумя по-хамски криво приткнутыми джипами.

– Вот они! – известил друзей Кролик.

Уар покосился на компанию. Эти-то тут при чем? Он не знал, что одной девушке, обзвонившей пяток подружек, под силу поднять на ноги всю Москву. С тем же результатом можно было дать объявление в «Московских новостях».

Бобрище помогал выйти своим спутницам с их собаками, затеявшими совсем неготичную визгливую склоку.

– Извини, дружище, эти дамские сборы… ну ты в курсе… – виновато оправдывался Бобрище. – Давно ждешь?

– Не переживай, я только что подъехал, – ответил царевич.

Компания готов переглянулась и посмотрела на Уара с интересом и уважением к невиданному дружескому акту милосердия и всепрощения.

В «сушильне» выяснилось, что тусовка очень даже «при чем». Выходной день Руководителей Проектов обещал стать весьма нетривиальным. Рассевшись вокруг Уара и Бобрища с их девушками, готы позволили себя представить, пожали не без трепета ледяные ладони новых знакомцев и заказали красного сухого, недешевого.

Такого поворота наши герои никак не ожидали. Одно дело – развлечь и увлечь милых барышень, и совсем другое – оказаться в центре внимания любопытствующей тусовки. Готы изучали их. Они присматривались к готам.

– Позвольте поинтересоваться, каковы текущие цели и задачи? Чего хотите? – попытался прояснить обстановку Уар, прикидывая, как бы повежливей свернуть мероприятие.

– Сейчас или вообще? – уточнила девушка по имени Марта, пришедшая посмотреть, мимо чего она «крупно пролетела».

– И сейчас и вообще.

– Ну чего хочу? Секса хочу, новое платье с бархатным верхом, – девушка загибала пальцы с черным лаком на ногтях, – домашнего раба, чтоб все делал, шампанского, новые наушники…

– А я – чтобы ссадины на руках поскорее зажили, – включилась готесса, предназначенная царевичу, погрозив кулачком крашеному шпицу. И продолжила: – Свой дом, маленькую лялю, научиться колдовать, как в компьютере…

– Что же тут готичного? – пожал плечами Кролик.

– Э-э-э… А это все на кладбище должно происходить.

– Вот уж поистине единственный дьявол – наш собственный разум, – пожал плечами «трагический» и включился в перечисления: – Хочу, чтоб на планете не было этого быдла, которое вечно прикапывается. Хочу богатства, славы и вечной жизни. И еще новую видеокарту.

– А я еще любви хочу, взаимной и теплой… – сказала Марта.

– Все хотят.

– Мефисто, ты все неправильно делаешь. Здесь следует молча расплыться в зловещей улыбке и заказать даме выпивку, – вклинился Кролик.

– …и брачную ночь тоже… Первый семейный гроб, красный бархат, свечки вокруг понатыканы, ящик красного вина…

– Кстати, продаю свой гроб, – без затей проинформировал присутствующих Равенлорд. – Высота два метра, синий атлас, подушка, тапочки, ручки по бокам, крышка откидывается на петлях. Если спать, то надо класть на дно одеяло. А так, для антуражу, – отличная вещь!

– Не, мне бэу не нужен, – покачал головой Мефисто.

– Ну не особо он и бэу…

– А вы зачем спрашиваете, чего мы хотим? Можете выполнить наши пожелания или из любопытства? А то я сейчас набросаю быстренько списочек…

– Мы же не джинны. Так, любопытствуем. Вы любопытствуете, ну и мы тоже.

Энтузиазм в глазах Кролика угас.

– Может, посетим кладбище? Устроим там Gothic party. Выпьем за знакомство, – предложил Равенлорд.

Уар с сокольничим были вовсе не прочь выпить. Точнее, отпить сытенький доступный молодняк, выказывающий им свое

почтение.

– А почему обязательно на кладбище?

– Потому что кладбище – это самый андеграундный андеграунд. Истинный.

– Так вы ж по поверхности ходите. А впрочем, что ж, господа, отведаем ваших зрелищ и наслаждений, – ответил Уар, и собрание, покинув бар, расселось по машинам.

Готы вереницей неслись в фарватере «майбаха» царевича, рассекавшего поток транспорта каким-то непостижимым образом. В его ухе ожил блютуз.

– Что скажешь о контингенте? – спросил Бобрище.

– Ну если их рассматривать как репрезентативную группу, то налицо все та же дельта. Картинка не совпадает с текстом. Они – не те, за кого себя выдают. Но выглядят аппетитно. Кто они?

– Они – Руководители Проектов. Все. Может, это у них профессиональное заболевание такое – готизм?

– Понятно… Только не профессиональное, а должностное… Они податливей, чем любая плоть. Я чувствую. Такова двойственность их положения.

Уар отметил про себя, что никто из готов не хотел повышения по службе и вообще не упомянул о карьере. А ведь завтра они придут в свои офисы и примутся руководить подчиненными и отчитываться перед вышестоящими. В вечном замкнутом круге. Белки в колесе. Несчастные…

Скоро остался позади залитый электрическим светом город, его бензиновые пары и легкий парок дыхания плоти. На царевича надвигалось Замкадье, глубокое и беспросветное, как кома. К лобовому стеклу встречный ветер прибил мокрый лист. Случайный лист, опавший с могучего дерева в положенный ему срок, совершал теперь самое странное, самое нехарактерное для него действие: после жизни он пустился в путешествие. Он умер и был теперь совершенно свободен. Мир случаен, как этот налипший на стекло лист, думал царевич. Этот чертов мир фундаментально случаен, а я – нет. Это возможно? Мир случаен, а я – результат цепочки обстоятельств. Может быть, я больше мира? Сложнее? Я – субъект воли. А мир – лишь набор квантов. И алмаз – набор квантов. Почему она выбрала алмаз? Как он может быть дороже меня со всем моим бесконечным внутренним миром?

Ночная гонка завершилась у кладбищенских ворот. Царевич вышел из машины и обомлел: над его головой зияла бездна. Ах, как давно он не наслаждался этим грандиозным зрелищем! Не шалел от россыпи звезд, скрытой тщеславными огнями города! В Москве он не видел ни восходов, ни закатов: больной, вспухший

под самые небеса город застил горизонт со всех сторон. Не было у Москвы горизонта. Оттого не-Москва представлялась ее коренным обитателям чем-то мифическим, что находилось «за тридевять земель» и во что они слабо верили, так же, как и не-москвичи слабо верили, что Москва живет сама по себе, обходясь без тайных промыслов соратников Уара. Царевич стоял неподвижно, запрокинув голову, не будучи в силах отвести глаза. Он остро ощущал себя в этот момент частью открывшейся бездны. Одна Вечность с волнением всматривалась в другую Вечность. Холодная зыбкая мгла пространства не разделяла их, а соединяла, словно они касались друг друга или были одним целым.

– Смотрите, у него пар изо рта не идет! – прошептал Мефисто. – А вдруг он и в самом деле – вампир?

– Ну вот, считай, ты уже и проверил, – ответил ему Равенлорд.

Кладбище по случаю позднего часа оказалось закрытым. Сославшись на «неприемные часы», Бобрище собрался было вернуться в привычное городское чрево, пропахшее волнующей органикой, но готы не сдались. Преодолев ограду, молодые люди побрели по припорошенной первым снегом тропинке. Здесь, вдали от городского индустриального тепла, стылая земля благодарно принимала нежный белый покров. Ветер шелестел в кронах деревьев, кто-то мелкий шнырял в кустах, над головами ухала невидимая ночная птица.

– «В молчанье здешней тишины нет одиночества…» – припомнил Эдгара По начитанный Кролик.

– А можете нас укусить? – собравшись с духом, озвучил Мефисто волновавший всех вопрос.

– Можем, – без колебаний ответил Бобрище.

– И мы станем вампирами?

– Нет. Мы вас просто отопьем.

– Почему?

– Для того чтобы стать вампиром, надо не только быть правильно укушенным, но и умереть.

– Упссс… – Молодые люди попятились, рискуя отдавить друг другу ноги.

– Легких путей к блаженству не бывает, господа! Особенно к вечному блаженству, – дружелюбно пояснил Уар и добавил, помолчав: – Все живое – конечно. Вечна только смерть.

Готы затихли.

– Мне кажется, что даже быть просто укушенным вампирами – это очень даже готично. А след останется? – спросила девушка Марта.

– Нет. Но вы можете его нарисовать.

– Хочется иметь свидетельство… мм… акта, – сказал Мефисто.

– Мы же не «Станция переливания крови», чтобы донорские значки выдавать и талоны на обед.

– А зря, кстати. Вам же нужно кого-то пить, по-любому. А нам было бы приятно. Глоток – значок. Маркетинг! Мои дизайнеры могут дизайн значка разработать. Дорого! – предложил продавец гроба.

«Показушники, подумал Уар, хотя, с точки зрения эстетики, – вполне стильно».

– А это как-то на здоровье влияет?

– Если не часто прикладываться, то никак. Кровь быстро восстанавливается. В некоторых случаях даже полезно. Раньше делали кровопускания и ставили пиявки с лечебной целью.

– Равенлорд, а ты что, уже готов? – склонив голову набок, спросил Кролик.

– Ну а чего? От меня не убудет. А фишка – прикольная. Только если со значком.

Следующий день царевич провел в думах о новой кормушке. Связь с готессой не принесла ему ожидаемой радости, потому что ничего, кроме испуга и пошлого обывательского любопытства, в ее поведении он не нашел. К тому же его вконец извела ее псина, воющая где-то в глубине апартаментов, как на покойника. Утомившись бесплодным занятием, он забылся тяжелым сном, явившим его израненному сердцу Анастасию. Фемина в красном прижимала его к ране в своей груди, как лист подорожника, рассчитывая таким образом остановить кровь.

Утром, все еще чувствуя себя под взглядом готессы экзотической зверушкой в зоопарке, Уар пригласил девушку позавтракать. Как ни странно, гостья отчего-то вела себя как победительница. Возможно, из-за ночного фиаско царевича, от которого не спасает даже августейшая кровь. Как будто целью всех этих барахтаний для нее был не оргазм, а победа любой ценой. В чем состояла значимость сей сомнительной, по мнению Уара, виктории, так и осталось для него загадкой. Впрочем, интерес в ее глазах не иссяк, а, напротив, усугубился. При дневном свете готесса наконец разглядела интерьер особняка. Она даже затруднялась найти названия невиданным предметам. По этой причине он не любил приводить барышень к себе, в свое интимное пространство. Для сексуальных утех вполне годились приват-румы клубов, а нет, так и просто клубные туалеты, где возбуждение приходило от одной только возни в соседних

кабинках. И теперь царевич изнывал от необходимости каких-то разговоров, ненужных ему действий и мечтал сплавить барышню по-быстрому. Он увидел на бюро диски. Ах да! Она принесла свою музыку и требовала поставить ее в плеер. Разве можно являться в его жизнь со своей музыкой? Какая недопустимая бестактность!

– Бли-и-ин… Ничего себе! Да, это – не ИКЕА… Неплохо ты устроился… Не боишься, что обнесут? – Несмотря на восхищение, в голосе готессы звучала снисходительная нотка, словно она застукала царевича за каким-то предосудительным занятием.

– И куда они с этим пойдут? Ворам нужны деньги, а не вещи. А здесь нет ни одной серийной. Все сделано специально для меня, на заказ. Они ничего не смогут продать.

– А тебе не жалко денег на все эти понты? Ты ведь живешь затворником, если я правильно понимаю. Никто этой роскоши не видит.

Уар любил роскошь и не представлял себя в других условиях, которыми довольствовалась плоть. Царевич был далек от того, чтобы хвастаться и уж тем более оправдываться. Все само себя оправдывало со всей выдающейся очевидностью. Он просто так жил. Игнорировать же вопросы ошеломленной гостьи не мог по причине хорошего воспитания. К тому же он вдруг понял, что ему совершенно не с кем поговорить о любимых увлечениях, и уютно устроился в мягкой полусфере, еще неизвестной рядовому потребителю.

– А я и не напоказ ее заказывал, а для себя.

– Не понимаю. Зачем? Ведь все это – как-то чересчур. – Девушка озадаченно бродила по апартаментам.

– Если уж Фортуна была изначально ко мне благосклонна, не следует ее разочаровывать. Стоит использовать предоставленные возможности для устройства такой жизни, которая будет приносить радость нам и тем, кого мы любим. Я бы посоветовал тебе завершить экскурсию и воспользоваться шансом хоть ненадолго. Это – «лоно» – не просто изысканная, а еще и высокотехнологичная роскошь.

Готесса опасливо погрузилась в другую полусферу и тихо охнула. Столь органично и комфортно человек, наверное, чувствовал себя только в материнском лоне.

Лакей неслышно сервировал завтрак на яшмовом столике. Царевич взял стакан со свежевыжатым соком и продолжил:

– Существуя в предметном мире, я научился его распознавать. Каждая вещь здесь отвечает тем или иным моим надобностям. Решает те или иные проблемы. Но стоит задать себе вопрос: как решает? Приносит она мне радость или огорчения? Это прагматичный подход. Это – отношение к себе. Чего мы

достойны? Что мы получаем в итоге за свои труды? Как говорят герои ваших любимых американских фильмов: «Я заслуживаю большего».

Лакей доложил о прибытии сокольничего, который, войдя, и застал последнюю фразу.

– Это ты сейчас – кому?.. – удивился Бобрище и увидел наконец девушку. – А!.. Здрасьте, – расшаркался он. И отчитался не без гордости: – А моя в институт убежала. На менеджера учится!

– Ты еще скажи: «А моя крестиком вышивает!» – доброжелательно усмехнулся Уар.

– Увы! На данном историческом отрезке это – недостижимый идеал, – пожаловался друг, искренне огорчившись. – Пока песиков пирсингуем.

– Нет, ну мозгом-то я и сама понимаю… – вернулась к начатому разговору девушка. – Только в Москве, даже работая в должности менеджера проекта, можно упахиваться двадцать четыре часа в сутки, но на квартиру не заработать. Разве что на Гоа свалить и жить там в хижине на берегу океана. Представляешь? Работая в этой чертовой Москве, Руководитель Проекта может заработать только на хижину на берегу океана! Ну образно говоря.

– На берегу океана… – Уар попытался распробовать эти слова на вкус. Он вдруг понял со всей пронизывающей и трагичной очевидностью, чем он на самом деле хочет заниматься: ну конечно же – сидеть на берегу океана и просеивать песок сквозь пальцы. И он произнес это вслух: – Я мечтаю сидеть на берегу океана и просеивать песок сквозь пальцы…

Звучало тоже хорошо. Ему даже послышался шум никогда не слышанного им прибоя никогда не виданного океана.

– Но мне не светит. Так же, как тебе, – квартира в Москве. И даже еще безнадежней. Какие все-таки разные у нас устремления! – подвел он итог.

– Слушай, но ведь есть вещи не хуже, но дешевле…

– Ты получаешь удовольствие от своих дешевых побрякушек?

– Получаю, – уверенно кивнула девушка.

– Странно… Видишь ли, разница между дорогими и дешевыми вещами концептуальна. Чем богатый человек отличается от бедного? Богатый может все и вся заставить работать на себя. Чем дорогая вещь отличается от дешевой? Дорогая вещь работает на нас. Она украшает нашу жизнь: нас самих, наш быт, наш дом, наш досуг. Дорогая вещь повышает нашу самооценку. Для чего еще нужны деньги?

– Ну конечно, накупив вагон дорогого барахла, можно быть

элегантным…

На царевича накатывало раздражение. Прежде всего оттого, что она своими глупыми разглагольствованиями не давала ему распробовать вкус новой мечты, погрузиться в нее глубоко и нежиться. Она выковыривала его, словно моллюска из морской раковины, своими дурацкими вопросами, ответы на которые все равно не понимала. Его внутренний моллюск упирался, злился и начинал хамить.

– Элегантным человека делает не количество дорогой одежды, а умение ее носить. И вообще… вести себя. А радость от вещи, купленной по дешевке, обманчива, поверь. Цена вещи всегда адекватна вложенным в нее усилиям и таланту. Настоящий мастер работает собой, всей своей энергетикой, всей своей кровью.

– Ну и зачем мне, к примеру, золотой гаджет, сделанный чьей-то кровью? Нет, ну золотой – это, конечно, прикольно, но мне-то, главное, чтоб он эсэмэски отправлял. Кто на том конце видит, с чего я их отправляю? И вообще, вынь я его, скажем, в метро, доживу в лучшем случае до ближайшей подворотни.

– Ну ты же догадываешься, что те, кто пользуются золотыми гаджетами, не ездят в метро. И вообще, дело отнюдь не в металле. По-настоящему высокотехнологичные вещи доступны далеко не всем. Если мы можем себе позволить такую роскошь, то вопрос «а кому сейчас легко?» может обрести ответ в нашем собственном жизненном пространстве и укладе. Пойми, дорогая вещь – это вложение в себя. Дешевая – в производителя. Я вкладываю деньги в себя.

– Ты так увлеченно объясняешь мне необходимость роскоши, будто хочешь мне ее предложить…

– Нет. Не хочу, – ответил Уар. – Ты все равно не оценишь. В тебе отсутствует эстетское восприятие мира. Да и не поэтому даже… О чем я?.. Так вот… Стиль жизни богатого человека заключается в том, что у него нет необходимости посвящать себя дорогой вещи. Дорогая вещь сама изначально посвящена человеку. Она сделана с уважением к потребителю и любовью. Автор выпустил ее в мир с гордостью за свой труд и талант. Ведь что главное в любой вещи?

– Что? – наморщила лоб девушка.

– Радость, которую она дарит, изыск и комфорт. Дорогую вещь всегда можно распознать с первого взгляда. Основа ее дизайна, будь то одежда или бытовая техника, авто или дом, – линия. Никакие «рюшки» никогда не заменят хорошей линии. Над дорогой вещью много думали. Идея – порождение гибкого и нетривиального ума. И вот – она состоялась. И, будучи наконец

исполненной, она погружает нас в комфорт и безмятежность. И радует глаз. Тебе что дома радует глаз?

– Ну теперь уже, наверное, ничего. Но я вполне могу обходиться без этих пузырьков в голове, – неуверенно оправдывалась девушка. – У меня – свои.

– Взгляни на это под другим углом. Дорогие вещи кардинально меняют нашу жизнь. К примеру, что будет с твоим лицом и фигурой через несколько десятков лет? Можно всю жизнь вести неравную борьбу с природой за то, чтобы хорошо выглядеть. А можно поставить себе на службу достижения разработчиков специальных средств. Да, они недешевы. Но они будут помогать нам одерживать победы над природой. Побеждают только высокие технологии. И не набор ингредиентов, а формула, разработанная лучшими специалистами в отлично оснащенной лаборатории. Тогда эти средства работают. Есть такие вещи, которые открывают перед нами новые миры и новые возможности. Надо их только разглядеть.

– Новые миры? А что же ты не можешь тогда порадовать себя берегом океана?

– Это – другое. – Уар помрачнел. – Это – плата. Каждый платит за свою комфортность бытия. Причем самым главным платит. Мечтой. Всю свою вечную жизнь платит…

– Ну да, вы ж – вечные… Я и забыла… Послушай, вот вы живете столько веков и пьете поколение за поколением… И они уходят в небытие… Вам не страшно?

Уар поморщился. Он вовсе не был расположен пускаться в объяснения этических норм поведения нетрадиционных потребителей и выворачивать душу наизнанку перед этой, ничего не значащей в его жизни, девушкой, снимающей в данный момент крышечку с пластикового стаканчика черными коготками.

– Вот ты сейчас пьешь йогурт. А в нем живут молочнокислые бактерии. Заметь – живые. Тысячи, нет, миллионы бактерий. Их жизнь коротка. Их время спрессовано. И у них в этой банке, быть может, уже образовалась целая цивилизация. Возможно, они уже что-нибудь даже изобрели для своих нужд, возможно, у них уже появились общественные организации и движения. Появились неформалы: готы, панки, хиппи… Пока ты снимала крышечку, у них могла произойти революция, война или национальный конфликт…

– Откуда у них нации? Они же все одинаковые – молочнокислые… – изумилась девушка.

– Ну возможно, одни более кислые, другие – менее… Так вот, у кого-то из них возникла первая любовь… А тут – ты! Помешала ложечкой в стаканчике – и у них сразу: катастрофы,

катаклизмы… Последний день Помпеи…

Ложечка выпала из дрожащих траурно наманикюренных пальчиков.

– У них – любовь, а ты недрогнувшей рукой отправляешь их активировать обменные процессы в своем организме, сгубив целую йогуртовую планету. И завтра ты пойдешь в гастроном и, купив очередную баночку йогурта, употребишь следующую цивилизацию, в которой ходили легенды о гибели працивилизаций. А ты живешь дальше.

Девушка с ужасом смотрела на содержимое пластикового стаканчика.

– Я – не бактерия! У меня… у меня…

– …общественные организации, модные неформальные увлечения, любовь, последний день Помпеи… – продолжил Уар.

Девушка выскочила из-за стола и засобиралась.

– Проводи, – кивнул он лакею.

Освободившись наконец от барышни с ее собачонкой, Уар облегченно вздохнул.

– Ну что – серна? – поинтересовался Бобрище.

– Нет, не серна, – уверенно ответил царевич, – просто коза. В конце концов никто не обязан быть таким, как нам хочется.

Сокольничий кивнул и вдруг спросил обеспокоенно:

– А скажи, ты сейчас это… серьезно? Про роскошь… Что это было? Гипноз? Заклинание? Мастер-класс?

Царевич поднял на него ясный взгляд и медленно перелил йогурт из пластикового стаканчика в хрустальную креманку.

– Нельзя, чтобы плоть привыкала довольствоваться малым. Иначе – откуда ПРА возьмется? Помнишь, у Саши, у Вертинского:

> … А я, кривой и пьяный, зову их в океаны
> И сыплю им в шампанское цветы…

«Знаю я эти «океаны», – подумал сокольничий, которому вполне годилась для романтики водка на Чистых прудах. Но вдруг, что-то вспомнив, заерзал, зачесался.

– Что такое? – спросил царевич, хорошо зная эту манеру приятеля.

– Да я тут… решил рокером побыть. Голос у себя обнаружил. Благословишь? – смущаясь, спросил друга Бобрище.

Уар посмотрел на сокольничего с нескрываемым интересом.

– Голос? И что, тебе уже есть что сказать этим голосом?

– Мыслей пока немного, но говорить… тьфу ты, петь уже хочется.

Сокольничий помолчал и добавил:

– Представляешь, четыре сотни лет живу, а сказать нечего…

– Это потому, что ты еще жив, а время твое давно ушло.

– Вот не люблю я, когда ты так со мной разговариваешь. – Бобрище обиженно засопел. – Так что, братуха? – спросил он друга, заглядывая ему в глаза.

– Pourquoi pas? Желаю тебе творческих успехов!

– Спасибо! – обрадовался сокольничий. – Но вообще-то я рассчитывал на гитару… Электро… фендер джаз бас. Ты-ды-ды-туф-туф! Ты, кстати, не в курсе: рок петь – это не опасно? Судьба все-таки… – забеспокоился он вдруг.

– Не знаю. Может статься, что рок – это единственное, что стоит петь, и единственное, что следует с ним делать, это петь. Но в любом случае карму этой жизни тебе отрабатывать не придется. Если ты об этом…

Глава 12
Сервировка

По дороге Уар вспомнил о маркетинге, на который так падки оказались Руководители Проектов. Они были готовы отдаться за маркетинг. Ну что ж, так тому и быть! Пить готесс и готов, да к тому же – Руководителей Проектов он находил весьма аутентичным и вполне в русле текущих модных тенденций. А что с ними еще делать, если не пить? Можно будет завязать наконец с постыдной и малоэстетичной практикой столоваться в метро, хотя Уар любил, взявшись за поручень в мерно качающемся вагоне, ощутить еще не истаявшее тепло чьей-то горячей руки.

На Московском ювелирном заводе кипела работа. Возрождающаяся из дефолтного пепла Москва желала украшаться. Какие еще значки?! В конце восьмидесятых Уар увидел продающиеся на Арбате бляшки, расписанные концептуально, – в духе очередного смутного времени. И как апофеоз повседневного хаоса в головах замороченной плоти нанесена была на один такой экземпляр надпись: «Вот купил себе значок». «Всё пропало! – подумал тогда царевич. – Плоть перейдет на репу и ржавую селедку и будет думать: «вот, купил себе еду».

Но теперь, находясь в хранилище Московского ювелирного завода, он не сомневался, что Москва воспрянет и заблистает вновь. И почему бы ему не приложить к этому руку? Царевич велел показать ему яхонты червленые. Густо-красные камни рассыпались на столе каплями окаменелой крови. Это было как раз то, что нужно. Он велел довести камни до формы гладких капель и снабдить их креплениями для пирсинга. Прикинул картинку. Получалось где-то даже изысканно.

Горячий и энергичный камень должен был не только засвидетельствовать героическую самоотдачу, но и вознаградить добровольца храбростью, мудростью, здоровьем, красотой и чем-то там еще, что напридумывали на его счет смертные. Хотя царевич подозревал, что камень – это только камень, а этим гладким красным минералам теперь надлежало стать камнями на шее. «Не утянули бы в бездну», – подумал он с тревогой и опаской.

Царевич отмерил заводчанам для исполнения заказа самый короткий срок и, захлебываясь слюной от предвкушения эстетско-гастрономических изысков, отправился в ресторан.

Сакральная процедура требовала, по мнению Руководителей

Проектов, достойного места. Кладбище нетрадиционные потребители категорически отвергли, пояснив готам, что это как минимум негигиенично – есть на кладбище. По здравом размышлении готы вошли в положение. Ведь это только для них укус – сакральный акт, а для вампиров – просто прием пищи.

Всю предшествующую Акту неделю Уар и Бобрище тренировались на куриных грудках кусать нижними клыками, как бы отпивать, одновременно цепляя рубиновую каплю, и застегивать швензу замка языком. Делать это руками после укуса царевич находил неаутентичным. Когда прием был отработан в совершенстве, друзья-соратники уведомили готов о своей готовности приступить к процедуре.

Наконец план созрел. Готы остановили свой выбор на полуразрушенном дворце графа Разумовского, сговорившись между собой собраться на станции метро «Курская», на кольце, в центре зала.

До Акта оставалась еще пара дней, и царевич, условившись с сокольничим о встрече у дворца с целью ознакомления с антуражем, вышел из ресторана. В последние годы он часто менял машины, что теперь, подойдя в парковке, не мог вспомнить, какой автомобиль следует искать. Впору было заглядывать в окна припаркованных авто в поисках свежего номера нью-йоркского Esquire, брошенного утром на переднее сиденье. Выручил охранник, которому Уар отдал ключи перед тем, как войти в заведение. Подогнанная машина оказалась «хаммером». «Как это меня угораздило? – подивился царевич. – Пьян был, когда заказывал, не иначе… Надо будет подарить Малюте», – решил он.

В свое время Уару не раз доводилось бывать у Алексея Кирилловича Разумовского по разным надобностям. В основном по поручению масонской ложи Capitulum Pertopolitanum. Граф был человеком дельным, хоть и суровым. Жену из дому выгнал, с детьми был излишне строг, даром что пост министра народного просвещения занимал.

Царевич помнил дворец роскошным. Сложенный из дубовых брусьев (Разумовский находил камень нездоровым строительным материалом, годным разве что для семейного склепа), с внутренним убранством в виде дорогих гобеленов, бронзы, многочисленных зеркал и лазуритовых подоконников, он напоминал драгоценный чертог.

К дворцу примыкал сад с аллеями причудливо постриженных деревьев и роскошными клумбами редких, экзотических цветов. Уар любил в ту пору увлекать в аллеи тонких барышень и прохаживаться с ними меж четырех устроенных прудов с рыбами,

любоваться оранжереей и как бы нечаянно случившимися на пути «дикими» лужайками и озерцом. Он давно там не бывал. С тех самых пор, как граф окончил свои труды и дни.

Именно с этой картиной в голове царевич и подъехал по знакомому адресу. Некогда величественный особняк со сдвоенными колоннами фасада, украшенный львами, стоящий в глубине парадного двора, ныне ничем не напоминал о былом великолепии. Разруха и запустение поселились на месте роскоши, которой в те далекие времена могущества Алексея Кирилловича завидовала вся Москва.

Уар набрал номер сокольничего.

– А ты уже на месте? Рано же еще! – Голос друга перекрывался шумом автострады. – Ну как там?

– Пришел, увидел, обломался, – коротко проинформировал сокольничего Уар.

– А в чем дело? – испугался Бобрище, пребывавший с раннего утра в состоянии неконтролируемого восторга.

– Да тут гадюшник. И руины, – уведомил друга Уар.

– А ты не знал?

– Давно тут не был.

– Ну ты будто не в Москве живешь! – удивился Бобрище.

– Слушай, надо как-то обставить мероприятие поприличней. Чтоб они думали, что это такой значимый жертвенный Акт, а не просто их тупо пьют. Должны же мы чем-то отличаться от их начальства и смертных властей!

– Ну пригласи им Мэрилина Мэнсона или «Рамштайн». Будут ритуально отдаваться под любимое музло…

– Я полагаю, что у них гастрольные туры на год вперед расписаны, а может, и не на один. А помещение хоть как-то декорировать нужно. Ты вот что, ты заскочи куда-нибудь за свечами, цветами… И в театр наведайся на предмет занавеса. Мы его на пол бросим. А-то ведь засрано все.

– Какой занавес!? Ты что, забыл? Льготы на культуру давно отменили! С тех пор как театры перевели на самоокупаемость, у них новая концепция: занавеса нет, а зритель по свистку… то есть по звонку зажмуривается.

– Короче, крутись, как хочешь, но банкет должен быть сервирован по высшему разряду.

– Нашел себе кейтеринг… – проворчал озадаченный Бобрище.

Глава 13
Акт

Двадцать седьмого ноября 2004 года пролетавший над Москвой рейсом Мюнхен – Токио пассажирский лайнер получил от диспетчера уведомление, что аэропорт в Новосибирске, где он должен был произвести дозаправку, закрыт по метеоусловиям. Вылетевшие ему навстречу нанятые Уаром чисто за топливо и возможность полетать «МИГи» Московского военного округа принудительно посадили самолет в Домодедове. Музыкантов, которых весь мир знал под именем Rammstein, вместе с аппаратурой вежливо выгрузили в подогнанный на летное поле автобус и, пообещав сюрприз, аккордный гонорар и покрытие неустойки, повезли на улицу Казакова, к строению, значившемуся на карте Москвы под номером восемнадцать.

Строение несколько озадачило и даже напугало гостей своей очевидной обветшалостью. Молодой человек, до странности бледный лицом, попросил музыкантов надеть сценические костюмы, подготовить инструменты и аппаратуру, в том числе и световую. Небольшая лазерная установка способна была изменить помещение до неузнаваемости, хотя в данном случае этого и не требовалось. Уар собирался лишь несколько сгладить впечатление от загаженности благородных руин.

Весь вечер ко дворцу Разумовского тянулись московские готы – Руководители Проектов, из чего становилось понятно, что проектов в столице много. Москва была Меккой всевозможных проектов. Шли и шли, группами, попарно и поодиночке, звеня металлическими аксессуарами, словно кандалами.

– Я столько не выпью, – испугался Бобрище. – Давай звать подмогу.

– Нет! – жестко пресек панику царевич. – Ты ведь даже водку не сядешь пить с кем попало.

– Я думаю, что вопрос доверия к тому, с кем выпиваешь, может возникнуть, только если собрался нажраться в хлам и боишься, что тебя бросят в сугробе. А не как у тебя – по причине глубокой внутренней обособленности.

– Короче, – рассердился Уар, – здесь не ресторан, чтобы приятелей угощать! Это наша еда. Лакей мой, если не справимся, подсобит.

– Да понял я, понял… – пошел на попятный Бобрище, удивленный столь резким отпором. – Ты бы лучше с сернами своими так решительно…

Музыкантов водрузили на высокий постамент из декорированных черным шелком строительных лесов. Лоно полуразрушенного дворца мерцало свечами, расставленными повсюду, и оживлялось золотой чайкой, вышитой на бархате чуть тронутого тленом пурпурного покрова. Клюв видавшей театральные виды птицы упирался в значительных размеров – с человеческий рост – покрытую сусальным золотом тарелку из папье-маше, расчерченную черными кракелюрами, словно разбитую.

– Почему посуда – битая? – шепотом спросил Бобрище.

– С целой только неживое едят. А живое – с разбитой на счастье, – объяснил свой креативный ход царевич.

Напряженно-торжественная плоть судорожно жалась к стенам, пачкая черные одежды рыхлой, осыпающейся с тихим шорохом штукатуркой. Депрессивные Руководители Проектов ждали Акта, как посвящения в рыцари.

– Господа! Попрошу всех выключить мобильные телефоны! – торжественно обратился к готам лакей.

Ни один Руководитель Проекта, находясь в здравом уме и при памяти, не выключил бы телефон ни при каких обстоятельствах. Но, видно, с их памятью и умом в этот момент происходило нечто запредельное.

Первого добровольного донора – Равенлорда – Бобрище оторвал от стены и патетично возложил на тарелку, гарнировав его свежими орхидеями. Готы затихли, охваченные трепетом, а Равенлорд вдруг увидел над собой распластанных по потолку летучих мышей – хранителей дворцовых тайн и руин – и испугался, что они тоже присоединятся к трапезе. Покроют его молодое тело своими жилистыми крыльцами, ухватятся за его нежную плоть когтистыми ручками и ножками и вопьются все разом. И он бы вскочил и бежал из этого бесовского бедлама, но воля и члены его оказались парализованными, словно в дурном сне, серыми, непроницаемо-ледяными глазами царевича.

У «рамштайнов» от открывшегося сверху вида на тарелку с подготовленным к трапезе гарнированным человеком свело руки на гитарных грифах. Но резким и мощным мыслепосылом Уара, возбужденного предстоящей гурманской и эстетской трапезой, перкуссиониста качнуло, словно от хука в челюсть, и раздалась наконец барабанная увертюра, подхваченная басистом.

Со словами «Прости, Алексей Кириллович!» нетрадиционные потребители торжественно повязали свои шеи белыми крахмальными салфетками. Передав управление очумевшими музыкантами сокольничему, Уар возлег на тарелку рядом с Равенлордом, обхватил его ледяными руками и задышал холодом

ниже мочки уха, откинув черные пряди крашеных волос гота. Несмотря на грохот электроинструментов, он слышал участившееся биение его сердца и чувствовал сжавшуюся под руками плоть.

– Расслабься… Не бойся… тебе будет хорошо… – шепнул царевич. Губы его заскользили вдоль беззащитной донорской шеи: от мочки пирсингованного уха к вороту кипенно-белой рубахи, оборками стекавшему на грудь. Оба испытывали небывалое возбуждение. Уара затапливала нежность, рот наполнялся слюной, содержащей анестетик, и он был счастлив, что этой теплой и сладкой, трепещущей под его губами плоти он не доставит боли. А только – восторг! Только – экстаз!

Когда полубезумного от экстаза Равенлорда подняли, на его оголенной шее мерцала огоньками свечей рубиновая капля. Готы подавились стоном, а под потолком, перекрывая рев электроинструментов, разнесся крик обезумевших музыкантов, в котором смертельного ужаса было больше, чем во всех их композициях. Но, подчиняясь воле сокольничего, их руки продолжали играть, а глотки – петь. Это был самый хардовый рок в их жизни.

Один за другим отдавались донельзя возбужденные Руководители Проектов – молодая депрессивная московская плоть. И поднимались с тарелки с новым пониманием близости и долга, блистая рубиновой каплей на шее, испытывая ни с чем не сравнимый восторг самоотдачи. Оказалось, что они более всего на свете желали именно этого – отдаться. Лакей царевича подносил отпитым готам «Шато Лафит» в богемских тонкостенных бокалах и заглядывал им в глаза.

По завершении торжественного Акта Уар объявил готам, что каждый из них должен задуть одну свечу.

– Это ты хорошо придумал, правильно, – шепнул ему Бобрище, чувствуя подкатившее к горлу нутро. – Я лично дунуть уже не могу – стошнит.

Дворец погрузился во мрак. Царевич велел лакею открыть входные двери и попрощался с Руководителями Проектов до новых встреч.

– Ой, что-то мне нехорошо, – пожаловался, едва дыша, Бобрище.

– Нельзя так переедать, – согласился Уар.

– Особенно на ночь.

– А все же зря я их попросил свечи задуть, – расстроился царевич. – Эти огоньки, они похожи были на их души. И они так ярко и живо горели здесь! Горели лишь для того, чтобы растопить стеарин. Представляешь? – Уара охватило волнение. – Отдавать

свой свет и тепло лишь для того, чтобы растопить этот чертов стеарин… И они сами их задули. Задуть свечу – суицид-лайт…

– Они – не сами. Это ты их попросил.

Царевич закрыл лицо руками.

– Но ты не парься. Я тебе как музыкант музыковеду скажу: ведь что за жалкая участь – своим теплом и светом всю жизнь растапливать равнодушный и беспощадный стеарин?

– Я понял: это и есть маркетинг!

С утра Москва полнилась слухами о вчерашнем приватном диковинном концерте знаменитой группы. Подозревали, что музыканты были приглашены к одному из московских олигархов. Их слышали где-то в районе Курского вокзала и на дальних подступах к нему. Поезда отправлялись с большим опозданием, потому что проводникам даже при поддержке транспортной милиции не удавалось водворить пассажиров в вагоны.

На последующем концерте в «Олимпийском» музыканты в клепаной коже были лиричны как никогда и удивили московскую публику композициями из альбома «Reise, Reise» – о рейсе, изменившемся так внезапно. У самой рампы знаменитым рокерам мерещились молодые люди в черном, с намотанными на шеи шарфами, сквозь которые пробивались красные отблески.

Двадцать девятого ноября 2004 года немецкие электророковые легенды Rammstein дали пресс-конференцию в московском музыкальном магазине «СОЮЗ» на Страстном. В конце пресс-конференции каждому участнику Rammstein вручили по именному «Золотому диску» за альбом «Mutter» (по результатам продаж в России лицензионного диска, выпущенного Universal Music Russia).

Вопросы, сыпавшиеся из зала, касались большей частью загадочного концерта на улице Казакова.

– Для кого вы играли? Вы звучали необыкновенно. Вы испытывали что-то особенное или это был обычный концерт?

Rammstein отвечали осторожно:

– Нам неважно, полностью ли это заполненный зал или небольшая аудитория. Так что это был обычный концерт. Но тем не менее мы очень рады опять выступать в России, несмотря на то что наши тексты, возможно, не очень понятны.

– В чем, по вашему мнению, секрет вашей популярности в России?

Музыканты переглянулись и ответили осторожно:

– Мы сами не можем это объяснить, для нас это тоже чудо.

С тех пор группа летала в гастрольные туры на Восток исключительно через Западное полушарие.

Глава 14
Лондонские атакуют

Сладкие времена гастрономически-эстетического экстаза закончились для царевича и его верного друга в тот день и час, когда московским нетрадиционным потребителям стало известно, что лондонские готовят новую акцию по экспроприации алмаза, в связи с чем нанимают частную армию.

Суверенитет нынче – штука легкодоступная. Суверенитет легко покупается и продается за членство в крупных международных организациях, регулирующих денежные потоки, за голоса членов этих организаций, за поставки вооружения диким режимам, особенно если у них имеются природные ресурсы, а самое главное – за последующие кредиты у Всемирного банка. Для кредитов вообще любой режим годится, даже если у него начисто отсутствуют золотовалютные резервы. Лишь бы брали. Но суверенитетом теперь обладают не только государства, но и политические, религиозные и гражданские образования. И свой суверенитет, и свои интересы они готовы защищать любыми средствами. Поэтому частные армии теперь тоже ни для кого уже не диковинка. От преторианской гвардии Рима и частных армий польско-литовских магнатов, которые зачастую бывали сильнее, чем армии королей, нынешние частные армии отличаются суперсовременным вооружением: подводными лодками, авиацией и прочим джентльменским набором, позволяющим им рассчитывать даже на контракт с ООН для проведения миротворческих операций. Частные армии теперь стали высокотехнологичным инструментом спецслужб и трансконтинентальных корпораций. И если ООН еще раздумывала над вопросом найма, то лондонскому комьюнити, проигравшему московскому операцию по возвращению алмаза, ничего другого, кроме частной армии, на ум не приходило. Цель требовала радикальных средств. Война так война – точечная, высокотехнологичная.

Поскольку серьезных конфликтов у великих держав на данном историческом отрезке не случилось, а те, что были, решались посредством мощной пиар-кампании их собственными силами, самая известная Частная Военная Компания в ожидании заказов промышляла пиратством, отрабатывая тактические навыки.

ЧВК было не впервой подписываться за чужие алмазы. Наемники действовали в интересах бриллиантового монополиста

De Beers и в интересах собственников компании, в результате чего Executive Outcomes получила доли в горнодобывающей промышленности Сьерра-Леоне. Компания широко использовала тяжелую военную технику, включая вертолеты и истребители.

Впрочем, интерес не исчерпывался одной только эффективностью. Весьма соблазнительным представлялось выдавать боевые действия за спор хозяйствующих субъектов. Сама схема была порождением сизых туманов Альбиона. Пробить через британский парламент отправку армейского контингента в другую страну – дело трудоемкое. Вот и найден был выход: в составе министерства обороны существует специальный департамент – Loan Service Department, который сдает внаем офицеров и сержантов британской короны в качестве гуманитарной помощи армиям Омана, Южной Африки и прочим нуждающимся.

И теперь одна частная компания, в лице лондонского комьюнити, нанимала частную армию для похищения у другой частной компании – московского комьюнити – украденного ею алмаза, принадлежащего по праву британской короне. Все было по-взрослому: вертолеты, мини-подлодки для рейдов по Москве-реке и Обводному каналу. Лондонские просили сработать ювелирно, попусту не светиться.

– Повадился дурак по алмаз ходить… – вздохнул Малюта.

– Тут ему и битым быть, – самоуверенно пообещал Бобрище.

Параклисиарху на сей раз изменила уверенность в себе и в успехе дела, и он не был настроен столь оптимистично. Шапками закидать – дело нехитрое, много ума не требующее. Нынешний противник представлял собой нешуточную проблему: хорошо обученные бойцы, профессионалы локальной войны. И кого против них выставлять? Единственным членом комьюнити, знакомым с войной не понаслышке, а во всех ее жестких реалиях, был «дикий гусь» – патриот русского оружия Иван Выродков. На сокольничего, оценившего масштаб угрозы столь неадекватно, особых надежд Малюта не возлагал. А уж об этой августейшей сопле – царевиче – и думать было смешно. Старейшинам не хватало быстроты реакции и умения обращаться с оружием. Лангфельд погрузился в глубокий андеграунд теплотрасс, и уже не оставалось времени искать за старыми липами Москвы великого сыщика Николеньку Трубницкого. Мелкие шалопаи и ***приобщенные*** случайно, по недосмотру, в расчет и вовсе не шли, поскольку в Главную Тайну посвящены не были. Алмаз представлял собой тайный резерв и увесистую фигу в кармане московских в адрес лондонских.

Взяв на себя разведывательные и координирующие функции,

глава службы безопасности попросил Выродкова натаскать сокольничего и царевича, вооружить и отработать оборонные мероприятия на объекте и вокруг него. Весь вопрос заключался в том, какими силами и средствами собираются воевать лондонские наемники в центре Москвы. Открытого наружного штурма Параклисиарх себе представить не мог. Чай, не девяностые. Но следовало сосредоточиться на прибывающих в столицу большими группами британских туристах. И тут он вспомнил о подземельях, о пяти подземных лучах туннелей, ведущих в ХХС.

– Давайте привлечем диггеров. Они – ничьи, – предложил Бобрище.

– Нет. Мы не можем открывать кому бы то ни было места входов в подземелья. Придется обходиться своими силами.

– А ЧВК как о них может узнать?

– Со спутника, если догадаются, как искать. И если их приборы позволят. Мы ж не знаем, чем они шарят.

В конце концов московские выставили против ЧВК свою Чертольскую группировку в составе Ивана Выродкова, Уара, сокольничего и привлеченных ими готов.

– Кто такие? Зачем они? – допытывался у царевича Параклисиарх.

– Они хорошие, дружественно настроенные. Преданы нам всей плотью до безрассудства. Мы их пьем. Очень хотят проявить себя, – поручился Уар.

– Во что нам это обойдется?

– Сущие пустяки. Чисто в маркетинг. Они анх хотят.

– Уважаю, – качнул головой удивленный Малюта. – Это мужественный и достойный выбор! Ну как знаете. Главное – чтобы толк от них был.

Уар, не обративший внимания на реакцию главы службы безопасности, заверил его в том, что толк от готов непременно будет, и отправился к ювелирам – заказывать золотые анхи для своих сладких Руководителей Проектов.

Да, на сей раз, все было жестко. Это вам не миссионера в мавзолее горилкой спаивать! И не фокусника морочить… Параклисиарх занял самую высокую точку Москвы – на острие останкинской телебашни. Вооружившись специальным высокочувствительным прибором – бесконтактным детектором с телеметрией, он обшаривал им Москву. Мощное торсионное излучение прошивало насквозь и почву, и армированный бетон сводов подземелий и без малейших искажений доставляло изображение на приемник. При этом мощность излучателя равнялась мощности лампочки карманного фонарика. Смертная

власть отказалась выделить деньги на его разработку и серийное производство, и тогда московские нетрадиционные потребители заказали и профинансировали опытный образец для своих нужд.

– Они все-таки нашли входы! Черт бы их побрал… – проинформировал Параклисиарх всех, кто был в этот момент с ним на связи. – Неужели догадались наложить на ХХС звезду?

Символическая звезда упиралась лучами в четыре вокзала и станцию «Серп и Молот». На этих вокзалах, в недоступных праздношатающейся публике местах, и располагались входы в туннели, ведущие в храм. Параклисиарх даже охрану возле них не выставлял – именно в целях обеспечения безопасности объектов, ибо полагал, что чем меньше суеты, тем меньше внимания они будут привлекать. Но кое-чего он не учел: того, что сокрытые от людских глаз места в эпицентре деятельности Лангфельдовой бомжацкой братии станут ее прибежищем, что ночами там, у входов в сухие и теплые подземелья, будут полыхать костры. И что кто-то из врагов московского комьюнити догадается наложить на карту Москвы звезду, центр которой приходится на храм Христа Спасителя, а лучи своими концами укажут на пять вокзалов; что фотография со спутника с ночными кострами в технических тупиках вокзалов совпадет с концами лучей звезды. Сакральный символ не уберег, а предал вечных жителей Москвы.

И теперь глава службы безопасности видел на мониторе, как по пяти лучам отходящих от ХХС подземных ходов движутся к тайнику отряды вооруженных до зубов пехотинцев ЧВК, а впереди наемников идут лондонские певчие мальчики 1540 года ***приобщения*** с их наставниками – альтами, тенорами и басами под предводительством дирижера и органиста.

– А-а-а! Психическая атака?! Не выйдет! – взвыл Малюта. – И мы не лыком шиты! – закричал он и дал команду готам.

Навстречу опостылевшим врагам по темным руслам туннелей выдвинулись из подвала ХХС группы депрессивных Руководителей Проектов. И тоже не с пустыми руками.

Зрелище на мониторе завораживало. Параклисиарх позвонил Ивану Выродкову, загодя занявшему позицию на крыше «дома на набережной», с которой отлично просматривался тайник, и известил его о стягивании пеших сил лондонских к ХХС.

– Певчих перед собой гонят, – посетовал Малюта.

Выродков вспомнил, как в 1975 году в Анголе он вел в бой батальон кубинцев – детей безмятежного и безобидного в смысле природы острова, экспортирующих карнавальный революционный энтузиазм по всему миру, поддерживая восставших своей живой силой и автоматами Калашникова. Тогда в страшной и коварной Южной Африке перед кубинским батальоном шли аборигены с

луками, снабженными ядовитыми наконечниками, и убивали ядовитых змей, отстреливали крокодилов, нападавших на бойцов прямо на суше и успевавших заглотить свою добычу, несмотря на прошившую их автоматную очередь, предупреждали о ядовитых растениях, отгоняли малярийных комаров. Иван понял, что смертные «дикие гуси» – наемники лондонских – боятся Москвы, оттого прикрываются бессмертными певчими.

На связь с Малютой вышли готы.

– Господин Параклисиарх, а что с ними делать, когда подойдут? Они ж – сами понимаете… того… неубиенные. Может, отсечь их чем-нибудь непроходимым?

– Разве что – тупостью вашей непроходимой! Вкопайте медведей по пояс в грунт! Есть? Отойдите назад. Люк над собой видите? Открывайте! Крепите быстро стальные балки крест-накрест и фанерную перегородку, где стоите. Для чего я вам все это дал?! Или у вас от страха мозги отшибло?

– А теперь? – уточнили добровольные волонтеры, проверяя на прочность установленную перегородку, за которой остались так любимые британцами плюшевые мишки.

– А теперь отошли все на исходную! Быстро! Зашили входы фанерой и балками!

Вскоре из-под ХХС из включенных на полную громкость плееров победно зазвучала «Reise, Reise» Rammstein.

Параклисиарх связался с Растопчиным и сообщил координаты перегородок, которые тот пометил на карте.

– Давай свой Метрострой!

Работяги за обещанное Растопчиным царское вознаграждение подогнали бурильные установки, и вскоре буры проделали в поверхности Москвы отверстия до самых люков подземелий. Одна за другой подъезжали бетономешалки и опорожняли свои утробы в пробуренные отверстия. И вовремя! Лондонские певчие, задержанные на некоторое время выкапыванием своих любимых плюшевых медведей под самые грязные ругательства наемников, наткнулись на бетонные пробки вместе с подпиравшим их заградотрядом ЧВК.

А хард-рок смолк. Московские недопитые Руководители Проектов под воздействием охватившей их жертвенной любви, плотского восторга и неистовой преданности своим кровопийцам зашили входы в подземелья, находясь не снаружи фанерной перегородки, а внутри. И были залиты лавой безжалостного бетона. Так героически погибло московское депрессивное воинство.

Из-под земли теперь доносилось пение блокированных на подходах к ХХС хористов Вестминстерского аббатства. Москвичи

в недоумении щелкали пультами телевизоров и крутили настройки радиоприемников, желая понять, откуда исходит звук. Малюта никак не мог оторвать взгляд от монитора, поэтому пропустил самое главное действие, которое разворачивалось не под землей, а как раз – над ней.

Воскресный московский вечер заканчивался, как обычно, частными салютами у ресторанов и фейерверками над Москвой-рекой, поэтому Ми-8, зависший на уровне позолоченных луковиц ХХС, не привлек внимания обывателей.

Выродков сосредоточенно наблюдал за вертолетом. Он лежал, раскинув ноги для более устойчивой позиции, и держал на изготовке станковый пулемет «максим». Внезапно вертолет испустил луч лазера, который вырезал аккуратную окружность в центральной луковице. Именно она служила тайником.

– Ах, канальи! – Легионер всех времен и народов разгадал маневр частной армии, заключавшийся в том, чтобы отвлечь внимание и оттянуть силы московских на подземелья. Сообразив, что десанта не будет, Выродков отбросил раритетный пулемет, выхватил из аристократических длaней царевича тяжелую самозарядную ОСВ-96 – крупнокалиберную снайперскую винтовку, способную поразить легкобронированные цели, и надел наушники.

– Не может быть! – в сомнении поднял бровь Бобрище. – Это ж – наши!

Использование Ми-8 не удивило Выродкова.

– Вряд ли частной армии удалось бы пересечь границу на своей технике. Они, вероятно, решили приехать в качестве туристов, налегке, и купили все необходимое на месте, как зубную пасту и тапочки. Прямо на Знаменке, да еще и небось по цене металлолома. А кое-что, например лазер, как обычно, – прямо на вокзале. Или на Черкизовском рынке.

– А вдруг это учения какие-нибудь? Или косметический ремонт ХХС? И откуда они поднялись? Их бы ПВО засекло сразу.

– Да из двора фабричного и поднялись. Сегодня ж воскресенье, рабочих нет. Им его туда приволокли, оттуда они и стартанули, – уверенно заявил легионер.

Уар, расположившийся рядом с Иваном, стянул зубами «рыцарскую» перчатку Hermes, сдвинул наушники и вышел секретным кодом на Московскую ПВО.

– Ё-о-о!!! Сигнатуры – чужие! – заорал оператор, несший ночное дежурство. – Цель на запрос не отвечает, не опознается! Сейчас доложу по начальству.

– Ты, боец, пока не кипешуй, – остановил его Выродков, отобравший у царевича телефон. – Оперативного не тревожь.

Полкан пусть свои эротические сны досматривает. А эти борзые – они по нашу душу. Сами справимся.

– Так, может, вам хоть зенитным прожектором посветить?

– Ага, ракетой… сигнальной… – хмыкнул легионер. – Мы его в ПНВ видим. Все, боец, не до тебя!

Оптический прицел с прибором ночного видения позволил бойцам Чертольской группировки засечь, как из зависшего вертолета показалось нечто похожее на телескопические руки. Одна из них – левая – заканчивалась вантузом, который, присосавшись к луковице, вынул фрагмент, выжженный по контуру лазером. А затем правая «рука» проворно, словно мартышечья, просунулась в проделанное отверстие, и вытащила бумажный пакет с логотипом «McD», в который был заключен алмаз. Разрабатывая концепцию безопасности объекта, Параклисиарх никак не предполагал, что рука, которая потянется за пакетом, будет искусственной. Он был уверен, что натуральная точно этим бы не соблазнилась.

Вантуз вернул на положенное место вынутый ранее фрагмент, но тут «рука» с пакетом отчего-то замерла. Очевидно, кто-то в силу сложившейся в этих местах традиции впарил ЧВК экземпляр недофинансированной робототехники. Ждать дальнейшего развития событий становилось рискованно. Ми-8 с оттопыренной клешней, зажавшей алмаз, вздрогнул, качнулся и двинул в сторону Берсеневской набережной, прямо на «чертольских», распластавшихся на крыше «дома на набережной».

– Куда-а-а?.. Я те двину! – пригрозил легионер и прицельно разрядил магазин винтовки в борт вертолета.

Но машина, несмотря на пять дыр в корпусе, удержалась в воздухе.

– Хорош! – с гордостью отозвался Иван о детище отечественного военпрома. – Надежная машинка, живучая, как дворовая сука!

Из вертолета лениво саданули очередью поверх голов. И тогда оскорбленный столь пренебрежительным отношением Выродков снайперским выстрелом перебил запястье стальной руки, так и не сумевшей втянуть алмаз в чрево вертолета. Пакет вспыхнул, и камень в оправе обхвативших его стальных пальцев вывалился в Москву-реку.

– Ну вот и концы в воду, – бесстрастно подвел итог Выродков, ненавидевший алмаз, с которым когда-то так позорно опростоволосился.

– Что ты наделал?! Водолазов теперь нанимать придется, – расстроился царевич.

– Это уже не моя печаль, – ответил легионер.

– Эх, нет в тебе патриотизма, Ваня! – попенял легионеру сокольничий, чей охотничий азарт еще не унялся.

– Видите ли, господа, – произнес Выродков, – «Мир», даже будучи перевернутым или опрокинутым врагами в «World», это все равно, как ни странно, – Мир.

Поднявшись во весь свой немалый рост, Выродков ушел с крыши по пожарной лестнице и, отследив направление движения Ми-8, отправился к самому сладкому месту столицы. А царевич и Бобрище, замерев, напряженно следили за брюхом пролетающего над ними вертолета. «Ответки» они не ждали: в ней не было никакого смысла. У «диких гусей» нервы крепкие – психовать и огрызаться не станут, да и знают прекрасно, с кем имеют дело. Разве что гадость какую-нибудь учинить могут. Да и то вряд ли: мало ли кто завтра может стать их нанимателем? Друзья еще не подозревали, что гадость, хоть и невольную, они получат от своего соратника.

Утром понедельника работницы кондитерской фабрики «Красный Октябрь», выходящей фасадом на Берсеневскую набережную, дивились слегка поврежденному вертолету, раскорячившемуся в непосредственной близости от проходной с внутренней стороны фабричного двора, и рассуждали о том, что начальство себе позволяет. Не такова была территория фабрики, чтобы ее на вертолете патрулировать. После первых непроизвольных тирад, сгоряча вырвавшихся в адрес начальства, в среде пролетарьята прошел слух, что совет директоров ОАО «Красный Октябрь» решил присовокупить к имеющемуся в активе реноме фабрики «Эйнем» партнерскому оборудованию австрийской «Хаас», швейцарского концерна «Бюлер» и немецкой фирмы «Антон Олерт» до кучи еще и рекламные технологии швейцарской компании «Нестле». И собственный вертолет теперь надобен руководству для европейских коммуникаций. Фабричные имели намерение с утра требовать выдачи зарплаты, которую руководство задерживало уже три месяца, но, увидев, что винтокрылая техника изрядно покоцана и требует ремонта, постановили отложить бузу. Не позориться же родному начальству? Надо, чтоб как у людей! Чем наш барин хуже нестлевского, чтоб на дырявой технике летать?

До конца недели местные рыболовы-любители глушили динамитом мини-подлодки ЧВК, бороздящие дно, принимая их в мутных водах Москвы-реки за реликтовых сомов-людоедов.

Уар не знал, как лучше объяснить профессиональным водолазам, обеспечивающим все криминальные заявки столицы, что именно они должны искать на дне Москвы-реки. Наконец

вспомнив все перипетии в ходе экспроприации алмаза, царевич сказал, что предмет поиска – большой кусок лунного грунта, представляющий огромный интерес для исследований. Ученые – безутешны.

Москва-река – зеркало Москвы-города. Гладь реки – сплошной мазут, на дне – стекла, мусор да многометровые слои ила. Водолазы жаловались на нулевую видимость, искали на ощупь, помогая себе гребешком. Никакого специального оборудования у них не водилось. Допотопные водолазные костюмы, купленные у ВМФ за собственные деньги, хоть как-то спасали кожу. Потому что в «мокрых» костюмах тело за десять минут пребывания в Москве-реке покрывалось язвами и лишаями. Попадались в основном человеческие останки, которые милиция принимала у водолазов неохотно, разнообразное оружие, на которое не было заказа, а потому оно оставалось на дне: водолазы справедливо полагали, что там оно по крайней мере не стреляет. Под одним из мостов врастал в ил «БМВ», хозяин которого, очевидно, решил, что проще купить новый.

Поиски алмаза результатов не дали.

Глава 15
Мемориал

Звонок вырвал Малюту из вечерней душной дремоты. Он не ждал гостей. По правде говоря, к нему вообще никто никогда не приходил. Членам комьюнити вполне хватало летучек и прочих официальных сборищ для дозированного лицезрения грозного главы службы безопасности. Еще в год провального для комьюнити бизнеса вследствие удара, нанесенного смертной властью, он оценил новизну и забытое чувство свободы от личного богатства, требующего постоянных трудов и неусыпного попечения. Отсутствие предмета этих волнений неожиданно освободило время для размышлений о сути жизни и вещей. И ему открылось, что накопленные богатства, словно гора накатанных ими комьев клейкого субстрата, приклеивала их к себе, и они были распяты на ней, на этой горе. Вот и выходило, что у каждого – свой крест. Последним крестом Малюты был алмаз. Он понял это только теперь, освободившись от камня. И бытовой аскетизм держал его в нужном рабочем тонусе мстителя и палача, потому что ничто так не расслабляет, как налаженный быт. А расслаблять следует как раз московскую успешную плоть – для качественного усвоения этого продукта.

Едва попадая ногами в стоптанные шлепанцы и накинув шелковый стеганый шлафрок на байке, Параклисиарх подошел к двери.

– Кто?

– Открывай, живодер! – услышал он знакомый, очень рассерженный голос, и припал к дверному глазку. На лестничной площадке стоял царевич, за спиной которого топтался и сопел хмурый Бобрище. И эта картинка вкупе с прозвучавшим текстом не сулила главному отрывателю голов ничего хорошего.

– Ну дела… – сам себе сказал Параклисиарх и снял с противопожарного стенда багор.

– Дверь вышибу, – пригрозил Уар.

– Вот тебе и сопля… – подивился Малюта, щелкнул замком и отскочил в сторону, выставив перед собой багор.

Незваные гости переступили порог унылого логова защитника и утешителя. Бобрище оценил обстановку и, молниеносным рывком подхватив с пола красное ведро с песком, метнул его содержимое в глаза Малюты, стоявшего без темных очков. Из его глаз в любой момент могло метнуться пламя. Подхватив выпавший из рук Параклисиарха багор, царевич

приставил его к кадыку противника, припечатав того затылком к стене.

– Почему они оказались в этой заднице?!

– Кто? Руководители Проектов? Исключительно по собственной глупости… Обычное отечественное головотяпство… А разве задница – это не привычное место Руководителей Проектов?

Царевич надавил на багор.

– Хорошо, хорошо!.. – прохрипел Малюта. – Я положил их в основу. В фундамент. Э-э-э… нашей безопасности. Это очень почетно!

– Почему ты дал им погибнуть, рябой палач?! Они же нас любили! Они давали себя пить добровольно!

– Вот этого мазохизма я никогда не понимал… Давать себя пить из одних только понтов…

– Они были такими стильными и сладкими!..

– Успокойтесь! Это – ритуальное кидалово. Ничего личного, поверьте! Чисто маркетинг. Они хотели анх? Они его получили. Вы же знаете: вечная жизнь дается только посмертно.

Царевич задохнулся от изумления и глотал воздух открытым ртом.

– Ну они хотели анх? – уточнил Малюта. – Э-э-э… вы же не думаете, что они имели в виду… висюльку на цепочке?.. Или?.. – В глазах Параклисиарха метнулась тень сомнения. – Или я что-то не так понял?.. – Он вдруг посмотрел на царевича виновато. – Упсс!..

– Мля… – выдохнул Бобрище.

А что тут еще скажешь?

Глава научного департамента лондонского комьюнити – Чарльз Дарвин, узнав подробности московского рейда, присудил премию своего имени московским депрессивным Руководителям Проектов.

А над пятью лучами подземелий, ведущих в ХХС, появились пять холмиков с начертанным на них анхом – бесполезным и обманчивым символом вечной жизни, известным смертным с начала времен.

Бобрище в память о вкусных Руководителях Проектов и во искупление вины перед ними жертвенно спалил любимый павильон № 45 «Охота и звероводство» на ВВЦ, основал во дворце Разумовского мемориальную маркетинговую службу холдинга ЗАО МОСКВА и возглавил ее.

Глава 16
Попытка преодоления ландшафта

Царевич не мог избавиться от наваждения: зажатый стальной оплавленной рукой алмаз, канувший в мутные воды Леты – Москвы-реки. Камень, хранивший в своей вечной памяти прикосновения танцовщицы, также уведенной у него когда-то чужой рукой. Ему хотелось порвать себя в клочья и покончить наконец с этой пыткой. Единственным утешением оставался крохотный бриллиант в мочке его уха – Анастасия. Он потерял все, что было ему дорого. Безумный век отнял у него главное: он потерял себя.

Тем безоблачным летним вечером, пропитанным бензиновыми парами и пятничным перегаром, царевича неудержимо влекло к Москва-Сити, к его взметнувшимся в небо башням. Он мчался по набережной под бьющийся в динамиках «майбаха» вражеский, но так точно резонирующий с его сердечным биением Muse, обжигавший оголенным нервом минора. Это была его личная палата интенсивной терапии. Он испытывал острый эмоциональный дефицит. Вплоть до душевной дистрофии. Царевич нуждался в энергообмене. Точнее, в духовном доноре, поскольку приток эмоций извне менять ему было не на что. Уар ощущал себя в этом смысле банкротом. Жить было нечем, и одержимость Беллами питала его анемичную душу. Этот смертный британец пел венами… И его внутривенный рок, словно прямое переливание живой горячей крови, бросал царевича в жар. И он вдруг почувствовал, что еще не все – по нулям. Еще может что-то случиться в его бесконечном бытии… А иначе на кой черт ему это нетленное тело? Он разгадал жертвенность певца, его великодушное стремление напоить собой страждущих. Он словно видел, как у рокера рвутся жилы, лопаются вены и весь стадион обагрен его кровью. Этот смертный пел ради отпущения всех вселенских грехов, пел для оправдания – до синевы губ, пел ради того, чтобы «души не были эксгумированы». Уару казалось, что его руки держат не руль, а напряженную гортань певца. Он грезил гортанью Беллами и понимал, что в состоянии аффекта способен выпить до дна своего кумира – тлетворную кровь, не совместимую с его собственной. Это была бы красивая и концептуальная смерть – от несовместимости с тем, кого любишь. Выпить – и освободиться от последнего, что держало его здесь! И уйти в серое мышиное небытие. И повиснуть вниз головой в бункере неясного

назначения, и пищать в темноте и сырости от тоски и страха, заслонясь от города заблуждений кожаными крыльями. Он только боялся, что смерть его будет больной и грязной.

Забрызганное кровью ветровое стекло… Посиневшие от оправданий губы над залитым кровью стадионом… Рок. Он – этот щуплый британец с напряженной гортанью – вселял в царевича острое чувство праведной смерти. И если бы Уар не был бессмертным, он хотел бы умереть от эстетического шока. Это была бы достойная смерть.

Ожил блютуз. Сердце сокольничего безошибочно угадало настроение друга.

– Ты опять на подсосе? – Он узнал запредельный голос, от которого хотелось повеситься с блаженной улыбкой на устах. – Хочешь, я к тебе приеду?

– Нет. Он нас всех отпевает… – ответил Уар и отключился.

Навстречу вырывающему сердце минору неслась, словно финишная лента, светящаяся вена моста «Багратион». Сквозь его стеклянное русло дряхлое сердце столицы качало органику прямо во чрево восставшей в лоне Москвы «Башни 2000» – в офисы, магазины, рестораны со снующими девочками и мальчиками smart&beauty, будоража воображение Уара предстоящей трапезой. Там пульсировала плоть и накачивалась ПРА.

Безумная гонка завершилась в пасти подземного паркинга самой высокой башни на набережной. Царевич уверенно шел искрящимися галереями и холлами комплекса, не таясь, привлекая к себе заинтересованные взгляды обитателей и гостей обоего пола. Нахлебавшись под завязку, чтобы хватило для долгого – до самого утра – бодрствования, он купил бутылку «Чиваса» и вознесся на шестьдесят первый этаж, где отыскал лестницу, ведущую на крышу. Он мог бы, конечно, снять пентхаус, но не хотел сидеть взаперти. Этой ночью он желал каждой клеткой кожи ощутить единение с Вечной Бездной, а главное – встретить рассвет и увидеть наконец горизонт, чтобы это зрелище отложилось в его сознании, научило восставать из тьмы и не позволило ему пропасть в пучине мертвого клубняка, в который он собирался погрузиться с отчаянной и героической миссией: отучить элитную плоть употреблять в интервью слово «волнительно».

Выбрав подходящее место средь дебрей причудливых антенн, в компании которых ему предстояло коротать эту ночь, царевич разделся, лег, раскинув руки и ноги, и обратил свой отчаянный и призывный взор к небу.

«I'll do it on my own… Я со всем справлюсь сам…» – звучал в нем дьявольский фальцет.

«Чивас» и ночная колыбельная теплынь убаюкивали царевича. Ночь приняла его в свои нежные объятья. Светлые туманности из-за пределов Млечного Пути ниспослали ему свой свет, а он с восторгом и благодарностью поглощал его. Он стал воплощением темной туманности. Небеса были к нему в ту ночь милостивы и одарили избранника звездным дождем, устремившимся потоками в его ладони. Неизвестная комета, изменив своей эпилептической орбите, шалила, выписывая феерическую спираль над спящим городом. Вся красота вселенской ночи сосредоточилась на этой крыше. Мироздание явило своему любимцу самое изысканное шоу, вызвав настоящий переполох в астрофизических лабораториях.

А москвичи ворочались в своих душных постелях, силясь уснуть. Считали слонов, идущих своим ходом из Африки в Москву, подрывались к окнам, заслышав вой автомобильной сигнализации, шлепали в темноте в свои тесные кухни, чтобы глотнуть воды, с раздражением смотрели на электронные светящиеся циферблаты часов, ругались, проснувшись от утробного рыка мусорных машин, опорожнявших контейнеры с бытовыми отходами, – москвичи производят чрезвычайно много отходов. Они делали еще много привычных до оскомины вещей в замкнутом пространстве своих жилищ. Не делали москвичи только одного: они никогда не смотрели в ночное небо. Чай, не в стогах лежали…

Разукрасив прихотливым орнаментом небо, комета взметнулась в зенит, озарив ночь пламенеющим хвостом, и вдруг понеслась на Москву. Уар выхватил мобильный телефон и развернул камерой ей навстречу, чтобы заснять смертоносное зрелище, и в этот момент вдруг с леденящей ясностью понял, от чего погибнут москвичи: они уйдут в Вечность, снимая на мобильные телефоны несущуюся на город смерть и транслируя изображение в Интернет. Даже если о приближении кометы станет известно заранее, все москвичи, которые смогут выйти из дома, выйдут, вскинут руку с гаджетом к небу и станут передавать зрелище приближающегося конца тем, кто физически не смог покинуть своих жилищ и насладиться красотой и роскошью ниспосланной им смерти. И никто не спасет этот город. Царевич возликовал, ощутив эстетский восторг, – это будет самая изысканная смерть из всех, какие он мог вообразить и пожелать себе и Москве.

А солнце тем утром так и не взошло над Москвой. Быть может, где-нибудь в других краях… Но не над Москвой. А может статься, он проспал. И, очнувшись от ночного морока, увидел лишь тяжелые, налитые свинцом тучи, готовые в любое

мгновение пролить металл на крыши и головы, сделав из Москвы форму для отливки, едва органика внутри формы обратится в прах. И тогда Москва перестанет наконец расползаться и пучиться и останется такой, как есть, на веки вечные. И кто-то там, наверху, кто все это затеял с неведомой целью, возьмет остывшую форму-паску, отряхнет от праха и станет заполнять ее влажным песком океанических отливов, а потом выкладывать в каких-нибудь других галактиках. И синие гуманоиды далеких туманностей придут в изумление и восторг от такого небывалого зрелища и будут с горячностью убеждать друг друга на вселенских конгрессах, что такого города нигде во Вселенной нет и быть не может, что это – игра природы, чары пульсирующих белых карликов или последствия урагана, оставившего на их планете такой прихотливый наброс. Но утром случится прилив, и волны примутся слизывать странный песочный город: дворцы и храмы, башни бизнес-центров и жилые короба спальных районов, продавщицу мороженого и дворников, постовых милиционеров и карманника, влюбленных в скверах и нянь с младенцами на детских площадках, и наконец, зубцы и шпили крыш. И весь он к полудню уйдет в океан, оставив на чужой планете память о себе лишь в мифах.

В сознание привел царевича звонок.

– Ты где? – спросил сокольничий. – Плоть разогрелась. Кушать подано!

Уар подошел к краю карниза. Внизу уже чавкал, лязгая зубами, ненасытный город и урчал, переваривая свой бизнес-ланч.

– Понесла-а-ась, родимая! – закричал он Москве. – Поберегись!

Мистерия продолжалась. К вечеру Москва превратится в гигантские подмостки. Россыпи «звезд» всех мастей будут блистать на них искусственным светом плазменных экранов, а потом пропадать без следа.

Исчезла плавность перехода в бытии. Грандиозные метаморфозы случаются столь часто, что уже никого не удивляют. Москва перемалывает сырье. Знай – закидывай! Отсосав деньги и юшку, спрессует жмых в брикеты, которые пойдут либо в топку, либо в колбасу. А потом все вместе – на удобрения. Растущий организм Москвы требует подкормки, подпитки и не оставляет выбора.

Глава 17
Перед новым витком

В Староконюшенном переулке, во дворе иммиграционно-визового отдела канадского посольства сидела на лавочке в ожидании своей очереди убывающая московская плоть. Уар подсаживался, имея в руках такую же пластиковую папку, как и отъезжанты, заговаривал с ними. И целовал на прощанье в шею. Родина делала последний глоток – прощальный. А потом он отбывал в клуб и напивался там до зеленых чертей.

За глубокой старостью и крайним переутомлением основатель Москвы Мосох, как слышно, оставляет свой пост и переезжает на постоянное жительство в палату интенсивной терапии лосиноостровской «Кремлевки».

Николенька Трубницкий, прихватив материалы всех накопившихся дел, которые сгрузили на него при косметическом ремонте и починке милиции, ушел с ними в продюсерский центр, созданный холдингом ЗАО МОСКВА, и засел за сценарии детективных сериалов, где его герой одно за другим раскрывал эти старые, не дававшие ему покоя, преступления. Впрочем, их фигуранты давно уже сидели в Думе и чиновных кабинетах. Но иногда и они, бросив случайный взгляд на плазменный экран, поеживались и проверяли срок действия своих загранпаспортов. В роли неубиенного мента снимается сам Трубницкий.

Александр Иванович Герцен продолжает звонить в Лондоне в «Колокол». Правда, теперь уже по большей части – рефлекторно. Не брезгует рекламой в своем издании. А недавно молодежное крыло партии смертной власти в ходе показательного приведения в порядок склона Воробьевых гор, который вечно попадает в кадр, откопало бутылку из-под «Вдовы Клико» 1829 года, в которой находился листок бумаги, исписанный, если верить экспертам, правыми руками гг. Герцена и Огарева. Текст представляет собой вовсе не клятву «пожертвовать жизнью на избранную борьбу», а текст пари относительно судьбы возможной революции, конкретно – сколько продержится. Александр Иванович давал год, Николай Платонович, будучи поэтом, то есть человеком увлекающимся, отпускал на аттракцион полтора года. Ставками пари указывались весьма крупные для студентов суммы.

Растопчин каждый год жжет Подмосковье в надежде вырастить в слоях сгоревшего торфа алмазы. Это ничего, что тысячи лет должны пройти. Ему спешить некуда, он – вечный. Дождется, если жизнь не наскучит.

Фаберже на заказ покрывает гаджеты золотом и платиной, а также инкрустирует рубинами, бриллиантами, сапфирами, изумрудами. Чем не яйца?!

Епифана вынесло на передний край борьбы с новой, в количественном смысле, старой отечественной чумой – коррупцией. Исходил он из того принципа, что если не можешь что-то побороть, то возглавь. Скоро на стенах госучреждений, у входных дверей для посетителей появятся ящики с надписью: «Пожертвования на борьбу с коррупцией». Такие же ящики планируется установить и у каждого чиновного кабинета и рабочего стола.

Лондонские с московскими так и не помирились, потому что справедливо полагали, что в протянутой руке дружбы должен лежать камень. В полтора фунта весом.

Смертная власть окончательно уверовала в средний палец и под тяжестью социальных обязательств взяла на вооружение тайный знак «МММ», придав ему новый сакральный смысл, отразивший ее чаяния и тревоги: «Мало Мрут Миряне».

В ХХС проводятся корпоративы и гламурные вечеринки при участии всех властных раскидистых ветвей – на радость и на ужин бессмертным нетрадиционным потребителям.

Временами, в ночь полнолуния, сквозь темные плотные коренные глины дна потревоженной внезапным штормом Москвы-реки взметнется вдруг, освещая пологие склоны, луч отраженной «Куллинаном» Луны.